

379.44(с)71(с-м)
087 Г-72

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

**ОТЧЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ**

за 1916—1925 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА 1926

219.44(с)/71(с-М)
П. 72

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

ОТЧЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

за 1916—1925 гг.

16 ОКТ 2009

БИБЛИОТЕКА
Н М
Инв. № 9683

М О С К В А
1926

ПРОВЕРЕНО

БИБЛИОТЕКА
Н М
Инв. № 3279

ОТЧЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО

Печатается по постановлению
Ученого Совета Государственного Исторического Музея
За ученого секретаря Ю. Алмазов.

Издание выполнено Издательством
«Работник Просвещения»

Исключительные условия жизни как государства, так и Государственного Исторического Музея были причиной того, что в течение десяти лет коллегия Музея не имела возможности публиковать отчеты о своей деятельности ежегодно, как это было до 1916 года.

В настоящее время при изменившихся к лучшему условиях жизни Музея Ученый его Совет решил возобновить ежегодные отчеты о своей деятельности. Но, чтобы восстановить прерванную на время традицию, необходимо было, естественно, прежде всего дать отчет о деятельности Музея за 1916—1925 гг., тем более, что эти годы были знаменательными годами в истории Музея: они совпали не только с усиленным его развитием, но и с коренной реформой, изменившей как самую структуру Исторического Музея, так и состав его работников. Поэтому Ученый Совет Музея поручил своей Редакционно-издательской комиссии озаботиться составлением и изданием общего Отчета ГИМ за истекшее со времени последнего годового отчета десятилетие.

Комиссия пригласила к участию в составлении этого отчета И. М. Тарабрина и Ю. В. Сергиевского, как лиц, исполнявших обязанности ученых секретарей Музея за означенное десятилетие, при том более других знакомых в силу этого с материалами для этого отчета.

Совместно с ними был выработан и план десятилетнего отчета: он естественно распадается на две части 1916—1920 и 1921—1925 гг., так как, как раз на грани этих двух периодов в жизни Музея лежит реформа его, подготовлявшаяся в первом и осуществленная во втором периоде, после чего жизнь Музея стала течь по новому руслу.

Руководясь примером прежних отчетов, Редакционная комиссия предположила присоединить и к настоящему несколько научных приложений в виде работ, тесно связанных с коллекциями Музея, его приобретениями и его жизнью. Предположение Комиссии было одобрено Ученым Советом Музея, чем окончательно и определен состав настоящего Отчета.

Председатель Редакционно-издательской
комиссии Музея акад. М. Сперанский.

ОТЧЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
за 1916—1920 гг.

За пятилетие с 1916 по 1920 гг. включительно — годы империалистической войны, революции и гражданской войны — научная деятельность Исторического Музея протекала при исключительно тяжелых для планомерного ее развития обстоятельствах. В течение почти всей первой половины этого периода были отозваны для несения военной службы не только многие из числа опытных технических служащих Музея, но и несколько ответственных научных его работников (хранители, старший библиотекарь, ученый секретарь); во второй половине периода все служащие Музея по необходимости немало были отвлекаемы от прямых своих работ обстоятельствами, связанными с переживаемым моментом — революцией и гражданской войной. За все пятилетие помещения Музея, и без того ему недостаточные, вместо прямого своего назначения, должны были или предоставляться другим учреждениям (новый читальный зал и б. кабинет председателя — историко-революционному архиву, две залы с памятниками религиозного быта — Музею Ars Asiatica, б. Музей П. И. Щукина — Московскому отделению военно-ученого архива и пр.) или оставаться недоступными для обозрения (даже открытые залы 1-го этажа) из-за перегруженности их ящиками с эвакуированными в Москву древностями и пр. За это же время Музей потерял шестнадцать скончавшихся своих сотрудников, а из числа их и старейших или долголетних работников: заведующего Отделом рукописей и книг старой печати В. Н. Щепкина (1 янв. 1887 г. — 2 дек. 1920 г.), заведующего Отделом бытовых и историко-литературных материалов Н. Н. Кононова (1 янв. 1905 г. — 6 апр. 1920 г.), научную сотрудницу при ученом секретаре и завед. Отделом исторического быта Л. И. Бирюкову (18 сент. 1889 г. — 14 апр. 1920 г.), письмоводителя при канцелярии Н. М. Ляпунова (1885 г. — 29 дек. 1917 г.), старшего служителя Ф. И. Мотыча (1881 г. — 2 сент. 1919 г.) и др.

Не раз Музею грозила опасность и потери части его собраний, и даже расчленения его (февраль 1919 г.), и еще в 1920 г. Музей

должен был выступать в защиту идеи о нераздельности его собраний. Но все эти выпавшие на долю Исторического Музея тяжелые переживания не могли остановить роста Музея, вступившего с получением новых штатов в 1912 и 1914 гг. на путь расширения своей деятельности. И несмотря ни на что, сотрудники неуклонно продолжали свою научную работу, и на этот именно пятилетний период приходится напряженная работа как ученой коллегии Музея в целом, так и отдельных ее членов в частности, направленная на изыскание путей к наискорейшему развертыванию собраний Музея и всестороннему научному выявлению их значения, в целях ознакомления с ними отдельных специалистов и широких масс. Этот период, если не считать приобщения к Музею целого Музея П. И. Щукина в 1905 г., можно сказать, является исключительным в жизни Музея как по количеству, так и по значительности его приращений—в это именно время в состав Музея вошли: собрание древностей, рукописей, архив и библиотека Уваровых, собрание серебра А. А. Бобринского, серебра, фарфора, стекла и пр. Н. М. Миронова, три клада Киевского Златоверхого Михайловского монастыря, значительное собрание гравюр и литографий К. Н. Козырева, библиотека Московского Никольского Единоверческого монастыря с ценнейшим собранием рукописей и старо-печатных книг А. И. Хлудова, такое же собрание старо-печатных книг И. Н. Царского, огромный архив Куракиных, библиотеки с специальным подбором книг Л. Э. Бухгейма, Г. Ф. Карпова, Л. М. Савелова. К этому же времени относится присоединение к Музею, как особого Отдела его—греко-славянских рукописей, б. Патриаршей библиотеки, и как филиалов Музея—дома и библиотеки Московского Археологического Общества, б. Московской Епархиальной библиотеки и библиотеки б. Певческого училища и, наконец, нумизматического собрания и при нем специальной библиотеки П. В. Зубова. Эти богатые приращения Музея послужили одним из важнейших поводов к исходатайствованию увеличения штатов Музея в 1918—1920 гг. значительно дополнивших штаты 1912 и 1914 гг., благодаря чему Музей мог включить в число своих работников несколько выдающихся в той или иной области специалистов.

ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ПОСТУПЛЕНИЙ.

Кроме обычного, как и в предшествующее время, пополнения собраний Музея покупкой и дарами учреждений и лиц, с 1918 г. Музей стал пополняться также и путем передачи в него правительственными органами древностей, национализированных или реквизированных как целыми коллекциями, так и отдельными предметами. Из всех этих приобретений Музея за отчетный период отмечаются лишь важнейшие.

По Отделу древностей первобытных и курганных.

В числе поступивших древностей неолитической эпохи должны быть упомянуты: а) орнаментированный глиняный сосудик с отбитыми краями из Волосовской стоянки, Муромского уезда, Владимирской губ. (дар П. С. Уваровой), б) десять, доставленных К. В. Марковым, коллекций обломков орнаментированной глиняной посуды, собранных в разных местах Каргопольского уезда, Олонецкой губ. на берегах озер Кенозера, Воже, Лаче, рек Онеги (урочище Кубенино), Модлоны; три из них сопровождаются кремневыми орудиями, одна, кроме того, костями животных, частью обработанными. Вместе с этими древностями К. В. Марковым доставлены план озера Кенозера и калька бассейна р. Онеги.

К поздней поре палеометаллической (бронзовой) эпохи (Фатьяновская культура) относится каменный топор-молот со сверлиной «пестикового типа» (ср. Отчет Музея за 1914 г., стр. 141), найденный в окрестностях г. Плеса, Костромской губ. в осыпях р. Волги; топоры этого типа встречаются в России редко и, возможно, представляют предмет вывоза из Южной Прибалтики (дар В. М. Викентьева). К той же поре относятся две коллекции предметов, добытых раскопками П. С. Уваровой близ г. Нальчика, Терской области; особый интерес представляют изящный камен-

ный топорик, явно подражающий медным образцам, и медный копьевидный нож.

Заслуживают упоминания памятники конца палеометаллической эпохи: а) каменная форма с двумя углублениями для отливки бронзовых серпов, найденная близ с. Воскресенского, Екатеринбургского уезда, Пермской губ., на берегу озера Карагуз (дар М. М. Тальгрена), б) найденные в Богородской вол., Тетюшского уезда, Казанской губ. бронзовые серп и нож; последний с двумя отверстиями на черенке и двумя резанными вглубь знаками-буквами или тамгами (дар В. А. Городцова), в) коллекция предметов, добытых В. А. Городцовым в открытой им, в с. Цагвери близ Боржома, Горийского уезда, Тифлисской губ., богатой мастерской, где вырабатывались медные, бронзовые и обсидиановые вещи; наряду с предметами домашнего быта (обломки глиняной посуды высокой техники), прекрасно обработанными обсидиановыми наконечниками стрел и др. в коллекции—большое количество осколков обсидиана, обломки тиглей с остатками в некоторых застывшей бронзы, обломки глиняных литейных форм, глиняные наконечники раздувальных кузнечных мехов (сопл), медные шлаки, обломки точильных брусков, большой точильный камень, обломки андзитовых ступ, повидимому, для размельчения медной руды (дар Московского Археологического О-ва). К концу палеометаллической эпохи или к ранней поре неометаллической (железной) эпохи относится один из двух бронзовых кельтов, найденных вместе с бронзовой же круглой бляхой с ушком в котловине выдувания Волосовской дюны, Муромского уезда, Владимирской губ.; у этого кельта сохранилась деревянная рукоятка с вбитой деревянной же заклепкой, что указывает на употребление кельта, как долота. Предметы эти, вероятно, происходят из погребений младшего Волосовского могильника, открытого и отчасти исследованного в 1910 г., по инициативе П. С. Уваровой, В. А. Городцова (дар П. С. Уваровой).

К концу ранней поры или к средней поре неометаллической эпохи относятся добытые раскопки В. А. Городцова в могильнике (I—II века нашей эры) близ с. Ахалмени глиняный, хорошо обожженный с такой же крышкой саркофаг, две арбалетных медных фибулы и лобная кость человека с посмертной трепанацией (дар Московского Археологического О-ва).

Из предметов поздней неометаллической эпохи представляют интерес: а) добытые раскопкой И. К. Линдемана в курганах дер. Малы, Псковской губ. древности Псковских кривичей; среди них— три тельника конца X в. или начала XI в. местной (новгородской

или псковской) работы, б) найденный на пашне той же деревни сломанный меч, судя по верхней гайке рукоятки, обработанной в виде двуликой головы мужчины, скандинавского происхождения, в) найденный Д. Н. Эдингом в кургане близ д. Кузнецовой, Великолуцкого уезда той же губернии, женский череп с головным украшением—венком из бронзовых спиралей и обойм, указывающим по своему характеру на принадлежность покойницы к финскому племени; погребение датировано монетой Генриха I (945—955 гг.) (дар Московского Археологического О-ва).

Среди памятников вятичской культуры любопытны два каменных орудия, найденные в одном из курганов близ Воскресенского посада, Подольского уезда, Московской губ., при мужском погребении XI в.; в виду сохранившегося в этой губернии обычая класть в гроб колдуна, так называемые, громовые стрелки можно думать, что и здесь мы имеем дело с погребением кудесника (дар В. А. Городцова). Но исключительное значение имеют приобретенные Музеем в 1916 г. на средства капитала имени И. Е. Забелина три клада XII в., найденные в Киеве на усадьбе Златоверхого Михайловского монастыря в 1903, 1906 и 1907 гг. В состав первого клада входят: серебряные—одна шейная и две монетных—шестигранные гривны, три ожерелья—одно из золотых с финифтяным орнаментом бляшек и нитей жемчуга, другое из серебряных бляшек с зернью—бус, серебряного крестика и золотой бляшки с черневым крестом, третье из серебряных бляшек, покрытых сканью, четыре серебряных колта с черневыми изображениями животных, десять серебряных перстней, пять золотых височных привесок, двадцать одно серебряное височное кольцо двух типов, шесть серебряных браслет разной формы с эмалью, браслет из золотых бляшек с финифтяным орнаментом, два каменных крестика в серебряных оправках, пара серег, обломки разных предметов и обрывки парчи; в состав второго клада входят: три обломка золотой монетной гривны и две серебряных целых монетных гривны, серебряный браслет, два золотых колта, один с изображением двух птиц из финифти, другой с финифтяным орнаментом, два серебряных колта, золотые перстень и две серьги-привески; в состав третьего клада входят: глиняный горшок с пятидесятью тремя серебряными шестигранными монетными гривнами и тремя серебряными гривнами в форме палочек и пара золотых серег-привесок.

Выдающийся интерес представляют также: а) семь кусков древних тканей, добытых в погребениях Северного Кавказа с изображением крылатого льва и восточной надписью на одном, с двуглавыми византийскими орлами на трех, с изображением

птиц на двух, слонов на одном (см. Матер по археол. Кавказа, т. X), б) Кавказские фаянсовые и стеклянные сосуды XIV в., лучшие из них—персидской работы, в) предметы того же XIV в., добытые раскопками П. С. Уваровой в Терской области близ с. Махческ,—остатки шелковой одежды, обуви из расшитой шелками юфти, части кожаных, еще богаче расшитых шелками, кошельков, два черепа с остатками богатых головных уборов, железные кинжалы в деревянных с бронзовыми наконечниками ножнах и серебряные и фаянсовые чашечки (см. Матер. по археол. Кавказа, т. VIII) (дар П. С. Уваровой).

По Отделению древностей греко-римских и византийских.

Должно отметить семь фрагментов с греческими надписями из Горгиипии, Ольвии, Неаполиса и Херсонеса (изд. акад. В. В. Латыщевым в *IosPE*); два из них представляют особый интерес в смысле выяснения сакральных древностей греческих колоний Причерноморья; один из Ольвии с посвящением Зевсу, другой из Неаполиса с посвящением Ахиллу, владыке острова Левки (дар П. С. Уваровой).

По Отделу исторического быта.

Впереди других поступлений за отчетный период должны быть отмечены значительно обогатившие Музей ценнейшими памятниками два крупных дара: а) Е. Н. Шевлягиной, передавшей в Музей разнородные предметы быта—свыше 800 номеров—русской и иностранной работы, из серебра, фарфора, кости, дерева, меди и пр.; особенно богато среди них представлено русское серебряное дело с черневым орнаментом, начиная с XVII в. и кончая работами великоустюжских мастеров XIX в., и б) А. А. Бобринского, передавшего в Музей около 275 предметов, преимущественно серебряной посуды и другой утвари. Оба собрания характеризуют быт русских высших классов XVIII и начала XIX веков.

Среди памятников первого собрания заслуживают особого упоминания: из серебряной посуды—три серебряных ковша русской работы, пожалованных Петром I симбирянину Мартемьяну Захарову за его труды 1695—96 гг., вологжанину Сергею Лукьянову Пушнику в 1703 г. и Леонтию Патову в 1713 г., две стопы западной работы с изображениями сивилл 1688 и 1691 гг.; три стопы с врезанными русскими монетами времени Петра I и западными XVI—XVIII вв., и исключительная по своему художественному значению кружка серебряная массивная с подъемной крышкой

рижской работы конца XVII в.; по тулову—чеканное рельефное изображение на библейский текст из 14 гл. Книги Бытия, аугсбургской работы известного мастера Телота. Из предметов металлической посуды любопытен зелено-медный самовар работы тульского мастера Василия Долгова, украшенный нарезными изображениями зданий и людей. Фарфоровая посуда представлена редкими образцами императорского фарфорового завода времени Елизаветы Петровны—тарелкой и чашкой с блюдцем и интересной по дате и подписи мастера чашкой с блюдцем завода Гарднера—работы Кестнера 1780 г.

Из других предметов этого собрания представляют интерес: а) ящик для корана (капторга) серебряный с подъемной кровлей, изготовленный в 1612 г. для Касимовского царевича Ишанай Имильдши (см. о нем ст. Вельяминова-Зернова 1870 г.), б) две статуэтки арлекинов, менсенского завода XVIII в., работы художника Кендлера, в) табакерка серебряная с черневым орнаментом наподобие книги в переплете с любопытными надписями и видом, вероятно, Устюга XVIII в., г) стул стальной тульской работы, богато орнаментированный медью и д) сани деревянные, судя по имеющемуся на них гербу дома Вазы и по их устройству, скандинавского происхождения XVII века.

Во втором собрании отмечаются: а) четыре серебряных самовара, один из них 1782 г. принадлежит к числу наиболее старых в коллекции Музея, б) блюдо серебряное вызолоченное бреславльской работы Готфрида Гейнце конца XVII—начала XVIII в., в) *surtout de table*, состоит из 36 предметов прекрасной английской чеканной работы XVIII в., г) больших размеров прибор серебряный для графинов, превосходной французской работы начала XIX в., д) две золотых украшенных драгоценными камнями табакерки французской работы конца XVIII века.

Из числа других предметов, поступивших за отчетный период, интересны—*по подотделу посуды*: а) ковш серебряный, пожалованный в 1660 г. Алексеем Михайловичем серпуховитину Михаилу Плотникову, б) кубок серебряный, поднесенный гр. Зубову властелином г. Баку Гуссейном Али Ханом по сдаче города в 1796 г., на тулове два золотых клейма, залитых финифтью, с видом Баку и персидской надписью, в) блюдо серебряное, местами вызолоченное, работы аугсбургского мастера Варембергера, умершего в 1704 г., пожаловано тому же Зубатову Екатериной II за персидский поход, г) судок-поднос красномедный, густо высеребренный, прекрасной русской работы сороковых годов XIX в.; в судке вставлены два граненых графина из белого и рубинового стекла и че-

тыре таких же рюмки, д) фляга оловянная в форме сплющенного шара, по тулову резан часовой циферблат, западной работы XVIII в., е) бокал стеклянный, по тулову—двуглавый орел времени Петра I и титул царя на латинском щите; *по подотделу настольных и других комнатных украшений*: а) бронзовая массивная скульптура, вышиной около полуметра—Сатурн поражает Богатство, изображенное в виде полуобнаженной женской фигуры с рогом изобилия, из которого сыплются монеты с вензелем Екатерины II, Бедность представлена нагой мужской фигурой. По преданию семьи, владевшей этой скульптурой, последняя—работы известного художника-скульптора конца XVIII в. Шубина, б) двое настольных часов: одни из дуба—работы русского мастера Ильи Лукина 1828 г., другие—красного дерева,—работы Спиридона Суворкина в Астрахани; *по подотделу тканей и одежды*: а) значительное собрание столового белья—скатерти и салфетки изделия Большой Ярославской мануфактуры, свыше 200 номеров, в большей своей части датированные последними годами XVIII в. и первыми XIX в. (дар А. А. Карзинкина и А. Ф. Грязнова), б) платок шейный кисейный вышитый тамбурным швом черным шелком и золотом, по краям—золотая бахрома, делан на границе Вологодской и Новгородской губ.; богатый образец русской работы крепостной эпохи XIX в., в) одеяло стеганое шелковое, вероятно, брачное, половины XVIII в.; *по подотделу оружия*: а) ружье кремневое одноствольное; ствол—западной работы, замок—тульской 1744 г., б) ружье китайское крепостное с китайской надписью на стволе (доставлено из мастерских наглядных пособий при Наркомпросе), в) ружье охотничье кремневое одноствольное с именем мастера Потереск, XVIII в., г) модель мортиры, около 8 см. длины, зеленомедная высеребренная и частью вызолоченная. По любопытной немецкой надписи можно заключить, что модель эта сделана была в 1718 г. жившим в Петербурге иностранным мастером по заказу Петра I для сына его Петра Петровича. В дно нового лафета врезана медная дощечка с надписью о дарении этой модели Ф. А. Бычковым на память С. В. Михалкову в 90 годах XIX в.; *по подотделу домашнего быта*: а) плетть ременная треххвостка, по словам дарителя, носившая название «коммерческая казнь» (дар Н. М. Горбова), б) безмен калужской работы 1821 г. (поступил из МЧК). *Ряд памятников меморативного значения*: а) вещи Т. И. и Е. Б. Грановских, среди них два принадлежавших ему бювара работы московского мастера Глезера, на одном год 1845, б) портфель кожаный, тисненый золотом, А. В. Станкевича, работы тех же сороковых годов XIX в., в) трость деревянная, по надписи,

резанной на оправе, поднесена П. В. Киреевскому П. М. Языковым «на поражение врагов древней Руси», г) трости, принадлежавшие декабристу Н. И. Тургеневу и его брату А. И. (дар А. А. Фомина), д) пресс-папье Н. А. Добролюбова (дар Д. Н. Доброхотова), е) другое (с фотографическим портретом И. С. Тургенева) (дар А. А. Фомина), ж) готовальня серебряная, снятая в 1812 г. с убитого французского офицера, позже принадлежавшая декабристу И. Д. Якушкину.

По Отделению религиозных древностей.

Упоминания заслуживают следующие памятники: а) икона на доске—Богоматерь, сидящая на престоле с младенцем, по сторонам Иоанн Предтеча и Николай чудотворец, италогреч. письм. XV—XVI в., б) икона на доске—Иоанн богослов с Прохором, XVII в., мерою 138×108 см., вклад 1635 года, в) икона на доске—Собор Иоанна Предтечи, XVII в., мерою 30,5×25,7 см.; на обороте надпись—«145 году марта в 20 д. сий образ написан по обещанию...», г) две составных доски походного иконостаса, обложены медной басмой, внизу изображены: чин деисусный и вход в Иерусалим (необычно слева на правой доске), вверху: чин пророческий. Мера в раме 45×32 см. Иконы могут быть отнесены к XVII в., д) икона гипсовая рельефная, по левкасу расписана краской—Феодор Стратилат, мерою 71×44 см.; из надписи внизу иконы видно, что ее резал Стефан Заруцкий в 1681 г.; на обороте другая надпись гласит, что образ этот блаженной памяти царя Федора Алексеевича пожалован мастеру Федору Кудрявому Пещник(у) (передана по указу Московской духовной консистории в 1916 г. из церкви Троицы, что на Капельках на 1 Мещанской ул.); е) дарохранительница оловянная с отъемной верхней частью, рамки припаенных к боковым стенкам образков в стиле барокко, сред. XVIII в., представляет интерес по имеющимся на ней клеймам, ж) рама панагийная серебряная, богато украшенная камнями и финифтью XVII в., з) крест напрестольный восьмиконечный, зеленомедный, 25×12 см., 1066—1558 года, вклад Власея Максимова сына Яков(лева); по типу единственный в собраниях Музея, и) предметы найденные при раскопках Зверинецких пещер в Киеве: крест-тельник, плетеный из ремня на таком же гойтане, часть подобного же другого креста, обрывок такого же гойтана, обрывок кожаного пояса с выбитыми на нем девятью праздниками, кожаная туфля, вырезанная из одного куска (дар старосты надпещерных Зверинецких храмов и хранителя пещер Н. Д. Жевахова).

По Отделению памятников народного творчества.

Из поступлений за отчетный период должны быть упомянуты: а) коллекция, собранных в 1916—17 гг., галицийских вышивок, тканей, костюмов, бисерных изделий (424 предмета), б) коллекция черемисских, мордовских и чувашских костюмов и вышивок из Вятской, Тамбовской, Казанской и Нижегородской губ. (80 предметов), в) два конца холщовых полотенец с вышитыми в народном духе изображениями птиц Сирина и Алконоста и годом 1815—редкий пример датированного народного шитья, г) коллекция, собранных В. С. Вороновым в 1908—1918 гг. в разных губ. средней и северной России, деревянных, из папье-маше, глиняных и фаянсовых народных игрушек (201 предмет), д) коллекция собранных им же в Твери, Новгороде и Курской губ. народных пряников (60 штук), е) коллекция собранных им же преимущественно в северной России прялок и швеек (21 предмет).

По Отделению монет, медалей и печатей.

Три древних золотых статира, принесенные в дар Музею Ф. И. Прове: архонта Босфора Киммерийского Игиэнонта с его портретом и изображением сидящей Афины, Босфорского царя Митридата сына царя Аспурга с изображением римского императора Гая (Калигулы) и Ники, стоящей на искре, и царя скифов Фардоя с его портретом и изображением орла; благодаря первому статире восполняется новым именем ряд имен правителей Босфора в III или в IV в. до нашей эры, когда статир был отчеканен, второй статир, несколько разнящийся от других известных экземпляров, датирован 336 г. местной эры (39—40 г. нашей), время чеканки в Ольвии третьего статира может быть определено II веком нашей эры (Первый и третий статире описаны в Трудах Моск. Нумизмат. О-ва, т. II и в III т. Нумизматического Сборника).

По Отделу иконографии.

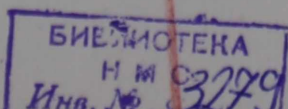
За отчетный период Отдел обогатился крупным приобретением принадлежавшего К. Н. Козыреву собрания гравированных и литографированных портретов и изображений разных событий (свыше 2000 листов), значительно дополнившего подобные же собрания ранее поступившие в Музей.

Из других коллекций должны быть отмечены: а) ценнейшее для истории русской иллюстрации, как попытка создания особого

словаря русских художников-иллюстраторов, собрание вырезок с произведениями их в русской иллюстрации с 1870 г. до последнего времени (в систематизированных собирателем и дарителем А. П. Новицким в четырнадцать папках из семнадцати отмечено имен таких художников свыше 1400). К собранию присоединены еще десять папок с каталогами ста двадцати трех художественных выставок, материалами по кассе взаимопомощи литераторов и ученых, начиная с 1840 г., и многочисленными данными, собранными А. П. для освещения жизни и деятельности того или иного художника, б) значительное собрание карандашных рисунков худ. П. М. Боклевского—иллюстраций ко многим произведениям русских классиков, в) двадцать листов карандашных и акварельных В. А. Жуковского 1839 г. с портретами близких ему лиц, д) собрание акварельных рисунков, начала XIX в. с изображениями видов Сибири и бытовых сцен (90 листов), е) двадцать три листа карандашных рисунков худ. А. М. Васнецова с изображениями видов Москвы, Старой Ладogi, Смоленска и др. местностей и зданий, ж) собрание портретов Тургеневых, частью в оригиналах; таковы профильные портреты А. И. Тургенева и В. А. Жуковского [миниатюрного письма на бумаге сепией работы Бушерди в Париже, силуэт—портрет Фанни Александры Тургеневой, дочери декабриста Н. И. Тургенева, дагерротип-портрет И. С. Тургенева в молодости, частью в фотографических снимках; таковы портреты декабриста Н. И. Тургенева и его семьи (дар А. А. Фомина), з) собрание фотографий русских деятелей XIX в., приобретенное у Н. В. Давыдова, интересное по подбору и по сделанным Н. В. записям биографического характера, и) принадлежавший декабристу М. И. Муравьеву-Апостолу альбом с сорока фотографическими портретами (частью с натуры, частью с рисунков) декабристов и других лиц (дар А. А. Фомина).

Среди отдельных поступлений должны быть упомянуты: а) неизвестный в иконографии портрет Петра I масляными красками на холсте в рост в латах, на латах изображены три лица, в одном можно предполагать Ромодановского, мерою 2,27×1,57 м.; по преданию, сообщенному владельцем, портрет писан на севере голландским художником, хранился в Соловецком монастыре, одним из настоятелей коего и был подарен предку владельца, б) портрет погрудный Александра I, масляными красками на холсте, работы худ. В. А. Тропинина, в) портрет А. П. Ермолова, масляными красками на холсте, работы худ. Дау 1825 года, г) любопытный в бытовом отношении и по дате акварельный портрет неизвестного лица, по костюму и типу—одного из представителей купечества, работы

худ. А. О. Орловского 1821 г., д) портрет матери А. А. Аракчеева, масляными красками на холсте, е) литографированный портрет отца Герцена И. А. Яковлева 1843 г. с автографом Яковлева, ж) рисунок карандашом на бумаге с изображением Д. В. Венеитинова на смертном одре (находился в столе П. Х. Кетчера), з) интересное в бытовом отношении изображение кухарки, масляными красками на холсте, работы худ. Михайлова, ученика Венецианова, с удостоверением акад. А. Егорова от 24 дек. 1835 г. о награждении художника серебряной медалью, и) рисунок тушью на бумаге с изображением могилы А. С. Пушкина в Святогорском монастыре, работы худ. А. К. Саврасова, 12 окт. 1873 г., к) картина масляными красками на холсте с изображением дома, где жил Н. В. Гоголь у А. О. Смирновой, работы худ. В. Д. Поленова (дар. М. Н. Сперанского), и л) картина масляными красками на холсте с изображением бала в Боровске в 40-х годах XIX века.

По Отделу рукописей и книг старой печати.

За отчетный период в состав Отдела вошли два собрания рукописей: а) А. С. Уварова, хранившееся в имении Поречье, Смоленской губ. и б) А. И. Хлудова, принадлежавшее Московскому Никольскому Единоверческому монастырю. Первое из них, весьма ценное по составу и сохранности, включает 2606 номеров, из них 750 номеров не вошло в печатное описание собрания, часть рукописей входила в состав старейших собраний И. Н. Царского, А. С. Норова, И. Н. Сахарова, но есть и позднейшие приобретения П. С. Уваровой. Особо интересны: болгарские псалтырь и евангелие апракос с орнаментом XIII в. (последнее составляет часть рукописи, другая часть которой также хранится в Музее), древнейшие лицевые списки Козьмы Индикоплова 1494 г. и конца XV в., лицевая Годуновская псалтырь около 1600 г. Второе собрание, значительно меньшее по количеству (до 500 номеров) представляет ряд старых литургических текстов—русских и юго-славянских XIII—XIV вв. и памятников старообрядческой литературы; в этом собрании особенно ценны: лицевая греческая псалтырь IX в. и лицевая русская XIII века.

Кроме этих двух больших собраний, в состав Отдела вошло несколько мелких: от наследников А. С. Суворина—25 рукописей XVI—XIX вв., из историко-революционного архива—34 старообрядческих рукописи, от дочери Е. В. Барсова, А. Е. Тереховой—47 рукописей XVI—XIX вв. дополнительно к приобретенному Музеем в 1914 г. собранию рукописей ее отца и др.

Из отдельных поступлений должны быть упомянуты: а) кормчая греческая на пергамене минускульного письма конца IX или начала X в. с унциальными заглавиями, одно из них латинское, б) лист пергаменный из католического латинского Орология конца XVI.; в крупном инициале Д—миниатюра, в) четвероевангелия: одно—1418 г., писано в обители пр. Илии при архиепископе Ростовском Иоасафе «повелением и стяжением Андрея Феодорова сына Бетюкова», редкий памятник провинциального письма XV в., другое—начала XVI в., с вкладными 1558 и 1611 гг.; третье—1603 г., писано в Псково-Печерском монастыре, роскошный памятник каллиграфии эпохи Бориса Годунова с заставками и инициалами нововизантийского стиля и строками вязи, г) поучения и беседы евангельские, переведены с греческого на русский в 1407 г., список конца XVI в.; на корешке кожаного переплета XVII в. рукопись названа «Златоустом», д) устав келейный 2-ой половины XVI в. с записью о продаже книги в XVI в., е) лицевой список Козьмы Индикоплова—2-ой половины XVI в., по редакции миниатюр близкий к датированным спискам Музея 1494 и 1553 гг.; ж) три лицевых списка жития Ефросинии Суздальской конца XVII—начала XVIII вв. (один из них—дар М. Н. Сперанского), з) подлинник краткой редакции, начало XVII в., один из важных списков ее, из собрания Н. Н. Бирукова с его exlibris'om (дар П. К. Симони), и) сборник конца XVII в. со множеством вклеенных гравюр разных мастеров на сюжеты из Ветхого и Нового заветов, Апокалипсиса, страстей Христовых, Патерика Печерского, к) сборник 2-ой половины XVII и середины XVIII в. содержит повести о царице и львице, о взятии Царьграда турками, родословие русских князей и царей, летописец соловецкий, житие Пертоминских чудотворцев Вассиана и Ионы, выписки из Аристотелевых врат и лечебника, л) служба знамения пр. богородицы, список 2-ой половины XVIII в., интересный по водяному знаку—герб амстердамской грубой работы—самый поздний случай употребления бумаги с этим знаком (дар М. А. Петровского), м) лицевое житие Василия Нового, последней четверти XVIII в., с многочисленными рисунками мастера народной миниатюры.

За тот же период собрание старопечатных книг Отдела возросло почти в 1½ раза сравнительно с прежним.

Впереди других поступлений должны быть отмечены два значительных собрания А. М. Хлудова и В. А. Орлова-Давыдова, бывшее И. Н. Царского, хранившееся в имении «Отрада», Московской губ.; первое включает в себе до 1000 номеров, второе—439 номеров, из коих 154 не вошли в печатное описание собрания.

В обоих собраниях немало редких изданий, не имевшихся в коллекциях Музея; во втором из них примечательна хорошей сохранности кормчая Иосифовская 1650 г.

Из других мелких собраний должно упомянуть 76 номеров, поступивших из историко-революционного архива старопечатных книг и гектографированных старообрядческих изданий и 87 номеров из собрания Е. В. Барсова, переданных в дар Музею его дочерью; в числе последних имеется «Цветник» виленской печати 1794 г.

Из отдельных поступлений интересен Служебник (Литургиарийон), изданный в Венеции в 1527 г., известный только в двух экземплярах; в приобретенном Музеем недостает 5 листов. Должны быть отмечены также: а) Октоих, изд. в Цетинье в 1493—94 г. (из собрания Долгорукова, передан Отделом Научн. Библиотек Наркомпроса), б) Острогжская Библия 1581 г. (полный экземпляр), в) «Маргарит», острогжской же печати 1594 г., г) два календаря складных на 1755 и 1802 гг. в одном кожаном переплете (дар М. Н. Сперанского), д) сборник редких старопечатных текстов, изданных в Будине, Вене, Венеции, 2-ой половины XVIII и начала XIX веков.

По Отделу архива бытовых и историко-литературных материалов.

Богатейшим вкладом за отчетный период является поступление в Отдел в 1920 г. родового архива Куракиных, заключающего в себе переписку и другие бумаги Куракиных, начиная с Бориса Ивановича—сподвижника Петра I, и разнообразные документы, касающиеся их вотчин.

Кроме этого в состав Отдела вошли и другие архивы—родовые, семейные и личные, среди них должны быть отмечены: а) поступивший в 1916 г. на хранение с правом общего пользования родовой архив Римских-Корсаковых и родственных им семей за XVII—XIX вв.; в нем заслуживают особенного внимания: жалованная грамота Михаила Федоровича Сильвестру Ивановичу Дурново от 30 августа 1621 г., патент на чин мичмана французского флота Михаилу Римскому-Корсакову от 20 июля 1722 г. за подписью короля Людовика XV, четыре письма историка В. Н. Татищева дочери и ее мужу—упомянутому М. А. Римскому-Корсакову 1722 и 1731 гг., б) представляющий особый интерес по целиности и подбору материала значительный архив П. П. Коновницына, петербургского губернатора при Екатерине II, боевого генерала 1812 г. и военного министра с 1815 г.; любопытны в нем,

между прочим, записки Екатерины, характеризующие ее отношение к рабочим, в) семейный архив Щепкиных—трех поколений: артиста Московского Малого театра Михаила Семеновича, сына его—издателя и общественного деятеля Николая Михайловича и внука—профессора Московского университета и хранителя Исторического Музея Вячеслава Николаевича, г) семейные и личные архивы: акад. А. И. Соболевского, проф. Московского университета Алексея Николаевича Веселовского и сына его Юрия Алексеевича, пр.-доц. Московского университета Н. Н. Дурново (дар его), общественного деятеля Н. В. Давыдова, В. Д. Лебедевой, А. Н. и В. А. Голицыных, А. И. и В. И. Барятинских (три последних архива переданы Отделом научных библиотек Наркомпроса, д) личные архивы: издателя журн. «Русская Мысль» В. М. Лаврова (передано согласно желанию наследников его Отделом научных библиотек Наркомпроса), проф. Московского университета М. Н. Сперанского, Е. В. Барсова (дар дочери его А. Е. Тереховой), почетного члена Музея М. И. Забелиной (поступил согласно ее завещанию в 1920 г.).

Все эти архивы, представляя значительный историко-бытовой и литературный интерес, содержат в себе в то же время многочисленные автографы разных деятелей, как русских, так и иностранных. Среди отдельных бумаг поступили: а) собрание бумаг А. В. Суворова—письма его по разным делам, касающимся имений, приказы бурмистру, старосте, преим. за 1789 г., б) бумаги гофмейстера Г. К. Модена за 1817—1833 гг., заключающие в себе письма и приказы имп. Николая I, Александры Федоровны, Марии Федоровны и др., в) материалы из собрания главноуправляющего Кавказом Г. В. Розена по истории Кавказа с 40-х годов XIX в., г) бумаги Н. М. Лопатина, собирателя и исследователя русских народных песен, д) бумаги проф. Московского университета Г. А. Захарьина (принесены в дар его дочерью А. Г. Подгорецкой), е) материалы по истории рода Епанчиных и их землевладению в разных губерниях (собраны и принесены в дар Н. Н. Епанчиным), ж) материалы, собранные библиографом Д. Д. Языковым для предполагавшихся дальнейших выпусков его «Обзора жизни и деятельности русских писателей и писательниц», (дар самого Д. Д. Языкова и после его смерти дочери его Н. Д. Еременко).

Мемуарная литература обогатилась: а) записками адмирала А. С. Шишкова, собственноручно им писанными, разнящимися от печатного их издания, б) воспоминаниями о 1812 г. и вечерних беседах у гр. Ф. В. Ростопчина, писанными моск. почт-директ. А. Я. Булгаковым, г) записками лечившего Гоголя доктора Т. Т. Та-

расенкова за 1847—1857 гг. (дар П. А. Тарасенкова); тут же должно отметить автобиографию М. Ф. Соймонова, сенатора и главного директора Берг-коллегии, черновой экземпляр ее частью писан самим Соймоновым, частью носит на себе его поправки и дополнения.

Из числа поступивших отдельных автографов русских деятелей должны быть выделены: а) письмо А. С. Пушкина к К. А. Полевому 1836 г., б) два письма Н. В. Гоголя к А. С. Стурдзе 1850 г. (переданы М. Н. Сперанским), в) подпись А. И. Герцена 1848 г. на картине, изображающей часть площади Капитолия и подаренной им Е. Б. Грановской, г) 23 письма Н. М. Карамзина к разным лицам.

Значительно пополнилось собрание всякого рода документов. В числе поступивших должны быть отмечены: а) два столбца 1667 г. с следственными делами, слушавшимися в Якутском остроге боярином и воеводой Иван Федоровичем Большим Голенищевым-Кутузовым, на обороте одного из них—родовые знаки (знамена) допрашивавшихся якутов, б) собрание материалов по истории дворцового землевладения, рыбных промыслов, бортничества и пр. в Переяславле Залесском и др. местах Владимирского края за XVI—XVII вв.; среди них любопытна память Петра I от 1703 г. рыбным ловцам Переяславля Залесского с подтверждением их прежних льгот, в красном бархатном переплете (поступило от Моск. Губ. Ком. по охране памятников старины, искусства и природы), в) печатный указ Петра I от 7 августа 1722 г. о погорелых местах с приложением чертежа, в каком расстоянии строить строения на погорелых и вновь строящихся селах и деревнях, г) коллекция купчих на крестьян XVIII в. (поступила от Отд. научн. библ. Наркомпроса), д) собственноручный проект А. А. Аракчеева 1816 г. о содержании и комплектовании армии с приложением относящихся к нему документов, на некоторых из них имеются замечания Александра I, е) дела 30-х годов XIX в. бумажной углицкой фабрики Переяславцевых (дар А. А. Бахрушина). Из других поступивших в Отдел материалов должны быть упомянуты: а) коллекция разнородных учебников и записей лекций XVIII—XIX вв.; любопытен среди них сборник 30-х годов XVIII в., содержащий в себе замечательный подбор руководств для геодезиста петровской эпохи, б) Действие о царевиче Алексее Петровиче, половины XVIII в. с записью, сделанной в 1763 г. в Тобольске, и любопытными заметками на полях, в) две масонских рукописи из библиотеки В. С. Соловьева: Кольцо Платоново, пер. с нем. в Иркутске 1784 г., и Моисеево завещание, конца XVIII в., г) три масонских тетради, принадлежавших великому мастеру,

скрепленных его печатью, содержат: обряд принятия в I степень Ордена, Вопросы для ученической степени Рыцарей вольных Каменьщиков, Вопросы для тех же Рыцарей Товарищей, д) описание Владимирской губ., сочиненное по обозрению оной в 1817 г. М. А. Фонвизиным, декабристом (дар Е. Е. Якушкина), е) любопытный в бытовом отношении, писанный дьяконом, дневник от Судогды до Иркутска 40-х годов XIX века.

По Отделению войны и революции.

Открытый при Музее еще с августа 1914 г. особый Отдел переживаемой войны с конца февраля 1917 г. был преобразован в Отдел войны и революции, а в 1918 г. был присоединен к Библиотеке Музея, как ее Отделение.

Задачей этого Отдела, а затем Отделения, было по возможности собрать наиболее полный материал для всестороннего освещения эпохи. С этой целью Музей приобретал, как путем покупки, так и благодаря дарам учреждений, организаций, редакций газет, журналов и частных лиц, необходимый ему, по преимуществу иллюстративный и печатный, материал, а также рукописи, денежные знаки и отдельные вещественные памятники.

Из приобретений Отдела за отчетный период должны быть особо упомянуты: а) портреты - фототипии большого формата В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского, Г. Е. Зиновьева и др. деятелей революции, б) граммофонные пластинки с речами В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского, Л. Б. Каменева, со стихами Демьяна Бедного и пр. (переданы Отделом «Советская пластинка»), в) собрание исполненных фототипией Кульженко в Киеве портретов русских политических деятелей: П. Л. Антонова, М. Ю. Ашенбреннера, С. В. Болмашова, Л. А. Волькенштейна, Г. Л. Гершуни, С. Л. Иванова, И. П. Каляева, П. В. Карпович, Г. Л. Лопатина, Н. А. Морозова, М. А. Спиридоновой В. Н. Фигнер и др., г) обширное собрание (свыше 1500) детских рисунков карандашом и акварелью на тему «Война и Революция»; в этих рисунках отражено преломление в детском представлении отдельных моментов войны и революции, д) собрание бумаг и документов, доставленных в Музей ликвидационной комиссией по делам благотворительного комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам за 1914—1917 гг., е) собрание вырезок, а частью и целые номера, из иностранных газет и журналов, непропущенных цензурой на московском почтамте за период времени с 1897 г. по 1917 г.; среди них много любопытных иллюстраций, преимущественно сатирического характера, касающихся государственной

и общественной жизни в России, ж) собрание вырезок из французских газет, касающихся России, начиная с 1914 г. (дар И. де Бай), з) собрание немецких книг и брошюр, а также сатирических журналов, вышедших за время войны; приобретение их Музеем начато еще в 1917 г. через Голландию.

В состав Отделения вошли также, доставленные в Музей в апреле 1919 г., три библиотеки; а) бывшего Отдела историографии и Музея Всероссийского союза городов, б) показательная — «Бюро при Всер. союзе городов по снабжению литературой школ, библиотек, читален, народных домов, лазаретов и пр.» и в) Земского союза. Библиотеки эти, заключая в себе свыше 6000 названий, благодаря хорошему подбору соответствующего материала, в значительной мере восполнили имевшиеся в Отделении пробелы в отношении недостающих книг и брошюр.

О приобретениях Библиотеки см. в отдельной статье об ее деятельности за 1916—1925 гг.

ОБЗОР УЧЕНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Несмотря на все трудности, при которых приходилось за отчетный период работать Музею, ученая его деятельность не только не была съужена в какой-либо мере сравнительно с предшествующим периодом, но она все более и более расширялась как в отношении научного обследования памятников и их хранения, так и в отношении их экспозиции и большей доступности широким массам, отчасти в развитие прежних решений, связанных с введением штатов 1912 и 1914 гг., отчасти в силу новых общих условий переживаемого момента.

И еще задолго до открытия в 1921 г. работ Особой Комиссии по реформе Исторического Музея, Ученому его Совету, а затем Ученой Коллегии, не раз приходилось высказывать свои соображения о дальнейшем устройстве Музея. Необходимость существенной его реформы красной нитью проходит и в ряде составленных Музеем за это время по тому или иному поводу записок, и в ряде отдельных предложений. Так, осенью 1917 г. в особой записке, направленной Музеем в комиссию для изучения вопросов охраны памятников и музейного дела при Ленинградском Институте Истории Искусств, согласно предложению этой комиссии о доставлении ей необходимых сведений о Музее и о желательных в нем реформах, Советом Музея во главе с бывшим тогда его председателем Н. С. Щербатовым, предreshены были: а) преобразование имевшегося при Отделе исторических древностей еще с 1915 г. подотдела бытового дерева в самостоятельный Отдел

памятников народно-бытового творчества с передачей в этот Отдел и других соответствующих его назначению коллекций, б) образование особого Отдела монет и печатей, в) выделения хранимого в Библиотеке собрания карт и планов, относящихся к России в самостоятельный подотдел, г) устройство при Отделе религиозных древностей, мыслимом уже тогда за Отдел самостоятельный, независимый от Отдела исторических древностей, необходимого ему подотдела западных и восточных памятников культуры, д) оборудование починочной и реставрационной мастерских; признано также крайне важным расширение начатых при Отделе исторических древностей подготовительных работ, с одной стороны, по приведению в известность хранимых вне Музея памятников, особенно датированных, с другой—по разработке и установлению точной научной терминологии путем одновременного изучения терминологии старинных описей и современной областной; наконец, указана необходимость получения средств на пополнение существующих пробелов в собраниях Музея и предоставления в распоряжение Музея, как учреждения, находящегося в стадии своего устройства, особого авансового кредита на удовлетворение неотложных его нужд. В приложенном к этой записке особом мнении хранителя Музея Е. Ф. Корша, намечалось, кроме того, расширение сферы деятельности Музея присоединением к двум—научной и показательной—еще третьей: выполнять функции Музея прикладного искусства, т.-е. служить источником проникновения в быт масс эстетического начала и содействовать развитию художественной промышленности. Вслед затем, в апреле 1918 г., Ученой Коллегией утверждается представленная помощником хранителя В. М. Викентьевым записка о необходимых мерах к удовлетворению запросов широких кругов и к поднятию учено-учебной деятельности Музея; в этой записке намечена была, между прочим, необходимость устройства периодических выставок, составления нового путеводителя по открытым залам, расширения объяснений собраний Музея, организации чтения лекций и ведения практических занятий как учено-учебного, так и инструкторского типа, оборудования специальных при Музее мастерских для обучения художников и археологов из народа, в целях развития народного искусства и кустарных промыслов, издания всемузейного периодического органа под названием «Российский Пантеон».

В мае того же года Ученая Коллегия утверждает предложение ученого секретаря Музея об организации при Ученом Секретариате особого справочного подотдела, в котором должны составляться перечни музеев и других хранилищ памятников—датиро-

ванных и особо примечательных, книг о памятниках древности, имен русских деятелей, слов, имеющих войти в будущий археологический словарь и т. д.

Далее, в конце того же года, Музеем намечено было оборудование, кроме починочной и реставрационной мастерских, также дезинфекционной камеры, устройство Отделения Музея на открытом воздухе.

Из мероприятий, осуществленных Музеем за это время, впереди других надлежит указать на образование новых Отделов и самостоятельных при них Отделений. Так, уже со второй половины 1918 г. открываются: а) Отдел (позже Отделение) музееведения и регистрации исторических памятников, преобразованный с значительным, притом, расширением функций из справочного подотдела при Отделе ученого секретаря, б) Отдел по ознакомлению публики с собраниями Музея, позже названный Отделением открытых зал Музея. Затем открыты были Отделы древностей греко-римских и византийских (позже Отделение при Отделе древностей первобытных и курганных), древностей религиозных, памятников народного творчества, монет, медалей и печатей (все три Отдела затем—Отделения при Отделе исторического быта), Отдел памятников прикладного искусства, особые Отделы в Библиотеке Музея: повременной печати, книг и читального зала (первый и третий позже обращены в Отделения, второй был разбит на несколько Отделений).

В течение следующего 1919 года были выделены один за другим в Отделе иконографии подотделы костюма, лубка и архитектуры. Со второй половины того же года открывается Отделение исторической географии и картографии при Отделе исторического быта, Отдел иноземных памятников и ряд новых Отделений при Библиотеке в замену прежнего Отдела книг: по археологии (позже слитого с Отделением по искусству), по истории, по искусству, по истории литературы, по истории религии (помещалось оно в особом здании и именовалось: религиозно-историческое Отделение Библиотеки—бывшая Библиотека Общества любителей духовного просвещения). В конце того же года с присоединением к Музею б. Патриаршей библиотеки, последняя вошла в состав Музея, как особый Отдел греко-славянских рукописей, в то же время основной Отдел рукописей и книг старой печати стал называться Отделом славяно-русских рукописей. В начале следующего 1920 года при Библиотеке было открыто новое Отделение библиографии и истории русской книги. В том же году, по инициативе заведующего Отделом памятников народного творчества

П. П. Ефименка была организована в Музее особая комиссия по изучению истории русской одежды.

Кроме образования Отделов и Отделений в самом Музее к нему с конца 1918 г. начинают мало-по-малу присоединяться другие сторонние научные учреждения: одни из них, как уже указано было выше, вошли непосредственно в его состав, другие, оставаясь вне его, продолжали существовать в виде филиалов. В качестве филиального Отделения, под заведыванием Павла Васильевича Зубова, оставалось также пожертвованное им ранее Музеем собрание монет и медалей и библиотека книг по археологии и нумизматике.

Все это расширение Музея в виде открытия новых Отделов и Отделений (а их к концу отчетного периода было 26 вместо 8, бывших вначале его), конечно, могло иметь место лишь благодаря значительному увеличению штата научных работников Музея, почти втрое возросшего за все это время.

Кроме научных Отделов и Отделений, Музеем были оборудованы в конце 1918 г. и начале 1919 г. особые мастерские: реставрационная (первоначально для фарфоровых и фаянсовых изделий), переплетная, починочная (для предметов деревянного дела), не говоря о фотографической, которая, хотя и с меньшим оборудованием, действовала еще до отчетного периода.

В отношении экспозиции Музеем за этот период была выполнена также работа: так, помимо развески и размещения в витринах и пр. памятников в закрытых для обозрения залах, произведена была новая расстановка коллекций в открытых залах Музея по культурам, научно обоснованная и удобная для объяснений памятников; при этом были составлены заново, наклеены, развешаны и расставлены этикетки, сигнатуры и номера ко всем выставленным коллекциям. Кроме того, устроено было пять выставок: в 1918 г. — юбилейная в память 100-летия со дня рождения И. С. Тургенева (Библиотека и Отдел архива) и русской миниатюры в лицевых рукописях, свыше 300 памятников (Отдел рукописей и книг старой печати), в 1919—1920 г.г. — литературы по музееведению (Отдел музееведения и регистрации исторических памятников), в 1920 г. — русской миниатюры XVIII в. в лицевых рукописях, с группировкой материалов по школам (Отдел рукописей и книг старой печати), и древне-русского шитья; экспонировалось 150 памятников XIV—XVIII веков — образцы так наз. высокого шитья: иконы, подвесные пелены, плащаницы, покровы, и образцы прикладного искусства: шитые облачения и литургические принадлежности (Отделение религиозных древностей). В 1920 г.

велись также работы по подготовке к открытию в следующем 1921 г. еще трех выставок: крестьянского искусства (Отделение памятников народного творчества), автографов русских исторических деятелей (Отдел архива) и портретов-миниатюр (Отдел иконографии). В то же время Музей своими экспонатами принял участие в организованных в 1917 г. Обществом прикладного искусства выставке красивой книги (Отдел рукописей и книг старой печати и Библиотека) и в 1920 г. Государственным Румянцевским Музеем юбилейной выставке в память 50-летия со дня кончины А. И. Герцена (Библиотека и Отдел архива).

Издательская работа Музея за отчетный период выразилась в следующем: изданы были Отчеты за 1914 г., 1915 г. и за 25 лет (1883—1908 гг.). Изданы были также серии открыток с изображениями хранящихся в Музее памятников старины. Кроме того, подготовлено было к печати и начато печатанием новое, переработанное в соответствии с произведенной расстановкой коллекций по культурам, издание краткого путеводителя по Музею, и велись подготовительные работы по изданию периодического научного органа Музея, озаглавленного «Вестником Российского Исторического Музея», при чем с 21 автором Государственным Издательством, по представлению Музея, были заключены договоры на 30 статей, в большей своей части посвященных тем или иным памятникам и собраниям Музея, или основанных в значительной степени на изучении музейных материалов.

Переходя к обзору внутренних работ Отделов и Отделений, прежде всего, следует указать, что, благодаря значительному за отчетный период увеличению штата научных работников Музея, с привлечением в ряды их видных специалистов, в различных Отделах и Отделениях Музея, кроме обычной текущей работы по каталогизации и описанию коллекций, могли быть начаты также работы, требующие особых знаний и навыков.

Так, в Отделе ученого секретариата, с одной стороны, продолжались по примеру прежних лет работы по систематизации и описанию собраний, не поступивших в другие Отделы Музея, при чем за отчетное время было: 1) описано до 70 печатных лицевых библий на разных языках с особым перечнем библейских событий, в них иллюстрированных, 2) начато описание материалов об умерших русских писателях и писательницах Д. Д. Языкова и 3) выработывалась система классификации, хранения и описи летучих и других листов, вырезок и пр. В открытом с половины 1918 г. особом справочном подотделе начаты были и велись до половины 1920 г. работы по составлению списка имен русских деятелей и

словаря наименований бытовавших в России предметов материальной культуры.

В Отделе древностей первобытных и курганных закончено начатое в 1914 г. для карточного каталога Отдела фотографирование всех принадлежащих Отделу древностей; производился по доставке из Поречья разбор собраний Уваровых, при чем, совместно с Отделением древностей греко-римских и византийских, выделялись древности, предназначенные для хранения в этих Отделах и Отделениях, к концу отчетного времени классифицировано и размещено мелких предметов на 140 планшетах, описано 65 сосудов и других крупных предметов; начаты и велись работы по типологическому описанию всех, хранимых в Отделе, коллекций керамики и подготовлено к печати таковое же описание до 400 наконечников стрел.

В Отделении древностей греко-римских и византийских (откр. в 1918 г.), кроме показанной выше работы по разбору и классификации части собрания Уваровых, продолжались работы по каталогизации и описанию памятников Отделения, начатые еще до открытия его, как самостоятельной единицы.

В Отделе исторического быта продолжались разбор, классификация и новое временное размещение в запасных залах Музея разнообразных памятников Отдела, в том числе и доставленных еще в 1915 г. в Музей многочисленных предметов из собрания П. И. Щукина; разобраны собрания серебра и росписных шкафов, тощих свеч, столов и пр.; описано собрание бисерных вышивок, кошель и пр. и начато описание собраний перстней, иконных прорисей и патентов, свидетельств, аттестатов, дипломов и пр.; продолжалось составление описи и карточного каталога фотографий.

В Подотделе религиозных древностей, до его преобразования в особый Отдел, разобрано и развешано собрание русских символично-аллегорических картин XVII—XIX вв., начаты разбор и размещение собрания икон, составлены карточный каталог и типологическое описание масонских предметов, при чем наиболее выдающиеся из них сфотографированы. В подотделе бытового дерева до его преобразования в особый Отдел закончена работа по разбору и систематизации собрания и начато составление подробной его описи; одновременно с этим вырабатывалась типологическая опись бытового дерева в целях пополнения новыми памятниками недостающих пробелов в собраниях Музея. В Отделении Музея—Музее П. И. Щукина до его реорганизации в 1916—1917 гг. продолжалось составление списка датированных памят-

ников, как хранимых в собраниях Музея, так и вне его, производился подбор библиографии по прикладному искусству русскому и иностранному и в целях установления старинной терминологии был просмотрен ряд духовных грамот великих князей, старых описей и пр., благодаря чему удалось установить свыше 800 различных терминов по изделиям мастеров золотого и серебряного дела.

Кроме этих работ, заведующим Отделом А. В. Орешниковым составлялось научное описание принадлежащих Музею русских грамот. В Отделении древностей религиозных (откр. с 1918 г.) продолжалась работа по разбору и размещению собрания икон и других многочисленных коллекций Отдела, временно прервавшаяся в виду занятия двух лучших зал Музея *Arg asiatica*; кроме того, произведен обмер икон, списаны имеющиеся на них надписи, произведены монтировка и описание древне-грузинской фрески из Давидо-Гореджийского монастыря, начато описание собраний икон Уваровых и П. И. Щукина и символично-аллегорических картин.

В отделении памятников народного творчества (откр. с 1918 г.) произведены классификация и описание собраний прялок, донцев, швеек, вальков, рубелей, ковшей, скопкарей, бураков, лукошек, кузовков, пряничных досок, набоек, расписных коробьев, продолжены начатые ранее разбор и классификация собрания изразцов, произведено описание набойных тканей и начато описание народных вышивок. Начаты работы по собиранию литературных материалов по вопросам материального народного быта и творчества, по составлению предметного указателя памятников народного творчества, особенно датированных, как принадлежащих Музею, так и опубликованных в разных изданиях, по составлению альбома фотографий с таковых памятников, как хранимых в Музее, так и вне его, и другого альбома рисунков по народной орнаментике по памятникам Музея и по печатным изданиям. Вместе с тем, составлялась справочная библиотека Отделения. Наконец с 1919 г. начат ряд осведомительных поездок в разные города и местности России в целях приурочения к той или иной области имеющихся в Музее памятников народного творчества и изучения на местах соответствующих предметов.

В Отделении монет, медалей и печатей (откр. с 1918 г.) разобраны и описаны монеты греческих колоний по северному и южному берегам Черного моря и римские монеты республиканской и императорской эпох, также перстенные, настольные и привесные печати с дворянскими гербами. В филиальном Отделении (собрание

П. В. Зубова) определены и описаны монеты первых восьми османских султанов и разобран большой клад серебряных монет Гиреев, генуэсско-татарских, турецких султанов, более пуда весом, найденный в 1909 г. в юрте ст. Петровской, Кубанской области.

В Отделении исторической географии и картографии (откр. с 1919 г.) составлен список хранимых в Библиотеке Музея отдельных планов, карт, атласов, чертежей, разрезов, схем и пр. и начато составление списка по сводному каталогу Библиотеки, а затем и по наличию, имеющегося в разных изданиях обширного картографического материала. Кроме того, по отведении Отделению временного помещения в Библиотеке, туда собран был весь, до того разбросанный по разным Отделам ее относящийся к Отделению материал.

В Отделе памятников прикладного искусства (откр. с 1918 г.) продолжали вестись работы, начатые в Отделении Музея—Музее П. И. Щукина, как по составлению списка датированных памятников, так и по установлению необходимой при обследовании памятников научной терминологии, и прежде всего, применительно к серебряному и ювелирному делу, составлена также справочная библиотека Отдела, и начаты работы по собиранию материалов по истории русской одежды до конца XVIII в.

В Отделе иноземных памятников (откр. с 1919 г.) произведены отбор и классификация всех восточных памятников, не вошедших в другие Отделы Музея, при чем определено и описано было до 300 памятников китайских, японских, персидских, туркестанских и др.; обследована по всем каталогам Библиотеки Музея восточная библиография и отобрано до 150 названий книг для справочной библиотеки Отдела, затем каталогизированных; произведен в Отделе древностей первобытных и курганных подробный обзор Урартийско-Ванской и смежных культур и начаты собирание материалов для составления историко-археологических карт по этим культурам и подбор соответствующей литературы.

В Отделе памятников иконографии продолжались работы по описанию собраний эстампов А. П. Бахрушина, П. И. Щукина, Н. П. и П. Н. Рогожиных, начато—И. Е. Забелина, закончены описание и каталогизация портретов-миниатюр, исключая имеющиеся на табакерках (всего 470 номеров), произведен разбор собрания живописных портретов, при чем большая их часть была развешана в запасных залах Музея и начата работа по их описанию.

В подотделе костюма (откр. с 1919 г.) начата работа по разбору и классификации соответствующих материалов, при чем

описаны литографированные и гравированные листы модных картинок из собрания П. И. Щукина. В подотделе лубка (откр. с 1919 г.), после подготовительных работ по собиранию необходимой библиографии и составлению указателя литературы и по выделении из других отделов Музея лубочных книжек, была продолжена работа, начатая еще в 1918 г. А. С. Орловым, по описанию таковых книжек, и начато описание лубочных листов. В подотделе архитектуры (откр. с 1919 г.) выделены были из 345 папок Отдела эстампы, относящиеся к архитектуре, в частности к истории гор. Москвы, при чем в 29 папках размещены планы и виды Москвы, в 20 папках и альбомах архитектурные чертежи, планы, фасады, разрезы. В справочной библиотеке Отдела, пополненной книгами из библиотеки К. К. Герца, каталогизированы эти книги, начато составление особого предметного каталога библиотеки, а также составлен систематический указатель к материалам, помещенным в жур. «Старые Годы» за 1913—1915 г.г.

В Отделе рукописей и книг старой печати (с 1920 г. Отдел славяно-русских рукописей) продолжалось составление карточных каталогов отдельных собраний, при чем полностью каталогизированы собрания рукописей И. Е. Забелина, А. Д. Черткова, мелкие собрания А. И. Барятинского и А. С. Суворина, большая часть собраний Е. В. Барсова и И. А. Вахромеева, часть собраний самого Музея и Уваровых, начато составление инвентарной описи Отдела, при чем составлена опись собрания А. И. Барятинского, начата—Е. В. Барсова; каталогизировано второе собрание старопечатных книг В. А. Орлова-Давыдова, бывшее И. Н. Царского, не вошедшее в печатное описание. Начато составление двух карточных каталогов: одного—по русской миниатюре, другого—по различным вопросам, касающимся материалов письма, почерков, водяных знаков и других палеографических особенностей; одновременно с этим составлен особый альбом водяных знаков XVII и XVIII вв., не занесенных в имеющиеся печатные их издания, а сотрудниками Отдела—Е. В. Зацепиной приготовлена была к печати статья «Водяной знак кувшинчика, как способ для различения русских рукописей XVI и XVII вв.» и О. М. Михайловой—«Алфавитный указатель к альбому водяных знаков Тромонина»; ими же составлен алфавитный карточный каталог водяных знаков русских рукописей XVIII в. В связи с устройством выставки русской миниатюры XVIII в. были определены школы и мастера-миниатюристы и составлено описание выставленных рукописей.

Помимо этой и другой выставки русской миниатюры, Отделом был организован ряд летучих специальных выставок, при чем в

1920 г. были устроены для сотрудников Отдела выставка лицевых синодиков XVII в., в целях выработки плана работ по их исследованию, и для сотрудников Отдела и слушателей университета очередная палеографическая. Оборудована также справочная библиотека Отдела. Наконец, вне Отдела продолжала вестись Особой Комиссией работа по описанию и печатанию рукописей И. Е. Забелина.

В Отделе греко-славянских рукописей с мая месяца 1920 г., когда собрания рукописей и части собраний книг старопечатных и новой печати б. патриаршей библиотеки были перевезены из Кремля в Музей, начата расстановка рукописей в отведенном Музеем помещении, незаконченная в течение 1920 г., а с конца июня б. патриаршая библиотека стала уже в этом помещении функционировать, как особый Отдел Музея—греко-славянских рукописей.

В Отделе архива бытовых и историко-литературных материалов частью продолжались, частью начаты были работы по описанию документов и их каталогизации из собрания П. И. Щукина и из других собраний: Е. В. Барсова, А. П. Бахрушина, А. Д. Черткова, начато описание собрания Г. В. Розена, составлен карточный каталог к изданным П. И. Щукиным 10 т.т. Сборника старинных бумаг и 10 т.т. Щукинского «Сборника»; составлен указатель по альбомам и другим специальным изданиям автографов русских деятелей и начато составление библиографического указателя писем русских писателей и других деятелей по печатным источникам; приняты в Отдел из Отдела рукописей и книг старой печати материалы историко-литературные и документальные из собраний Е. В. Барсова, А. И. Барятинского, И. А. Вахромеева, А. Д. Черткова; произведен разбор личного архива Е. В. Барсова и коллекции газет, вырезок, плакатов, афиш, летучих листов и пр.; справочная библиотека Отдела была пополнена из поступившей в Отдел специальной библиотеки Л. М. Савелова, при чем из последней было отобрано до 1.000 названий, преимущественно книг по генеалогии и истории, в то же время в Отдел передана также библиотека Г. Ф. Карпова; с половины 1920 г. продолжены работы, начатые в Отделе ученого секретариата, как по описанию материалов об умерших русских писателях и писательницах Д. Д. Языкова, так и по составлению словаря наименований бытовавших в России предметов материальной культуры.

В Отделении войны и революции производились: разбор, инвентаризация и каталогизация входящих в состав Отделения памятников, при чем в отношении материалов по революции применена была та же система распределения их в хронологи-

ческом порядке, как это уже было принято в отношении материалов по войне. О работах Отделения музееведения и регистрации исторических памятников и библиотеки с ее Отделениями и филиалами см. в соответствующих статьях об их общей деятельности.

Обзор пользования коллекциями Музея сторонними лицами.

Следует отметить, прежде всего, что ни в одном году до 1920 г. включительно не было такого наплыва занимавшихся в Музее сторонних лиц, как это имело место в 1916 г., когда число таких лиц выразилось в цифре 211, тогда как другие годы с наибольшим числом занимавшихся дали: 1915 г.—всего 128 посетителей, 1914 г.—111, да и в последующие годы число занимавшихся ни разу не доходило до 100; при этом наибольшее число занимавшихся в 1916 г. падает на Отдел рукописей и книг старой печати (немногом меньше трети всех посетителей Музея).

Из числа занимавшихся в Музее за отчетный период могут быть упомянуты следующие лица: в Отделе древностей доисторических и курганных—проф. Б. Ф. Адлер (интересовался, между прочим, кладами Михайловского мон.), хранитель Гельсингфоргского исторического музея Ю. И. Айлио, проф. Д. Н. Анучин, И. де-Бай (готскими древн.), проф. Л. С. Берг (загадочными начертаниями на предметах, относимых к славянам), библиотекарь М. арх. о-ва А. А. Захаров, акад. Н. П. Кондаков (древними кладами), мл. хран. Кавказского музея С. А. Круковский, проф. И. А. Линниченко, проф. А. М. Миронов, прив.-доц. Н. Д. Палонская, проф. С. И. Руденко, проф. Б. А. Тураев, проф. Ф. И. Успенский (новой расстановкой по культурам), проф. В. В. Челинцев (составом бронзы в бронзовых предметах палео-неометаллич. эпох). В Отделении древностей греко-римских и византийских—старш. хран. Эрмитажа Е. М. Придик. В Отделе исторического быта—худ. Н. Я. Давыдова, зав. худ. отд. Перм. научно-промышл. музея А. В. Каплун, пом. библиотекаря Рум. Музея Н. П. Киселев, директор центр. учил. технич. рисов. Штиглица Г. И. Котов, проф. Н. П. Лихачев (древними русскими и иностранными грамотами), ост. при унив. Н. Н. Лямин (фарфором, фаянсом, стеклом), проф. А. М. Миронов, член археол. комитета П. П. Покрышкин, библиотекарь гор. киев. Музея В. К. Прокопович. В Отделении памятников народного творчества—делопроизвод. союза деят. прикл. иск. крест. Н. В. Филасов. В Отделе рукописей и книг ст. печати—проф. Н. Б. Бакланов, делопроизвод. Госуд. Архива Я. Л. Барсков, завед. отдел. знамен при воен. учеб. Музее П. И. Белавенец

(знаменами в лицевых рукописях), делопроизвод. моск. гл.-арх. мин. ин. дел. С. А. Белокуров, проф. В. Н. Бенешевич, слушат. МВЖК Н. А. Булгакова, пр.-доц. В. В. Буш, проф. В. Т. Георгиевский, пр.-доц. Н. К. Гудзий, проф. Б. П. Денике, директ. вилен. публ. Библ. Д. И. Довгялло, пр.-доц. Н. Н. Дурново, проф. И. Е. Евсеев, зав. театр.-зрел. и музык. отд. Музея—города в Ленинграде Л. И. Жевержеев, пр.-доц. Л. К. Ильинский, архивар. 2 отд. IV секц. ЕГАФ И. А. Карабинов, пом. библ. Рум. музея Н. П. Киселев, наборщик польск. типогр. В. М. Куглин, певец-гуслиар и худ. А. И. Кузнецов, проф. И. И. Лаппо, проф. Н. П. Лихачев (датированными рукописями), уч. секр. ком. по изуч. миниат. при ак. ист. мат. культуры Н. В. Малицкий, проф. В. П. Мансикка, пр.-доц. С. И. Маслов, пр.-доц. А. И. Некрасов, проф. А. Е. Пресняков, пр.-доц. Н. Д. Протасов, пр.-доц. В. Ф. Ржига, делопроизвод. Отд. р. яз. и сл. ак. наук П. К. Симони, проф. С. И. Смирнов, акад. Я. И. Смирнов, проф. М. Н. Сперанский, пр.-доц. Ф. П. Сушицкий, проф. Н. Л. Туницкий, проф. С. Н. Чернов, акад. А. А. Шахматов, пр.-доц. С. В. Шувалов, слуш. МВЖК Л. Н. Щеглова, член Отдела по делам музеев и охраны пам. искусства и старины при Наркомпросе Н. М. Щекотов, слуш. МВЖК К. А. Эберт (составила в алфавит. порядке спец. карт. каталог вод. знаков XVIII—XIX вв.), проф. С. В. Юшков. В Отделе архива бытовых и историко-литературных материалов— проф. Д. Н. Анучин, литер. С. П. Бобров, пр.-доц. Н. Л. Бродский, литер. В. А. Бурцев, завед. сарат. музеями К. Я. Виноградов, уч. секр. военно-учебн. Музея А. К. Брябин, зав. библ. пушк. дома Е. П. Казанович, преп. В. В. Каллаш, пом. библ. Рум. Музея Н. П. Киселев (материалами по масонству), член русск. библиогр. о-ва Г. И. Кноспе, оконч. курс в унив. Л. В. Крестова-Голубцова (материалами об И. С. Тургеневе), преп. Н. М. Мендельсон, проф. Ю. А. Никольский (материалами об А. А. Фете—Шеншине и И. С. Тургеневе), пр.-доц. Н. К. Пиксанов (материалами об А. С. Грибоедове), литер. В. П. Семенников, литер. П. А. Сергеенко (матер. о Л. Н. Толстом), преп. К. В. Сивков, преп. Н. П. Сидоров, д. член м. арх. о-ва С. Н. Смирнов (историей стекл. заводов в России), уч. хр. военно-учебн. Музея Т. О. Соколовская (материал. по масонству), проф. М. Н. Сперанский (бумагами А. Ф. Малиновского по Слову о Полку Игореве), поч. член Музея А. И. Станкевич (материалом для биографии Н. В. Станкевича и членов его кружка), преп. М. А. Цявловский (Псевдо-пушкинианой), литер. А. Я. Эфрос.

Кроме упомянутых лиц, следует еще отметить подробно зна-

комившихся с общей постановкой дела в Музее представителей Русского Музея в Ленинграде—П. Н. Шеффера, П. И. Нерадовского, А. А. Миллера, также деятелей провинциальных музеев, частью находившихся еще в стадии своего устройства: Донского—А. Т. Павлова, Кукарского—С. Д. Зыкова, Ржевского—А. М. Введенского, также обозревавших Отделы Музея с целью ознакомления с постановкой в них каталогизации, описания, хранения памятников. Для некоторых лиц изготовлялись также снимки в фотографической мастерской Музея, напр. для акад. В. В. Латышева—с нескольких древних греческих надписей для 2 изд. «Сборника древних надписей, найденных в Южной России».

О постановке за отчетный период экскурсионного дела в Музее и в частности о работе Отделения открытых зал см. в особой статье.

О Т Ч Е Т
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
за 1921—1925 гг.

Второе пятилетие отчетного периода является началом новой эпохи в жизни и строительстве Музея. Годы империалистической и гражданской войн были временем быстрого и громадного по объему накопления музейных ценностей. Поскольку это накопление являлось результатом эвакуации памятников искусства и старины из угрожаемых в военном отношении местностей, с одной стороны, и срочного вывоза в порядке охраны таковых же памятников из старинных культурных гнезд в моменты наивысшего обострения революционной борьбы—с другой, оно носило часто случайный и бессистемный характер. Поэтому первой задачей работников Музея при переходе страны к мирному строительству стал учет скопившегося в стенах Музея имущества и выявление в нем материалов, имеющих непосредственное отношение к задачам и целям самого Исторического Музея. Выделение и реэвакуация коллекций, принадлежащих другим государственным хранилищам—Государственному Эрмитажу, Киевскому Музею и т. д., разбор и учет нескольких тысяч ящичков, заполнявших залы и кладовые Музея, передача в соответствующие места хранения имущества, не имевшего прямого отношения к Историческому Музею, потребовали свыше двух лет непрерывной работы. Параллельно с этим шла реорганизация самой структуры Музея и определение и уточнение круга его деятельности.

Необходимость отдельных преобразований в Российском Историческом Музее сознавалась среди его работников еще до революции, во всяком случае, уже в начале 1900 годов. Эта потребность в особенности находила себе выражение в составлении проектов нового положения о Музее, взамен положения 1889 года, которое в связи с огромным ростом коллекций и значительным расширением рамок самой музейной работы, все сильнее расходилось с действительными требованиями нормального развития Музея. Проекты нового положения выработывались и представлялись в министерство народного просвещения неоднократно, но не получали там дальнейшего движения.

С революцией, с одной стороны, открылась возможность, а с другой, еще резче обозначилась необходимость коренной переработки уставных норм, определяющих научно-организационную структуру Музея и регулирующих общее течение его жизни. К этой работе над составлением положения или устава, в новых условиях, Ученый Совет Музея приступил уже летом 1918 года, образовав для того особую комиссию из работников Музея— Н. С. Щербатова, В. Н. Щепкина, И. М. Тарабрина, Н. Н. Кононова, Е. Ф. Корша и Г. Л. Малицкого.

Указанная комиссия разработала в общих чертах первоначальный проект нового положения,—на основе коллективности в руководстве Музеем, осуществляемой Ученым Советом и избираемым им президиумом. Вместе с тем, в процессе производства этой работы особенно конкретно наметилась и необходимость пересмотра вопросов об основных задачах Исторического Музея, его вещественном составе, общих и специальных направлениях и методах работы и, наконец, больше всего о научно-организационной схеме подразделения его на Отделы и Отделения, месте и значении каждого из них в общем строении Музея и их взаимоотношении. Вопрос о структуре Музея стоял особенно остро в виду того, что та схема Отделов и Отделений, с которой Музей перешел в революционный период, явилась результатом длительного обрастания основных, первоначально весьма немногих подразделений Музея новыми, выделявшимися из состава этих последних научно-организационными единицами, возникавшими одновременно, главным образом, в порядке увеличения штатов и открывающихся возможностей к обработке тех или других коллекций.

Пересмотр всех этих важнейших вопросов программы и структуры Музея и был вновь предпринят, по постановлению Ученого Совета в 1919 году, новой комиссией в составе: Е. Ф. Корша, Н. Н. Кононова, Г. Л. Малицкого. Начатая в этом направлении работа в самом Историческом Музее совпала по времени с предпринятым в 1920 г. со стороны Всероссийской Коллегии по делам музеев обследованием Исторического Музея особой комиссией, из состава Коллегии, под председательством заведующего п/о. центральных Музеев П. П. Муратова. Эта комиссия, образованная Всероссийской Коллегией, в связи с недостаточной отчетливостью современной структуры Исторического Музея, первоначально пришла к заключению о целесообразности расчленения Музея на ряд совершенно самостоятельных музейных организмов; но в соединенных заседаниях ее с представителями Музея эти по-

следние доказали несомненное право Российского Исторического Музея на свое существование в качестве целостного Музея истории России и ее быта, материального и духовного, с широкой историко-культурной программой в обще-государственных рамках, подобно Государственному Историческому Музею в Стокгольме, Германскому Национальному Музею в Нюрнберге, Баварскому Национальному Музею в Мюнхене и друг.

Дальнейшая работа указанной комиссии Музея, преобразованной в особый временный орган Ученого Совета по выяснению необходимых для Музея реформ, объединила работников Исторического Музея в понимании общей природы и задач этого Музея, места им занимаемого среди других Музеев историко-культурного порядка, частью замыкающихся в пределах какой-либо одной эпохи или одной отрасли быта, частью—ограниченных более узкими территориальными рамками, и его значения научного и просветительного; по определению границ этно-географической базы Музея и общих хронологических рамок (от древнейших следов пребывания человека на территории восточной Европы и Северо-западной части Азии, через культуры населения данной территории, как до образования русского государства, так и после, т.-е. принимавшего участие в создании непосредственно русской культуры, до мировой войны, а частью и далее) комиссия обратила особое внимание на наиболее целесообразные подтверждения общего круга необходимых Музею материалов с точки зрения значения их для Российского Исторического Музея, как единого и целостного музейного организма; в качестве основного принципа в этом отношении, вытекающего из природы Исторического Музея, комиссия выдвинула различие направлений и методов использования тех или других материалов при осуществлении общей задачи этого Музея, признав соответственно с этим, с одной стороны, за вещественными (в узком смысле) предметами быта (фрагменты жилья, утварь, ткани, одежды, личные украшения, иконы и т. д.) значение бытовых памятников, как таковых, а за основной массой иконографических, архивно-рукописных и печатных материалов—также отчасти входивших в непосредственный обиход—преимущественное значение источников и частью пособий для самостоятельного изучения вопросов бытовой истории и освещения самих указанных выше бытовых вещей (старинные изображения событий, местностей, зданий и бытовой обстановки и т. д. описи имущества, купчие крепости, мемуары, записки и т. д., издания литературных памятников бытового содержания, исторических материалов и исследований

и т. д.). В отношении первой группы—памятников, как таковых—комиссия наметила подразделение их по культурно-хронологическому признаку и методам собирательства и изучения на памятники археологические в узком смысле, распределяющиеся в свою очередь по эпохам и культурам, и памятники исторического быта, которые комиссией были теоретически распределены по основным отраслям социального быта (памятники быта частно-семейного, общественно-государственного, религиозно-церковного и т. д.); в отношении же так наз. «источников и пособий» было оставлено подразделение их по непосредственному характеру самих материалов (историко-бытовая иконография, рукописи, архивные материалы и печатные издания); на указанной основе была разработана и новая схема научно организованной структуры Музея, с добавлением к общему числу Отделов, заключающих перечисленные выше разнообразные историко-бытовые материалы,—также в качестве дополнительных Отделов, ученого секретариата, кабинета музееведения (по собиранию и разработке материалов, касающихся теории, методики и техники музейного дела), особого органа по наблюдению за открытыми (экспозиционными) залами Музея и по объяснению экспонированных коллекций, и особого органа по руководству в области оборудования экспозиционных помещений и временных выставок, зал запасного хранения, музейных мастерских и друг., для согласованности деятельности Отделов, близких по задачам, методам работы и материалам, намечены были групповые объединения Отделов. Наконец, в отношении экспозиционного развертывания Музея была выяснена целесообразность параллельного проведения двух направлений: одного по эпохам и культурам, путем ограниченного отбором типических памятников, в виде продолжения ряда уже имевшихся зал (от палеолита и до Московской Руси XIII—XIV вв.),—и другого в особых залах, в непосредственной связи с Отделами по эволюции бытовых форм, в виде соответствующего систематического размещения основной массы музейных собраний, поскольку таковая вообще подлежит экспозиционному выявлению, т.-е. «вещественных» коллекций и очень небольших частей собраний иконографических, рукописно-архивных и печатных, каковые в целом подлежат хранению кабинетным или архивно-библиотечным порядком. Все эти выводы комиссии Российского Исторического Музея имели подготовительный характер.

В апреле 1921 года, по постановлению Главмузея, утвержденному замнаркомом по Просвещению, была образована особая комиссия, составленная из ряда работников Исторического Музея

и специально приглашенных в нее историков, археологов и этнографов, не принадлежащих к персоналу Музея, которая пересмотрела, уточнила и углубила произведенную ранее подготовительную работу, на основах, выработанных предшествующей комиссией. Последовательный ход занятий этой комиссии и главнейшие выводы ее по основным вопросам изложены в сводке материалов по научной реорганизации Российского Исторического Музея, утвержденной Главмузеем в 1921—1922 годах (и напечатанной в приложении к настоящему отчету).

К концу 1921 года этот период жизни Музея был закончен. Музей получил новый временный устав, выработанный на основе положений, установленных комиссией по реорганизации и утвержденных Наркомпросом. Новой структуре Музея, подразделенного в своей внутренней деятельности на 6 Разрядов и 27 Отделов, соответствовали и новые штаты, полученные в 1921 году в количестве 290 штатных единиц. В июле 1922 года было проведено некоторое сокращение этого числа до 240 единиц, а в 1924 году с 1 октября установлен контингент в 212 лиц для самого Музея и в 21 лицо для присоединенных за это время к Музею трех филиалов: Музея старой Москвы, Музея 40-х годов и военно-исторического Музея. В указанном составе Государственный Исторический Музей работал до конца отчетного периода, при чем изменения коснулись лишь 2 Отделов, из коих один был слит с близко к нему стоящим по задачам, а другой закрыт.

В настоящем отчете Разрядам V—библиотеке и VI—функциональному, как имеющим специфические задачи, отведено особое место. Деятельность первых четырех Разрядов: археологического, исторического общего, исторического специального и исторических источников—освещена в общей связи последующим изложением, при чем выявлена работа каждого Отдела, входящего в тот или иной Разряд.

ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

I. Разряд археологический.

1. В Отделе доисторической археологии из наиболее крупных и ценных приобретений следует выделить следующие: 1) соответствующие части Румянцевского и Поречского музеев; коллекции эти, в некоторой части не удовлетворяющие научным требованиям, содержат памятники из пунктов, сделавшихся классическими в русской археологии (м. п. Волосовская стоянка, ранние Кавказские могильники), и поступление их в Музей является фактом большой важности; 2) коллекции из раскопок проф. В. А. Городцова—Галичской и Панфиловской стоянок; эти памятники послужили исследователю для установления новых стадий палеометаллической эпохи, к познанию которой Музей не представлял достаточно материала; 3) коллекции из Донских палеолитических стоянок (Костенки, Боршево), добытые раскопками П. П. Ефименко при участии командированных Музеем Н. С. Воскресенской, зав. Отд. популяризации, и практиканта П. А. Дмитриева; новый материал отличается от имевшегося в Музее тем, что гораздо полнее охватывает разнообразные стороны древнейшей местной индустрии, включает в себя палеонтологические остатки и сопровождается детальными записями; 4) известный «Бессарабский» клад, полученный от Музея изящных искусств; 5) коллекция микролитов, собранная в Изюмском уезде, Харьковской губ. П. И. Сибилевым и полученная в обменном порядке; этот род каменных орудий до сего времени не был представлен в систематическом ряду коллекций Отдела, что само по себе делает это приобретение в высшей степени ценным для Музея. Из других поступлений следует отметить: коллекцию обсидиановых орудий с Кавказа (дар. Е. Г. Пчелиной), древности из Сибири и с Кавказа, переданные Оружейной Палатой, коллекции сибирских древностей,

приобретенные у проф. Хороших и С. М. Сергеева, коллекция Минусинских бронз (покупка), каменный молот, полученный в порядке обмена от Каширского музея, и отдельные предметы, поступившие в Отдел от ГПУ и Свердловского университета.

2. В Отдел ранне-исторической археологии поступили следующие коллекции: 1) соответствующая часть Поречского собрания гр. П. С. и А. С. Уваровых, заключающая в себе не только памятники южной России, Крыма и Кавказа, но также древности Греции и Италии; вошедшая в это собрание известная коллекция Сабостья включает в себе между прочим: обломок золотого умбона второго кульобского щита (разломанного грабителями) с изображением Артемиды с собакой; кроме того, следует отметить: золотую пластинку с фигурой конного скифа, охотящегося на зайца; три золотых фигурки стоящих скифов с кубком и колчаном; известный электронный сосуд из ст. Мигулинской, Новочеркасского округа; золотые и серебряные пряжки и бляхи «готского» стиля из Сулина, Донской области, и близкие по характеру золотые предметы украшения из аула Рутхи; 2) собрание древне-греческой керамики и стекла С. И. Чижова, переданное Музею РАИМК; особенно интересны три сосуда с о-ва Березани (имевшаяся в Музее отсюда коллекция заключала только фрагменты): арибал коринфского стиля, арибалический коринфский лекиф, краснофигурный кратер с изображениями двух скачущих эфэбов и стоящей мужской фигуры и краснофигурный кратер с изображением вакхической сцены—из Ялты; 3) соответствующая часть собраний Румянцевского музея; наиболее значительными в ней следует признать следующие коллекции: предметы из царского скифского кургана «Козел» Мелитопольского уезда, Таврической губ., хотя и ограбленного в древности, но давшего комплекты конского убора, аналогичного найденным в Чертомлыцком и Александропольском курганах; золотые бляхи, найденные с римской бронзовой лампочкой в Воронежской губернии; вещи из раскопок барона Тизенгаузена на Недвиговском городище, представленного в Музее далеко недостаточно, и, наконец, среди сибирских древностей—коллекцию, добытую В. В. Радловым при раскопке курганов на Алтае (Катанда) и в Берельской степи, и подобную по эпохе из б. Погодинского собрания Оружейной палаты. Наиболее замечательны в этих коллекциях—прекрасно сохранившиеся фигуры животных, вырезанные из дерева, остатки ткани и части одежды; 4) собрание гемм с юга России Т. В. Кибальчича, приобретенное и переданное в Музей музейным отделом Главнауки; 5) отдельные предметы из б. I Пролетарского музея

в Москве; 6) геммы из собрания А. П. Бахрушина; 7) собрание С. В. Прохорова, в котором следует отметить ионийский аск.

3. В Отделе славяно-финской археологии выдающимся по значению следует признать поступление соответствующей части собраний Румянцовского и Поречского музеев. Как результат этого присоединения, две части большой коллекции, добытой гр. Уваровым раскопками почти всех курганников древней Ростово-Суздальской области соединились в одно целое. Несмотря на то, что отсутствие документально-справочного материала в сильной степени обесценивает ее научное значение, невозможность получить новый материал из древнейших славянских погребений области заставляет смотреть на ее воссоединение и поступление в Отдел, как на факт большой важности. Из других крупных собраний следует отметить финские древности, добытые гр. Ф. А. Уваровым раскопками Курманского могильника, и коллекцию предметов с вятских городищ разных эпох из раскопок А. А. Спицына (из Поречского музея). Значительный интерес представляет комплекс предметов из кочевнического погребения, открытого гр. Уваровым в Юрьевском уезде, Владимирской губ. и восстановленного по рисунку исследователей (из Румянцовского музея). Находки случайного характера из этих же собраний дали: 1) клад—набор серебряных предметов из Зарайского уезда, Рязанской губ., частью восточного характера, частью типичных для радимичьской культуры (оттуда же) и 2) известное «Суздальское оплечье» (из Поречского музея). Небольшое количество памятников Отдела, освещающих художественно-ремесленное производство великокняжеской эпохи, кроме того, пополнилось полученным в дар от Ульяновского музея парадным топориком и переданными Ученым Советом Музея 3-мя «Михайловскими кладами»; помимо чрезвычайной редкости некоторых предметов (напр., золотая гривна), последнее поступление ценно, как конкретный пример европейской высоты художественной промышленности Киевской Руси, что по рядовому археологическому материалу не представляется убедительным большинству посетителей. Из остальных поступлений в Отдел можно отметить полученные от I МГУ коллекции предметов, добытых при учебных раскопках курганных групп Московской губернии, и находки С. Ф. Михайлова из Ананьинского могильника Елабужского уезда, Вятской губ. Из числа имеющихся в собраниях Разряда предметов, место находки которых установлено быть не может, были собраны небольшие показательные коллекции в Отдел «Популяризации» и в Музеи (отчасти в порядке обмена): Изящных Искусств, Са-

марский, Изюмский, Сумской и Каширский; отдельные предметы переданы для экспозиции в Отделы Государственного Исторического же Музея: «византийский» и «домашнего быта».

II. Разряд исторический общий.

1. ОТДЕЛ ВИЗАНТИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ.

Крест золотой с перегородчатыми эмалями X—XI в. из собр. А. С. Уварова.

Чашка круглая, серебряная V века из клада, найденного в м. Ботошан (Румыния).

Три серебряные ложки столовые из того же клада.

Чашка круглая с поддоном VI века, из собр. Уварова.

Блюдо с поддоном серебряное VI века пятиклеимовое из клада дер. Ордоклу Ново-Балзет. у., Эриванск. губ., из собр. Щукина.

Четыре ложки столовые серебряные из того же клада, из соб. Щукина.

Крест четырехконечный штампованный серебряный из дер. Гаспра, близ Ялты. Из собр. арх. Музея 1 МГУ.

Экзагий бронзовый с аппликацией серебром и изображением двух мучеников VI века.

Колокол желтой меди XI—XII в. из гор. Поти, Кутаисск. губ. Из арх. Музея 1 МГУ.

Три фрагмента поливных изразцов с иконными изображениями VIII—X века, из Никомидийских катакомб. Собр. Севастьянова в отд. древн. Рум. Музея.

Амулет-интальо с изображением Хнудиса и заклинательной формулой на опаловом стекле III—IV в. Из Римск. катак.—Собр. Севастьянова.

Интальо на сердолике с изображением богومатери XIII в. с арабской надписью. Из собр. Кибальчича.

Камея на шифере с изображением Пантократора XII в. Поступила из Музея гор. Александрова, Владимирской губ.

Иконка-камея на стеатите с изображением вознесения XI—XII в. Из собр. Севастьянова.

Створка диптиха слоновой кости с изображением благовещения и испытания водой IV—V в. Из собр. Уварова.

Пластинка слоновой кости с изображением императора Константина VIII—XI в. Из собр. Уварова.

Два фрагмента пиксиды слоновой кости V века из Озеруковского могильника (Кавказ).

Фрагмент пластинки слоновой кости с надписью II в. из Римских катакомб. Из собр. Севастьянова.

Лист пергамена с изобр. Моисея-юноши, X в. Из собр. Севастьянова.

Энкаустическая икона с изображ. Спаса-Эммануила, X века. Из собр. Севастьянова.

IX Икона с изображением 12 апостолов VII в. Из собр. Севастьянова.

Икона с изображением богоматери-умиления с акафистом итало-греческой работы XIII—XIV века.

Три большие фрагмента римских мозаик VIII в. Из собр. Севастьянова.

Фрагмент лицевой стороны саркофага. Мрамор IV—V в. Рим. Из отд. хр. древн. Румянц. Музея.

Фрагмент лицевой стороны саркофага. Мрамор IV в. Рим. Из отд. хр. древн. Румянц. Музея.

Карниз узкий мраморный с изображением двух павлинов. Рим. Из отд. хр. древн. Румянц. Музея.

Коллекция византийских моливдовулов. Из собр. Н. П. Лихачева.

2. ОТДЕЛ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА.

1. Коллекция вышивок И. В. Горяиновой,—одежд и головных уборов, Тамбовской губ., всего 716 номеров (передано Государственному Историческому Музею хозяйственным подотделом рабоче-крестьянской инспекции).

2. Собрание северных крестьянских вышивок И. Я. Билибина: концы полотенец, подзоры рубах и простынь, оплечья, ширинки, части головных уборов и проч., всего 351 номеров. (Получено из Госуд. музейного фонда).

3. Коллекция народных фигурных пряников Архангельской губ., всего 48 экземпляров (от Всероссийской художественно-промышленной выставки).

4. Коллекция народных бытовых изделий русского севера в количестве 59 предметов (деревянные расписные изделия мезенской росписи) и шерстяных вязаных изделий с Онеги, Печоры и Мезени, в количестве 58 предметов (пояса и рукавицы). Получено от Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки.

5. Коллекция бытовых предметов Архангельской губ. в количестве 20 экземпляров (самоедские меховые куклы, набойные

скатерцы, руковицы, домотканые холсты). Получено от Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки.

6. Коллекция пряничных досок (11 экз.) из Тульской губ. Дар П. С. Сухотина.

7. Набойка многоцветная в подкладке женского головного второпокройного убора с датой 1776 г. Дар В. С. Воронова.

8. Коллекция женских народных одежд (сарафаны, епанчи, фартук, кокошник, ожерелье, поднизь и пр. (всего 22 предмета). Дар Н. С. Щербатова.

9. Коллекция одежды и снаряжения пастуха из Тульской губ. (шляпа-гречневик, рубаха из домотканного холста, порты набойчатые, кнут, свирель, берестяная котомка и пр.), всего 11 предметов. Куплено у П. С. Сухотина.

III. Разряд исторический специальный.

1. ОТДЕЛ АРХИТЕКТУРЫ И МЕБЕЛИ.

Из коллекции Чернышева: шесть проектов дома гр. Чернышева, подписанные чертежи итальянского архит. А. Ринальди, относящиеся к 60 гг. XVIII века и характеризующие творчество А. Ринальди.

Редчайший чертеж 1714 г., находившийся в архиве Соловецкого монастыря: изображение церкви Иоанна Предтечи; представляет интерес, как единственный чертеж Отдела, датированный 1714 г. и как образец чертежа деревянного церковного зодчества первой четверти XVIII века.

Дар Ю. В. Готье: *interieur*—классная комната. Перо с акварелью, 1827 г.

Из Третьяковской галереи: *interieur*—масло, изображение кабинета кн. Долгорукова, начало XIX в.

Оба *interieur*'а интересны с бытовой стороны.

2. ОТДЕЛ ТКАНЕЙ, ОДЕЖДЫ И ЛИЧНЫХ УКРАШЕНИЙ.

Ковер стенной из им. «Богучарово»—Хомяковых. Ковер выткан цветными шерстями по льняной основе. На серовато-желтом фоне представлен русский пейзаж. Вверху ковра, во всю его ширину, изображен, в виде каймы, старинный город с деревянным мостом, перекинутым через реку или ров. За стенами множество различных строений, с двухскатной кровлей. По другую сторону моста раскинулся посад. За посадом расстилается поле, занимающее всю остальную часть ковра. Через поле протекают два ручья. Про-

странство между ручьями частью холмистое, частью ровное, занято отдельными сценами из помещичьего быта. Центральное место занимает барская усадьба. За барским домом, в стороне от него, стоят два каменных флигеля, повидимому служебного назначения. Ковер выткан гобеленовой техникой, при чем купы деревьев, для рельефности, сработаны ворсом. По времени изготовления его можно отнести к последней четверти XVIII века, и, несомненно, к числу образцов местной работы крепостных.

Ковер имеет в длину 4,60 м., в ширину 4 м.; местами прорван и с двух сторон несколько обрезан.

По своим размерам, времени исполнения, редкости сюжетов и несомненной принадлежности к работам крепостных, ковер является чрезвычайно ценным бытовым памятником.

Рубашки мужские. Две из них полотняные, с богатой вышивкой пряженой золотой нитью по вороту, плечам и подолу; у одной рубашки под рукавами вшиты червчатые тафтяные ластовицы, а по стану, на местах раскроя, положены червчатые выпушки и белая шелковая строка.

Третья рубашка—детская, из тонкой белой бумажной ткани (миткаля), с тафтяными червчатыми ластовицами и выпушками по краям рукавов и по подолу. У ворота, вместо пуговиц, пришит шелковый гайтан (плетеный шнурок). По разрезу и кругом ворота рубашки нашито узкое золото-серебряное «кружево», стан, по месту раскроя, имеет червчатые шелковые выпушки и голубую шелковую же «строчку». Все рубашки русской работы XVII века и составляют большую редкость.

Размер, по длине и размаху: 1) $0,88 \times 1,78$; 2) $0,87 \times 1,79$ и 3) $0,43 \times 0,53$ метра.

Шаль из тонкой шерстяной белой ткани, обшитая с трех сторон тройной узорчатой каймой, и большим углом. Коймы и угол вытканы из тончайшей цветной шерсти и образуют узор из разнообразных садовых цветов. По краю шаль имеет белую бахрому. Внизу большого угла выткано клеймо фабрики или мастерской, состоящее из инициалов «Н. М.» под двухглавым орлом. (Инициалы пока остаются не расшифрованными).

Русская работа 20—30 годов XIX века.

Размер $1,51 \times 1,50$ метра.

Шаль поступила в Музей из Государственного музейного фонда.

Платок английской работы 1813 г., отпечатанный в красках с изображением сатирических картин из политической жизни Наполеона I, в деревянной раме под стеклом. Платок описан К. Воен-

ским в статье «Из редкостей моего книгохранилища» (Вестник императорского общества ревнителей истории, выпуск II), утверждающим наличие в России всего 4-х экземпляров.

3. ОТДЕЛ ИКОНОГРАФИИ.

В п/отдел бытового портрета (масло) поступили:

Ряд портретов исторических лиц, писанных крупными русскими и иностранными художниками:

Н. П. Шереметева, работы Боровиковского.

В. Н. Панина, работы Тропинина.

Ф. В. Ростопчина, работы Кипренского.

А. Н. Оленина, работы Флавицкого.

М. Ф. Орлова, работы Плюшара.

Декабриста З. Г. Чернышева, работы Смирновского.

Из имения «Марфино» (Моск. губ.) портреты М. П. и С. В. Паниных, работы Вуаля, и П. П. Панина, работы Рослина.

Из имения «Дубровицы» (Моск. губ.) собрание фамильных портретов Голицыных и в том числе портреты М. М. и А. А. Голицыных, работы Лампи старшего, и портрет М. П. Голицына, работы Мелинга.

Из собр. б. Черткова: портрет З. Г. Чернышева, работы Рослина.

П. А. Зубова, работы Лигоцкого.

Кн. Вяземской, работы Лагренэ младшего.

С. П. Трубецкой, работы Ризенера.

Г. И. Чернышева и А. Б. Куракина, работы Гуттенбруна.

А. А. Чернышевой с дочерью, работы Анжелики Кауфман.

Бр. А. и Г. Орловых, работы Монье.

Сенатора П. И. Тюфякина, работы Линуйль.

Семейные портреты Гагариных (С. А., А. Г. и Е. П. Гагарины), работы С. Тончи.

Из имения «Богучарово», Тульской губ. собрание семейных портретов Хомяковых.

Из имения «Надеждино», Саратовской губ., виды имения, работы Филимонова, крайне ценные, как материал для изучения быта русской усадьбы конца XVIII века.

Одновременно в Музей поступили имеющие крупное иконографическое значение, но писанные неизвестными мастерами, портреты Чаадаева, арх. Бакарева, владельца Яросл. больш. мануфактуры С. Яковлева и редкий портрет Пугачева, писанный с натуры в 1773 г.

Значительно в бытовом отношении собрание купеческих портретов Хлудовых, Боткиных, работы худ. Мыльников; собрание портретов иждивенцев матросской богадельни в Москве, относящееся по их написанию к 70-м г.г. XVIII века; ценное в иконографическом отношении и значительное по количеству собрание б. Ермолова (русские деятели XVIII—XIX вв.), а также собрание крестьянских портретов.

К этой же категории бытовых памятников иконографического значения надо отнести: сцену из крестьянского быта, работа Минтуара, портрет помещика М. М. Оболянинова, работы до настоящего времени неизвестного крепостного мастера Фрола Маслодоева; портрет придворной поставщицы жемчуга из Ржева Дворниковой, работы Дурнова; ряд помещичьих портретов и сцену «В девичьей», работы крепостных художников. Приобретены Музеем портреты П. П. Барышникова, работы Тропинина, и Е. А. Миркович (рож. Чичериной), работы Боровиковского.

Из собрания Уваровых интерес представляет карандашный эскиз К. П. Брюллова «Гилас и Нимфы» и иконографический акварельный портрет П. С. Уваровой, в замужестве Балабиной, корреспондентки Гоголя. Как работы Молинаги, интересны: портреты Ф. П. Уварова и Е. Уваровой, р. Разумовской (итал. кар.). Как работа Рокштуля (отца), портрет неизвестного из семьи Уваровых. В собрании Гагариных интерес представляет, как с художественной, так и иконографической стороны групповой жанр-портрет: «Театральное представление в доме Гагариных в Риме в конце 20-х годов XIX века». Акварель работы К. Брюллова и Н. Ефимова, где изображены сами авторы, Г. И. Гагарин, поэт и дипломат, живописец П. В. Басин и скульптор Торвальдсен. В том же собрании—работа О. Копленского (итал. кар.) портрет поэта Г. И. Гагарина (до сих пор не известная), акварель: «Семья Гагариных в Риме», работа Г. Г. Гагарина, портрет маслом последнего кисти Штилера (мюнхенский известный живописец 1830—40-х годов), портрет маслом С. П. Гагариной, р. Соймоновой, Фогеля (с монограммой С и V), изображение маслом второй жены Г. Г. Гагарина, работы Винтергальтера.

В собрании Щербатовых (дар Н. С. Щербатова) останавливают на себе внимание три миниатюрных портрета (гуашь на кости) семьи московских Апраксиных, работы Жерена (отца), акварельный портрет А. Р. Томилова, работы А. Орловского.

Из поступивших в Отдел целого ряда собраний силуэтов на стекле из собр. Грессера обращают на себя внимание силуэты работы немецких мастеров Ranert'a, Losse, Pahly.

Силуэты, пользовавшиеся большим вниманием в начале XIX в., затем почти совершенно вышли из моды, почему Отдел обратил особое внимание на их подбор и приобрел ряд коллекций, сделавших его собрание силуэтов самым полным русским собранием.

Крупный иконографический интерес представляют листы из альбома декабриста З. Г. Чернышева, изображающие его самого в молодости, его сестру А. Г. (в замужестве Муравьеву), Е. И. Вадковскую, мать декабристов, и некоторых других, все работы Маньяни. Тот же иконографический интерес представляет портрет С. Г. Волконского за два, три года до смерти, рисунок карандашом Гавр. Иванова, ученика Бруни (дар М. Г. Ивановой).

Приобретенный Музеем портрет-рисунок А. И. Коновницыной, жены декабриста, останавливает на себе внимание символическим изображением ее у окна, через которое видна Петропавловская крепость. Работа неизвестного русского мастера.

Ценным, как в художественном, так и в иконографическом отношении приобретением Музея является акварельный портрет А. И. Тургенева, работы П. Ф. Соколова.

Кроме собрания силуэтов необходимо отметить из специальных собраний Отдела громадную коллекцию историко-бытовой иконографии Дашкова, которая содержит подбор портретов исторических лиц, большое количество бытовых изображений, видов, типов, костюмов, сопровождаемых часто вырезками из книг и периодической печати. Большая часть иконографического материала в эстампах разного рода, но много и оригинальных изображений: акварелей и рисунков.

Кроме того, Отделу удалось за указанный период, приобретениями в разное время, подобрать довольно большую коллекцию портретов купечества, мещанства и крестьянства.

4. ОТДЕЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЫТА.

За отчетное время в Отдел государственного быта поступили следующие предметы: оружие, монеты, денежные знаки, медали, печати, перстни.

Оружие: 6 ружей русской и западной работы. Среди русских—интересно одно Тульской работы 1745 г. с вензелем имп. Елизаветы; ствол ружья сделан под дамаск. Две сабли, жалованных императрицей Екатериной II полковнику Серебрякову и атаману Кутейникову, и клинок сабли без ножен и эфеса, жалованный «пример майору Никифору Назарову», и клинок шашки без ножен, пожалованный имп. Елизаветой казаку Андрею Иванову.

Монеты, денежные знаки, медали. 1. Отдел нумизматики пополнился покупкой отрубка серебряной кунной гривны с 3 клеймами, из них одно неясное с буквами, на другом, трехугольной формы, голова человека в короне западного типа, на третьем надпись в три строки: «кня івана бор». Судя по имени князя Ивана Борисовича, настоящий денежный знак можно отнести или княжеству Каширскому или княжеству Суздальско-Нижегородскому; и в том и в другом в начале XV в. были князья с одинаковыми именем и отчеством. Подобного отрубка с клеймами в собрании Музея не было.

2. Два серебряных отрубка от кунной гривны, весом в обоих 45 золотников, найденных в 20-х годах XIX в. в окрестностях Великого Новгорода.

3. 4 херсонесских монеты, одна серебряная II в. до нашей эры и три медных I в. нашей эры. Все монеты известные в нумизматической литературе, но в собрании Музея таковых не было.

4. Серебряная денга великого князя Василия Темного, представляющая неизданную разновидность, и два диргема Гарун-аль-Рашида.

5. Кроме того, 1251 монета и 244 медали. Монеты большей частью русские, чекана XVIII и XIX вв., иностранные того же времени, и царские копейки.

6. Коллекция медных китайских монет.

Печатей поступило 106; среди них 78 прикладных, привесных и настольных, поступивших из I Пролетарского музея, почти все железные или зелено-медные, небольшое количество резано на яшме и сердолике. На печатях резаны гербы, надписи, эмблемы. Печати—XIX века. Затем 16 печатей настольных с гербами Уварова, кн. Волконских и др. XIX в.

Перстней поступило 94. Из них интересны 36 перстней с пупышами, сканью и цветными стеклами, типа сходного с найденными в Гагинском могильнике, относимых к XIV веку. 3 золотых перстня-печати: один XVIII века с восточной надписью, другой позднейшей русской работы с буквами Л. П. под короной и один XIX в. с сапфиром в гнезде, на сапфире резан дворянский герб. Один железный, обтянутый внутри золотом, снаружи инкрустирован орнаментом в виде корзины с цветами из золота и серебра. В овальном гнезде под стеклом птица на ветке, оперение у птицы сделано из перьев. Перстень представляет образец ювелирного искусства по железу; мода на подобные изделия была в 20-х годах XIX в.

5. ОТДЕЛ ДОМАШНЕГО БЫТА.

По отделению благородных металлов.

В отдел домашнего быта поступили посуда, украшения и т. п. в благородных металлах в значительных цифрах.

Посуда более старая: кубков и бокалов 67. Братин 10. Кружек 54. Стоп 29. Чарок 73. Четвертин 3. Рюмок 2. Чаш 18. Ковшей и ковшичков 20.

Посуда столовая, кухонная, и предметы, относящиеся к хозяйству XVIII—XIX вв.: Кувшинов 13. Мис 1. Чайных сервизов 7. Кофейных сервизов 3. Чайников 26. Чайниц 3. Молочников 19. Полоскательниц 2. Кофейников 14. Самоваров 5. Бульоток 5. Подносов 23. Сахарниц 13. Сухарниц и корзиночек 23. Стаканов 68. Чашек и чашечек 20. Блюдец 3. Чайных ложек 15. Ситечек чайных 9. Щипцов для сахара 4. Приборов столовых (из 7 предметов) 1. Нессесер дорожный 1. Блюд 36. Тарелок 11. Соусников 5. Судков 9. Сотейников 3. Горчичниц 2. Солонок 84. Перечниц 4. Мисок 15. Ваз и передач 28. Ложек столовых и десертных 48. Ножей 10. Вилочек 17. Щипцов для пирожного 2. Лопаточек для икры и рыбы 3. Рюмок для яиц 8. Подставок для посуды 6. Таганчиков 2. Разных сосудов 7. Съем свечных 2. Ритонов (бокалов) 2.

Предметы для украшения, рукоделья, освещения, умывальные и другие: Серег, браслет, медальонов, привесок (шателен), флаконов, ароматниц (в золоте и серебре) 75. Табакерок золотых и серебряных 106. Коробочек золотых и серебряных 24. Ларцов и ящичков 6. Рам для зеркал 2. Портбуке 2. Детских рожков 3. Нессесеров туалетных 1. Игольников 6. Умывальников 16. Умывальных приборов 1. Подсвечников и канделябров 40. Чернильниц 2. Ладониц 1. Всего 1143 предмета.

Из указанного числа представляют особый музейный интерес:

1. Кубок, расчеканенный двумя рядами ложек, с надписью по венцу: «H. Hanns Heinrich Baerber wart saxer zu schneidren anno 1571».

2. Кубок, напоминающий предыдущий, но с кровлей, увенчанной воином со щитом, на котором резано: «IWO 1667». Работа обоих кубков нюрнбергская.

3. Кубок, верх полусферический, стоян цилиндрический. Тулово расчеканено травным орнаментом, цветами и 3 маскаронами в стиле Возрождения. Работа XVI в.

4. Кубок в виде ветряной мельницы, укрепленной на опрокинутой чаше кубка, тулово расчеканено орнаментом в стиле Воз-

рождения и 3 херувимами, поле канфаренное. Около двери мельницы лестница, на ней мельник. Крылья приводятся в движение воздухом через трубку. Аугсбургское изделие XVII в.

5. Кубок со стояном, поддоном и кровлею, расчеканенный пупышами. На кровле двуглавый орел, на груди его резано: на одной стороне портрет Петра I по грудь, типа Кнеллера, с буквами кругом: ЦПАВРС, с другой—парусное судно. По венцу резан другой портрет Петра того же типа и надпись: «1711 г. по указу (титул) Петра Алексеевича (титул) пожалован сеі кубок да сто рублев денег Устюга Великаго посацкому человеку Силе Агаонову сыну Смольникову за ево усердное радѣніе в зборе его великаго государя денежной казны в прошлом 710 году у архангельского города в таможене во время ярмонки понеже он былъ при бургомистре Иване Прокопьеве сыне Попове бурмистром учинили ему великому государю прибыли 6914 ру 28 д за то он Смольников его великого государя милостию сим вышеозначенным пожалован». Изящная нюрнбергская работа половины XVII века.

6. Кубок кокосовый (кровля утеряна) в серебряной оправе, стоян в виде Амура, поддон с пупышами, на нем 2 одинаковых клейма грубой работы с буквою И, не отмеченное у Розенберга. По венцу резана надпись: «Орехъ Кремля города спаских воро(т)ника Василь Иванова Дьяконова». Кубок примечателен по надписи: из нее узнаем о должности воротника при Спасских воротах московского Кремля и о названии кубка «орехом»—от кокосового ореха, из которого он сделан. Датировать «орех» можно не ранее 1658 г.: в этом году Фроловские ворота были переименованы в Спасские.

7. Кубок из необделанного кокоса (кровля утеряна) в оправе из низкого серебра. По венцу резана надпись: «Орехъ приказного Анании Гаврилова сына Кондратева». Надпись подтверждает, что наименование «орех» бытовало в XVII веке.

8. Кубок кокосовый в серебряной оправе с отъемной кровлей, увенчанной двуглавым вызолоченным орлом. По венцу резана надпись: «Сеі бакаль канцеляриста Васіля Казакова». На поддоне: «1759 года». Кубок, названный владельцем бокалом, представляет в бытовом отношении интерес, характеризующий владельца, мелкого чиновника, тем не менее украсившего кубок двуглавым орлом.

9. Кубок серебряный с позолотой, с отъемной кровлей, увенчанной сосновой шишкой, на квадратном поддоне с 2 рукоятками из завитков со львиными головками. Тулово в середине обтянуто золотым листом с надписью: «Генераль маіору Голенищеву-Куту-

зову отъ ковалергардскихъ офицеровъ 26 мая 1803 года». На венце аппликация из 4 чеканных голов Медузы. Нижняя часть и кровля расчеканена мелкими ложками. Превосходная парижская работа начала XIX в. в стиле *empire*.

10. Братина кокосовая в серебряной оправе с травчатым орнаментом. По венцу резана надпись: «Братина приказу большие казны подячего Ива(на) Данилова сна Венюкова зделана во 199 году». Русская работа 1691 года.

11. Кружка цилиндрической формы с рукоятью и подъемной кровлей, увенчанной репьем. Тулово покрыто нарезным орнаментом в стиле Возрождения и овальным клеймом, на нем идущая вправо женщина с пылающим сердцем в руке, сзади Амур. Кровля и поддон расчеканены пучками плодов и херувимами. Нижняя часть тулова расчеканена изображениями собаки, преследующей оленя и зайца. На верхнем выступе поддона 3 львиные головки и 3 мальчика с мандолинами. Рукоятка украшена бюстом женщины, низ рукояти подпирает крылатый дракон, по сторонам которого 2 проволочные спирали со створчатыми раковинами на концах. Все чеканные части позолочены. Работа, повидимому, гамбургская, штемпель города неясен, также и другой, неизданный у Розенберга. Изящество стиля кружки и орнамент указывают на изделие XVI в. Буквы К К С, резанные на поддоне, указывают, что кружка бытовала в России.

12. Кружка, густо вызолоченная, цилиндрической формы, с рукоятью и подъемной кровлей, увенчанной фигурой идущей Виктории с венком в руке. Тулово расчеканено 2 женскими фигурами в костюмах эпохи Возрождения, с подписями под ними: «S. Hellespontica и S. Delphica» (сивиллы Геллеспонтика и Дельфика); у ног сивилл чеканены в малом размере: сретенье господне и поклонение волхвов. Рукоять чеканная в виде стилизованного бюста женщины; кровля расчеканена орнаментом в стиле Возрождения и херувимами. Изделие данцигское. Кружка представляет образец богатой чеканки XVI в.

13. Кружка, густо вызолоченная, с подъемною кровлею, увенчанной лебедем, и с рукоятью. Тулово расчеканено 3 детскими фигурами—2-х мальчиков и девочки, идущих по саду; мальчики одеты в брони античного характера, на головах шляпы с перьями, в руках копья, перевитые лентами; между мальчиками идут овцы, собака и бегущая лисица; на девочке длинное платье, на голове серп луны, в руках лук и стрела, у ног лежит убитый стрелою олень. На фоне руины, фонтан и пр.; на деревьях птицы. Сцена охоты интересна по характерным костюмам. Розенберг приписывает

вает работу кружки данцигскому мастеру середины XVII века М. Джону или М. Юнге.

14. Кружка с подъемной кровлей, увенчанной шаром, и с рукоятью. Тулово расчеканено группой божеств, плывущих по морю: два нагих мальчика на быке, один держит раковину и плеть, рядом на воде нимфа, собирающая раковины; центральное место занимает Нептун с трезубцем на тритоне, его обнимает Амфитрита, за ними на гиппокампе плывут нагие мальчик и девочка с дельфином на плече, у ног их мальчик на черепахе со змеей в руке. Последняя группа представляет двух нагих морских божеств на тритоне, женщина держит корзину с раковинами, у мужчины на спине рог изобилия с плодами. Поддон и кровля расчеканены цветами. Красивая декоративная кружка аугсбургской работы. Розенберг определяет клеймо из букв SN, принадлежащее одному из аугсбургских ювелиров из фамилии Mylins или Milins (оба умерли в 20-х годах XVIII века).

15. Кружка небольшая, вызолоченная с подъемной кровлей и рукоятью. Тулово, частью расчеканенное рельефом, частью с рисунками, исполненными резьбой: представляют охоту на оленя и лань; один охотник с луком одет в костюм и шапку с опушкой, напоминающие русскую одежду, на перевязи колчан со стрелами; другой, с ружьем, одет в круглую шляпу и сапоги с раструбом, сзади него собака; около охотников в воздухе птицы. Между деревьями рельефом вычеканены исполинского, сравнительно с деревьями, размера цветы. На кровле чеканные изображения птицы, сидящей на суке, и цветов; цветами же расчеканен и поддон. По венцу резана по заштрихованному полю надпись: «кружка г-дря цревича великаго князя Феодора Алексѣевича». Клейм на кружке нет; не указывает ли это на работу иностранного мастера при царских мастерских? Клейма мастеров времени царя Алексея, к которому относится кружка, повидимому, не ставились. Русский костюм охотника также указывает на ее отношение к России.

16. Кружка цилиндрической формы с подъемной кровлей и рукоятью; вся позолочена; тулово и кровля расчеканены орнаментом в стиле Возрождения и 3 маскаронами. Рукоять в виде наглого бюста женщины. Нюрнбергская работа, клеймо из букв H и E, может быть, указывает на имя Eustachius Hohnan, мастера конца XVI в. (см. Rosenberg, стр. 525). На поддоне резано: «Гриветка 32 золотника», так же взрез, что указывает на бытование кружки в России.

17. Кружка серебряная с подъемной кровлей и рукоятью на 3 ножках-шариках. Тулово и кровля расчеканены цветами и листья-

ми. Позолочены нечеканные части кружки. По венцу резана надпись: «Г. Ген. Адъют. Павлу Васильевичу Голенищеву Кутузову от С. П. Бургского Градского Общества». Другая надпись резана на дне: «За извѣстiе о взятiи Парижа Марта 19 чис. 1814 года». Аугсбургская работа начала XVIII века, принадлежит мастеру К. Поппе.

18. Чарка раковинная, оправленная в серебро с позолотою, полка ажурная чеканная, в дно ввинчена мишень с изображением всадника, исполненного рельефом. По венцу внутри резана надпись: «Чарка столника Ѳедора болшово Григорьевича Хрущева». Хрущев был Стольником с 7148 по 7184 (с 1640 по 1676) г.

19. Чарка из раковины в серебряной с позолотою оправе, полка и поддон чеканные, на полке две фантастических птицы среди завитков, на поддоне морские животные среди волн. По венцу внутри резана в 3 клеймах надпись: «чарка Ивана Семеновича Прокофьева». Между клеймами травной орнамент. Снаружи резано: «первая пить здраву быт повторит сердце восвеселит утроит ум устроит а болши пит луче быт». Прокофьев был стольником в 7198 по 7200 (1690 по 1692) г.

20. Чарка из желтоватого непрозрачного камня в серебряной с позолотою оправе; полка чеканная ажурная с 2 дельфинами и завитками. По венцу резана надпись: «чарка Васильевої жены Ивановича Нагова Параскови Ѳедоровной». Василий - Кондратий Иванович Нагой, сын Ивана Семеновича, стольник в 1625 году, умер—в 1640 г.

21. Сосуд из рога в форме ладьи, оправленный в серебро, на концах серебряные репы с маскаронами, под ними надпись: «Корабль боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово». Сосуд представляет двоякий интерес, как по форме речного судна, перешедшей в название «корабль», так и по принадлежности боярину Б. М. Хитрово, положившему начало Оружейной Палате.

22. Чашка серебряная полусферической формы, расчеканенная внутри четырьмя символами евангелистов и четырьмя клеймами со стилизованными листьями и разводами; между клеймами дельфины. На мишени чеканное конное изображение великомученика Георгия, колющего змея, среди ободков из стилизованных листьев, точечного и гладкого. На исподней стороне чеканена надпись: «кн влк Гиоргия», т.-е. князя великого Гиоргия. Около головы Георгия на мишени надпись: АГНОС ГНОРГИ Чашка найдена в осыпи вала с. Микулина Городища, описана Снегиревым в издании Мартынова «Памятники древнего художества в России» (М. 1850 г.). Судя по надписи, чашка принадлежала одному из

великих князей с именем Георгия XIV или XV в. (см. приложение).

23. Чаша серебряная с позолотою, по тулову резаны травы, поле наведено чернью; сбоку припаяна львиная головка с вращающимся в пасти кольцом. По венцу, в 4 клеймах, резана надпись: «Сия чаша келейная преосвещеннаго Триѳилія митрополита нижегородскаго и олатырскаго строена лѣта 7207 году мсца Октябрюаря в 20 де а вѣсу в ней серебра 180 зол.». Чаша 1699 г., представляет образец богатого черного орнамента конца XVII в.

24. Чаша серебряная, тулово гладкое, на нем резана надпись: «Чаша столника Петра Ивановича Борисова делана в Батурине во 195 году октября въ 6 днь весомъ фунтъ 65 золотниковъ».

На мишени резан орнамент завитками. Чаша 1686 г., интересна по работе в юго-западной России.

25. Стакан серебряный с позолотою; в тулово врезано 27 серебряных гривен и гривенников времени Петра I и одна серебряная медаль Иоанна, Петра и Софьи; в дно врезан полтинник 1706 г. Между монетами по тулову резаны цветы. Работа стакана данцингская. Среди монет нумизматический интерес представляет серебряная медаль Иоанна, Петра и Софьи; до сих пор известны были подобные медали только в золоте.

26. Ковш ладьеобразной формы с полкою, украшенною накладным чеканным двуглавым орлом; внутри покрыт нарезными цветами и плодами. На мишени чеканный двуглавый орел по полю из завитков; кругом венки из листьев. Снаружи по венцу резано: в 4 круглых клеймах имя и титул Петра I, далее надпись: «гостинные сотни ларечному Андрѣю Михѣеву за приборъ сѣвскихъ таможенныхъ пошлинь збору прошлаго 203 г.». Далее продолжение надписи резано под строкою: «с питеные прибыли, что они будучи в том 230 году противъ большаго збору настоящаго 202 году у 8176 рублевъ у 22 алтынь у 5 днегъ прибрали 59 рублевъ 31 алтын». Позолочены чеканные и наружные части ковша. Необходимо отметить, что в надписи по ошибке резчика, пропущено начало надписи «пожаловалъ симъ ковшемъ и перепутаны года: 230 вместо 203 года. 203 г. соответствует 1695-му.

27. Ковш позолоченный ладьеобразной формы с полкою. Мишень в виде чеканного двуглавого орла по чеканному травчатому полю, среди венка из листьев. Полка и передняя часть ковша украшены резьбою из цветов и завитков. По венцу, в 4 круглых клеймах, резаны: титул Иоанна, Петра и царевны Софьи и надпись: «Пожаловали сим ковшем гостинные сотни Сергея Поганкина за службу и за прибор Псковских таможенных пошлин 197 году

Генваря в день». Ковш 1689 г. представляет интерес по имени на надписи гостя Сергея Поганкина из рода богатых псковичей; в Пскове сохранились до сих пор каменные палаты Поганкиных.

28. Ковш позолоченный, жалованный имп. Анной в 1740 г. 25 марта старшине войска Донского Степану Данилову «за ево многия и верныя служъбы». Надпись резана в 8 клеймах с обрамлением в стиле барокко. Под одним клеймом резана ремарка «Мастеръ Ларионъ Артемьевъ». В середине эмалевая овальная мишень в серебряной, расчеканенной листьями, рамке; на мишени по голубому полю писан двуглавый орел под 3 коронами, под среднею короною золотом писана монограмма императрицы; под орлом надпись золотом: «1740 г. Марта 25 дня». Полка расчеканена короною и орнаментом в стиле барокко, среди него в овале поясной бюст имп. Анны в короне, вправо. Ковш тщательной работы, представляет интерес по ремарке мастера; подписи мастеров не встречались до сих пор на известных в собрании ковшах.

29. Ковш вызолоченный массивный в форме ладьи, на обоих концах которой сидят по одноглавому орлу с коронами на головах, в клювах держат: один венок, другой пальмовую ветвь. Тулово внутри расчеканено двумя дельфинами в обрамлениях в стиле рококо; мишень расчеканена двуглавым орлом среди венка. На тулове снаружи 4 клейма в чеканных, в стиле рококо, рамках, внутри которых резана надпись: «сеі ковшъ із казны ея імператорскаго величества пожалован московскому первой гильдіі купцу Михаіле Гусятнікову за усердное ево желаніе в приращеніі казеннаго доходу 1754 году». Ковш по форме и стилю орнамента представляет блестящий образец искусства эпохи рококо.

30. Блюдо большое позолоченное, овальное. В середине чеканена сцена в военном лагере: на переднем плане стоят 2 античных воина, между ними на земле лежит воинское вооружение, на заднем плане воины с копьями, знаменами. Края блюда расчеканены цветами, листьями и 4 круглыми медальонами с изображениями римских императоров: Нерона, Тита, Домициана и Веспасиана. Аугсбургская работа XVII в., вероятно, Генриха Манлиха (1698 г.).

31. Сосуд в виде павлина со сложенным хвостом, перья на тулове и на хвосте вызолочены вперемежку. Павлин стоит на овальном поддоне, расчеканенном ящерицей, лягушками, улитками среди луга. Края поддона вырезные. Головка павлина отъемная, хохолок на ней в виде 5 цветов с листьями. Сосуд не имел практического значения, а служил настольным украшением. Клеймо с цифрой 13 указывает на Дармштадт, где он был изготовлен в XVIII веке.

32. Ларец серебряный большой в виде плетеного цибика, перевязанного веревками. На подъемной крышке круглая серебряная бляха, на ней наведенный чернью герб Чичериных, под гербом монограмма из букв Е и Ч; щитодержатель имеет в руке овальный щит с монограммою из букв Д и Ч.

Судя по клейму Сибири работа ларца иркутская 1771 г. Денис Иванович Чичерин был сибирским губернатором. Ларец интересен по форме, воспроизводящей чайный цибик.

33. Ладоница небольшая вызолоченная цилиндрической формы, крышка подъемная полусферической формы с шишечкой наверху, запирается крючком. Поверхность покрыта орнаментом из листьев. По краю крышки резана надпись: «Ладоница княгини Настасьи Петровны Горбатовой-Суздальской». Княгиня Настасья Петровна, дочь боярина и казначея П. И. Головина, была замужем за князем А. Б. Горбатовым-Суздальским; скончалась в 1573 году.

По отделению фаянса и изразцов.

1. Братина конца XVIII в. (высота—16 см.) круглая белая расписная: по тулову три клейма с петухом и двумя птицами, между ними дома, деревья, шатры шашечные и из синих сеток; по венцу сетка с синими точками и желтая кайма.

2. Квасник (высота—34 см.) круглый белый с плоскими сторонами и отверстием; на одной стороне четыре птицы, лев и олень и год: 1787, на другой—пять птиц и дом с деревьями; по окружности сетка с синими и желтыми цветами, на венце синие и желтые полосы, носик зеленый с синим, ручка зеленая с желтым, на крышке синие полосы и зеленые листья.

3. Квасник конца XVIII века (высота—23 см.) круглый белый с вогнутыми сторонами и небольшим отверстием, по тулову дом с желтой крышей и две птицы с каждой стороны, две синие ручки, носик и ручка отломаны.

4. Боченок (высота—21 см.) бледно-голубой, по тулову цветок, на дне: двуглавый орел с вензелем Екатерины и год 1774, на другой стороне букет цветов.

5. 9 поливных изразцов из Нового-Иерусалима конца XVII ст.: карнизы, колонки и базы, по зеленому и белому фону рельефный растительный орнамент из синих, желтых и коричневых цветов и головы херувимов.

По отделению благородных металлов.

1. Бокал синей финифти по красной меди с отъемной крышкой. На тулове в 4 круглых клеймах серебром исполнено: 2 вензеля

императрицы Анны и 2 изображения сидящей в короне женщины со скипетром в руке среди арматуры из знамен и пр. На крышке орел; поле бокала покрыто цветами, розетками и орнаментом. Высота—30 см.

2. Сосуд зелено-медный, цилиндрической формы (перегонный куб) с небольшой медной пробкой, в которую вставлена медная трубка. По тулову резан орнамент: большое овальное клеймо с двуглавым орлом под 3 коронами и небольшое круглое с 4-строчной надписью: «М. В. Ломоносовъ *Academiae St Piter Burch*». На дне три клейма: *Sibir, 1748, МФК*. Высота с пробкой и трубкой—34 см.

3. Подсвечник зелено-медный массивный на 3 ножках, ствол свернут спиралью из толстых медных прутьев. На ножках внизу резано:

«Граф Яков Брюс = αφγι» = (1713). Высота — 31 см.

По отделению фарфора.

1. Семь тарелок раб. имп. фарф. зав. времени Елизаветы Петровны. Из них 4 глубоких и 3 мелких. По белому полю писаны золотом сцены из китайской жизни. Клейм два: а) золотое в виде двуглавого орла, б) тисненое в виде стрелки с кружками. Сохранность: золото поцарапано, в некоторых местах сошло. Дар Н. С. Щербатова.

2. Кашпо фарфоровое, цилиндрической формы, край вырезан фестонами. По белому полю тулова с трех сторон золотом и красками писаны гербы графов Чернышевых. Клеймо черное в виде двуглавого орла писано по бисквиту. Сохранность: дно склеено. Дар Н. С. Щербатова.

По отделению стекла.

1. Кувшин зеленого стекла, расписанный масляными красками: белой и желтой. По тулову кувшина написаны три двуглавых орла, кругом полосы, кружки. На горле кувшина дата «1740 г.». Кувшин с широким туловом и с узким горлом. На горле рубчатая полоса, от которой начинается руска. Высота кувшина—35 см.

2. Канделябры (торшеры) хрустальные, граненые с бронзовой отделкой, с 8-ю лампами. Высота канделябров—273 см. Работа Государственного завода.

3. Фляжка граненая, плоская, с гравированными надписями: с одной стороны «Партизан Давыдов», с другой—«Ландек. 1813». Высота фляжки—21½ см.

6. ПО ОТДЕЛУ РЕЛИГИОЗНОГО БЫТА.

Среди целого ряда памятников исключительного музейного значения, пополнивших за эти годы собрание Отдела, наиболее выдающимися являются:

1. Икона (49×38,5 см., средн. толщ. 2,6 см.) с изображением головы Архангела, представляющая из себя или часть оглавного Деисуса, или правую из трех ангельских голов, составлявших когда-то Троицу наподобие тех трехчастных оглавных композиций, которые дошли до нас от более поздней эпохи. Контуры головы, зеленый фон с завитками «тороков» и нижняя часть одежды принадлежат позднейшей реставрации. Икона поступила из собрания Музея христианских древностей (Румянцовского), по каталогу которого числилась иконой школы Симона Ушакова. Иконографически и стилистически примыкает к произведениям русской живописи XII в., в частности к Нерукотворному Спасу (двухстороннему) Кремлевского Успенского собора. Расчищена реставратором Е. И. Брягиным.

2. Икона (140×121, средн. толщ. 3,4 см.) св. кн. Владимира, Бориса и Глеба в житии. Средняя часть иконы занята изображением святых в рост, по полям от левого верхнего угла к правому нижнему идут четырехугольные клейма, иллюстрирующие житие князей, начиная с момента отправления Бориса Владимиром против печенегов и кончая смертью Святополка Окаянного. Всех клейм 15; наибольшую площадь занимает клеймо, изображающее битву Ярослава с Святополком. Сохранность иконы хорошая. На уцелевших частях золотого фона сохранились фрагменты киноварных надписей. Икона некогда принадлежала Г. Д. Филимонову, из собрания которого перешла потом к старообрядцу Е. Е. Егорову. По завещанию последнего все иконы его молельни поступили в Румянцовский Музей, откуда были переданы в 1923 г. в Исторический Музей. Иконографически и стилистически икона принадлежит эпохе художественной деятельности Дионисия Московского и представляет продукт работы кисти незаурядного мастера, сочетавшего в своем искусстве вкусы живописных школ северо-западной и центральной Руси. Расчищена центральными реставрационными мастерскими (работали реставраторы В. О. Кириков, М. И. Тюлин и П. И. Юкин).

3. Подвесная пелена (121×192 см.) с изображением Распятия (Распятый Спаситель, около него богоматерь, Мария Магдалина, Иоанн Богослов, и Логин Сотник, вверху четыре летящих ангела)

в середине и двенадцати поясных фигур в медальонах (Ис. Хрс., богоматерь в типе оранты и десять апостолов, из коих фигура одного утрачена по краям). Изображения шиты по темно-зеленой ткани: личное—шелком, теперь совершенно утраченным; доличное и тело Христа—пряденым золотом вприкреп. Когда-то изображения были вырезаны по контуру из основной ткани и нашиты вновь на шелковую двуцветную (лиловый и белый) ткань типа сасанидских XI—XII вв. с типичными для этих материй изображениями фантастических зверей и разных животных в орнаментальных обрамлениях. Ткань составлена из кусков разной величины и неодинаковой сохранности. Золотное шитье также не везде уцелело и местами сильно утрачено. Надписи сохранились лишь фрагментарно. По стилю и технике памятник относится к домонгольскому периоду.

4. Плащаница 1531 года (114×148 см.). В середине—обычное «Положение во гроб», ниже которого располагается вышитая летопись: «Во храме святого и славного пророка и предтечи и крестителя господня Иоанна честнаго его рожества сій воздух положила Василева жена Андреевича Челяднина Аграпена в лета 7039». Сверху и с боков центральной композиции «Положения» вышита вязью стихира: «Тебе одеющагося светом яко ризою...». По краям плащаницы идет кайма с изображением: по углам 4-х евангелистов, а в промежутках 10-ти господских и 6-ти богородичных праздников, рожества и усекновения Предтечи и в двух клеймах—преподобных и святителей. Шитье исполнено в середине по тафте таусинного цвета, на кайме—по тафте малинового цвета некручеными шелками расщепным швом, сканным и пряденым серебром в прикреп. Ткани фонов плохой сохранности, так как не только обветшали, но и были вырезаны при поновлении, напротив, шитье шелками хорошо сохранилось даже в отношении колорита. Левая половина плащаницы в 1925 г. была раскрыта Центральными Государственными реставрационными мастерскими.

7. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

Меч итальянской работы XVI века, клинок однодольный на 10,5 см. у крестовины украшен травленным орнаментом—сочетание растительных разводов с предметами вооружения. На сохранившейся части орнамента по доле имеются следы воронения и позолоты. Вдоль клинка внутри доли насечены золотом с обеих сторон единорог и надпись вязью: «Полашь Ивана Васильквича Змайлова (.) оружіе бо (.) воинства ротивныхъ низлагающе возноше-

ніе (.) и готово имущее отмщеніе (,) всякаго непослушанія (.) къ мужеству же неослабное показующе возделѣніе (.) дл яко же усердіе хотѣнію такоже искончати (,) поелико аще кто имать (;) аще бо усердію предложить совершеніе (,) благопріятенъ есть (;) аще же и смръть (,) не ино бо что точію прехоженіе ко обителемъ невещественнымъ». Клинок в позднейшее время полирован, при чем голова единорога и ноги и часть орнамента стерты. Длина клинка 95 см. Ширина 5 см. Черен роговой, обвит проволокой, крестовина и яблоко железные, концы крестовины загнуты вверх и имеют форму трилистника с круглыми концами листьев. Ножны деревянные, обтянуты черной кожей с железным прибором.

IV. Разряд исторических источников.

1. ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ И КНИГ СТАРОЙ ПЕЧАТИ.

Собрание рукописей и книг старой печати за отчетное время достигло внушительной цифры: 26.632 номеров рукописей и свыше 5.800 экземпляров старопечатных книг, что сравнительно с последним подсчетом (1920 г.) по отношению к рукописям составляет прирост более, чем вдвое (см. Путевод. по Музею, стр. 213). Этот столь быстрый рост рукописных коллекций Отдела находит себе объяснение в том, что при незначительности приобретений путем покупки или дара (за последние пять лет приобретено таким путем 23 рукописи и одна старопечатная книга) в состав коллекций Отдела за это время вошли переданные в административном порядке целые отдельные, иногда значительные по объему, собрания рукописей и старопечатных книг, до того находившиеся в других местах. Так, в 1921 г. поступило в два приема собрание Вострякова, которое, введенное в особый инвентарь, дало 1318 номеров рукописей и отрывков и 465 книг старой печати (впрочем, оказавшихся в некоторой доле дублетами к имеющимся уже в Отделе). В том же году перевезено было в Отдел собрание рукописей б. Московской епархиальной библиотеки—в количестве 648 экземпляров. В следующем, 1922 году, доставлена была сюда же и установлена на места обширная, обнимающая по инвентарю свыше 1.100 номеров рукописная библиотека нотных книг б. Синодального училища церковного пения, единственная в своем роде по обширности и систематичности подбора материала, составленная в свое время знатоком-историком музыки и пения, проф. С. В. Смоленским. Самым же ценным по своему научному и художественному значению и крупным по объему приобретением От-

дела было, конечно, окончательное включение в состав коллекций его б. Патриаршей библиотеки, в полном составе ее рукописной части, перенесенной в Музей еще в 1920 году и временно помещенной в одной из запасных зал: всего 511 рукописей греческих, 2578—славяно-русских и свыше 300 томов книг старой печати; собрание включает в себе греческие, частью роскошно украшенные, тексты с VI и по XVII в. включительно и давно уже пользуется почетной известностью в мировой науке, считаясь одним из крупных по количеству и ценных по содержанию собраний этого рода; славяно-русский отдел б. Патриаршей библиотеки стоит так же высоко, если не по количеству рукописей, все же весьма значительному, то по качеству собранных здесь материалов по русской и славянской литературам, по русской истории и истории искусства, обнимая собой тексты, также часто с роскошными и ценными миниатюрами и украшениями, начиная с XI века (каков, напр., известный Изборник Святослава 1073 года) и кончая XVII веком (каковы, напр., автографы большинства русских писателей и общественных деятелей этого века). Последним по времени приобретением Отдела было собрание рукописей б. Единоверческого Никольского монастыря (в Москве) в количестве 274 томов и тетрадей и небольшое количество книг старой печати. Остальные приращения Отдела получились путем передачи сюда небольшими количествами и единичными экземплярами рукописей и книг из других Отделов Музея.

В соответствии с общим ростом собраний Отдела росла и специальная его коллекция, составляющая особенность его сравнительно с другими известными собраниями рукописей,—коллекция рукописей лицевых, достигшая к концу 1925 года цифры более 900 экземпляров (не включая сюда богатую и в этом отношении б. Патриаршую библиотеку); главные поступления последнего времени составляют рукописи с миниатюрами сравнительно позднего времени, XVII—XIX веков, ценные по бытовым в них чертам и чертам народного искусства, в них встречаемым; подбор этого рода миниатюры к настоящему времени достиг значительной полноты и разнообразия стилей и композиций, что и оценено уже исследователями, составляющими видную долю в числе лиц, занимавшихся в Отделе.

2. ОТДЕЛ АРХИВА.

Приток материалов особенно обилен был в последние два года отчетного периода: принято было группами и отдельными документами около 3.000 номеров. Среди приобретений архива следует

особо отметить: а) несколько частных архивов или их частей: 1) Квашниных-Самариных, Ржевского уезда, Тверской губ. (2-й половины XVIII, начала XIX в.); 2) Давыдовых (XVIII в.); 3) Кожевниковых (30-е годы XIX в.) с большим количеством рисунков и портретов; 4) художника К. А. Трутовского, 5) Корсаковых, В. С. и Е. К. с бумагами, касающимися Г. Р. Державина; 6) Павла Прусского, старообрядческого и единоверческого деятеля и писателя; 7) Шишкиных и их родственников из Ярославской губ. (XVIII и XIX в.). б) Собрание бумаг русских ученых: 1) Акад. В. Ф. Миллера, 2) Д. Н. Анучина, 3) А. В. Орешникова и др. в) Отдельные документы или небольшие их связки: 1) давно известное в науке ценное собрание грамот XVI—XVII вв. Плигина; 2) дело Шакловитова (из Оружейной Палаты), 3) собрание указов XVIII в., среди них редкие экземпляры грамот и указов Петра I и Иоанна Антоновича; 4) бумаги из архива гр. Потемкина-Таврического; 5) бумаги сибирского промышленника XVII в. Булдакова, архитектора В. В. Шебуева, семейного архива Яковлевых и др.; 6) бумаги Чернышевых, Строгановых, Ладомирских, Римских-Корсаковых, Апраксиных, содержащие интересные материалы по вотчинному хозяйству и 7) дела вотчинные воеводской Алексинской канцелярии 1744—1783 гг. г) Автографы: 1) Акад. Бернулли, 2) баснописца И. А. Крылова, 3) Екатерины I, 4) Екатерины II и Дмитриева-Мамонова на одном документе, 5) гетмана И. Мазепы на универсале 1701 г. и др.

ОБЗОР УЧЕНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

В годы реорганизации Музея, 1920—21 г., научная работа Отделов Музея продолжала развиваться, главным образом, в направлении учета и описания коллекций, собранных за предшествующий период, и крупным проявлением научно-музейной деятельности Государственного Исторического Музея явилась открытая в декабре 1921 г. выставка «Крестьянское искусство». С 1922 г. Музей приступил к работе по новому плану, составленному применительно к новой структуре по Разрядам и Отделам. При этом работа некоторых Отделов имела характер более научно-теоретический, главным образом там, где состояние музейных коллекций не давало еще возможности к развертыванию их в целях экспозиции; работа других Отделов продолжалась в узко-музейном направлении, ограничиваясь преимущественно классификацией, систематизацией и научным описанием подлежащих изучению памятников.

1. Разряд археологический.

Археологический Разряд первоначально был развернут в составе четырех Отделов: 1) доисторическая археология, 2) ранне-историческая археология—памятники греко-римские и скифо-сарматские, 3) ранне-историческая археология—памятники кавказские и восточные и 4) славяно-финская археология. В июле 1922 г. второй и третий Отделы были слиты в один, и к концу отчетного периода Разряд работал в составе трех указанных Отделов.

За истекшее время произведена следующая научная работа.

1. ПО ОТДЕЛУ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ:

- а) проверены все коллекции, собранные ранее, и согласованы с карточным каталогом;
- б) произведена каталогизация и составлены описи всех кол-

лекций предметов каменного периода, бронзовой эпохи и поздних культур Кавказа, вновь поступивших из б. Румянцовского и Поречского собраний, а также добытых путем раскопок 1920—25 гг. и случайных поступлений;

в) проверены все коллекции и пополнены вновь поступившими памятники, выставленные в залах I—IV;

г) произведена полная перестановка сибирских и среднеазиатских коллекций V зала в связи с новыми научными данными;

д) подобраны и выставлены в особых витринах, в целях сравнительного изучения, коллекции западно-европейских доисторических культур и

е) разобрана и описана коллекция памятников керамики с Кавказа из собрания А. С. Уварова.

2. ПО ОТДЕЛУ РАННЕ-ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ:

а) проверены коллекции Отдела по инвентарю и составлены к ним подробные описи;

б) составлен подробный карточный каталог древне-греческих лапидарных надписей и произведено научное описание части керамических клейм;

в) составлено и подготовлено к печати описание античных гемм и перстней с печатями, принадлежащих Государственному Историческому Музею.

г) произведена новая расстановка и пополнение экспонатов в залах V, VI и B;

д) каталогизирован погребальный инвентарь кургана «Козел» для подготовляемого ГАИМК «Corpus tumulorum scythicorum» и

е) составлены подробные описи на все вновь поступившие коллекции.

3. ПО ОТДЕЛУ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ:

а) произведена обработка коллекции из раскопок А. С. Уварова во Владимирской и Ярославской губ., полученная из б. Румянцовского и Поречского музеев, и часть ее выставлена в открытых залах;

б) каталогизированы все вновь поступившие собрания;

в) составлены научные описи коллекций и проведена работа по восстановлению возможно полного инвентаря отдельных памятников (курган, погребение), не сохраненного при нашивке на планшеты. Работа проделана над коллекциями из финских могильников: Борковского, Кузминского, Кошибеевского, Курманского, Лядин-

ского и Серповского; над коллекциями Уварова, указанными выше; над коллекциями из раскопанных Бранденбургом курганных групп Приладожья и раскопанного Романовым и Сизовым Люцинского могильника;

г) произведены частичные перестановки и выставлены новые коллекции в открытых залах.

Большая работа производилась сотрудниками Разряда вне Музея, но в тесной связи с задачами археологического Разряда, по производству раскопок. Так, председателем Разряда В. А. Городцовым за истекшее время раскопаны: 1) стоянка у Галичского озера, 2) стоянка у села Панфилова, Муромского уезда, 3) Кремль города Рязани, 4) дюна «Могильцы» близ села Алканова, Рязанской губ., 5) курганов в Ульяновской и Самарской губ., 6) на Верхоленской горе близ Иркутска и на левом берегу реки Ангары там же, 7) Огубское городище, Малоярославецкого уезда, Калужской губ. и 8) ряд городищ и курганов в различных уездах Московской губ. Заведующим Отделом славяно-финской археологии Д. Н. Эдингом произведены раскопки: 1) четырех курганных групп на площади Ростовского уезда, Ярославской губ., 2) городища на реке Саре там же, и обследованы в порядке разведки берега Ростовского озера. Сотрудники Разряда: А. Я. Брюсов производил раскопки стоянок по рекам Вексе и Юге, Костромской губ. и разведки по рекам Виге и Пожиче; Б. Н. Граков, по поручению Музея, принимал участие в раскопках под руководством проф. П. С. Рыкова, на левом берегу Волги в АССР, немцев Поволжья; Е. Г. Пчелина производила раскопки: 1) в Кикето-Дидебском районе, Тифлисской губ., где обследовала: а) погребение в каменных ящиках, б) погребение в кирпичных гробах и в) мастерскую обсидиановых орудий; 2) остатков древнего водопровода и сооружений на горе Давид, близ Тифлиса; 3) в пригороде Тифлиса, в Очке времени римских колоний на Кавказе; 4) каменных ящиков близ ст. Табах-мела на шоссе Тифлис-Коджоры, близ села В. Цхнеты и близ аулов Хвце, Тли, Эдисси и Челиат в Юго-Осетии и близ села Согурамо в окрестностях Мцхета и 5) курганов на фундаменте циклопической кладки и каменных ящиков близ села Минкент в русском Курдистане. Значительная часть добытых в этих раскопках материалов поступила на пополнение коллекций Государственного Исторического Музея, составляя почти единственный источник новых поступлений по данному Разряду (если не считать находившихся ранее в других музеях и переданных в Государственный Исторический Музей археологических коллекций).

II. Разряд исторический общий.

Этот Разряд образовался впервые после реорганизации Музея в составе семи Отделов, из которых два, памятников византийских и крестьянского быта, развились из Отдела памятников иноземных и Отделения памятников народного творчества. Остальные Отделы были организованы вновь в целях подведения научно-теоретической базы под основную экспозиционную задачу Музея: развертывание памятников исторического быта. В 1922 г. к этому Разряду был присоединен, на правах Отдела, близкий к нему по идеологической структуре филиал Государственного Исторического Музея—Музей сороковых годов.

До конца отчетного периода материальные памятники находились в непосредственном заведывании лишь указанных выше трех Отделов; что же касается Отделов: Киевской Руси, Средней и Северной Руси, Москвы XV—XVII вв., России XVIII в. и России XIX в., то таковые занимались, как видно из последующего, теоретической разработкой вопросов истории материальной культуры русского прошлого с XI по XIX вв.

1. ОТДЕЛЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ.

Научно-исследовательская работа была основной задачей общеисторического Разряда. Ее объектом являлось изучение материального быта русского племени и народностей, участвовавших в жизни Русского государства на всем хронологическом протяжении его истории, от первых варяжских княжеств Киевской Руси до XIX в. включительно. Изучение быта должно было охватить все социальные группировки. Сообразно хронологическим этапам, исследование велось по тем Отделам, на которые распадался Разряд: 1) Киевской Руси (от X до XIV в. на территории Киевских княжеств), 2) Северной и Средней России (XII—XV вв. для великорусских княжеств и вольных городов с подчиненной им территорией), 3) Московской Руси (XVI—XVII вв.), Отдела XVIII в. и 5) Отдела XIX в. Изучение византийских бытовых древностей и их влияния на историю русского быта велось Отделом византийских памятников. Памятники русского крестьянского быта были предметом собирания и изучения Отдела крестьянского быта.

За исключением двух последних Отделов, а также Музея 40-х годов, имевших свои специальные задачи и обладавших обширными коллекциями подлинных памятников, научно-исследовательская работа остальных Отделов Разряда была сосредоточена на приве-

дении в известность, собирание и изучение письменных памятников, относящихся к истории быта, как рассеянных в различных печатных изданиях, так, главным образом, скрывающихся в огромных архивных фондах соответствующих веков (XVII—XIX вв.).

Извлеченный из них и собранный материал подвергался научному анализу и служил для систематического исследования по отдельным вопросам быта. Параллельно с изучением письменных источников велось изучение материальных остатков быта по тем же темам исследования; для последней цели привлекались как коллекции Государственного Исторического Музея, так и других хранилищ древних памятников, (Оружейная Палата, Эрмитаж, Монастыри-Музеи, Подмосковные Музеи-Усадьбы). Исполненные таким образом исследования зачитывались в виде докладов на общих заседаниях Разряда при участии представителей других отделов Музея (иконографии, религиозного быта, архива и др.) и подвергались на них детальному обсуждению, имевшему целью, как проверить теоретические выводы авторов, сделанные ими на основании одновременного изучения письменных источников и подлинных памятников старины, так и установить точную терминологию предметов быта, часто весьма трудно поддающуюся объяснению.

Из использованных архивных фондов следует отметить для истории быта XVII в. исключительный по ценности, разнообразию и богатству материал фонда делопроизводства московских приказов XVII в., в особенности: разрядного, сибирского, поместного, сбора ратных людей, княжества Смоленского, тайных дел, малороссийского, четвертей—Новгородской, Устюжской, Галичской и Владимирской, а также архив Оружейной Палаты.

Рассеянный и вкрапленный в другом материале, материал, относящийся к истории быта, требовал для своего извлечения исключительного по напряжению труда.

Для истории быта XVIII в. были использованы некоторые вотчинные архивы, в том числе архив Куракиных, поступивший в архивный фонд Государственного Исторического Музея, а также архив канцелярии конфискации и масонские рукописи из собраний б. Румянцовского и Исторического Музеев.

Для истории быта XIX в. материалы извлекались из архива географического общества (Ленинград), архива управы благочиния, Московского губернского архива, а также Щукинского и Куракинского.

Помимо архивного материала был прослежен при изучении соответствующих вопросов весь относящийся к ним печатный ма-

териал. Для бытовой истории до XVIII в. он заключался в изданных актах, летописях, записках иностранцев и памятниках древне-русской литературы.

Для истории быта XVIII—XIX вв. были привлечены, помимо документов и мемуаров, современные издания, главным образом журналы и газеты.

Таков был метод работы. Последняя велась в рамках, выработанных Разрядом. В 1922 г., с начала своей деятельности, Разряд поставил основной темой научных исследований—изучение внутренней обстановки жилища, как в смысле общей картины домашнего быта, так и в смысле изучения отдельных категорий предметов, входивших в состав домашнего имущества. Осенью 1923 г. к этой теме были присоединены: а) история внешнего вида жилища и б) история одежды. Помимо этих основных тем, изучению подвергались соприкасающиеся с ними вопросы быта: питание, передвижение, обращающиеся на рынке товары, оружие, снаряжение, обстановка правительственных и общественных учреждений и положение различных групп населения, в той мере, в какой это могло облегчить понимание и изучение соответствующих вопросов быта.

Обзор работ в плоскости этих, поставленных Разрядом вопросов удобнее всего сделать по хронологическим периодам.

Эпоха Киевской Руси была предметом трех исследований В. Ф. Ржиги, изучавшего княжеские дворцы XI—XV вв., посуду и питание в до-Монгольской Руси.

Эпоху северовосточных княжеств до образования Московского государства изучал К. В. Базилевич, давший работу об имуществе московских князей в XIV—XVI вв. (напечатано в Трудях Государственного Исторического Музея, в. III).

Обе эти эпохи характеризуются отсутствием архивного материала и крайней бедностью сохранившихся источников по вопросам быта.

Эпоха Московской Руси (XVI—XVII вв.) изобиловала архивным материалом, давшим возможность развернуть большое количество исследований.

Быт высших слоев населения нашел отражение в работах К. В. Базилевича («Вотчина В. В. Голицына «Черная грязь»), И. А. Витвера—(«Дом боярина А. С. Матвеева»), Е. И. Заозерской («Двор Никиты Ивановича Романова»), А. А. Новосельского («Вотчинный быт по переписке стольника Безобразова»).

Быт торгового и посадского населения был предметом работ М. М. Богословского («Имущество гостя Семена

Лузина»), Н. А. Баклановой («Внутренняя обстановка дома посадского человека конца XVII в.» и «Имущество московских торговых иноземцев»), К. В. Базилевича («Имущество Устюжского подъячего в половине XVII в.»).

Монастырский быт был предметом изучения М. М. Богословского («Обстановка архимандричьей кельи Воскресенского монастыря в конце XVII в.») и А. А. Новосельского («Монастырские жилые помещения в XVII в.»).

Правительственные учреждения были предметом изучения Н. А. Баклановой («Обстановка московских приказов» — напечатано в Трудах Государственного Исторического Музея, в. III, «Здания московских приказов») и А. А. Новосельского («Московская аптека в XVII в.»).

Постройки. Дворовым деревянным постройкам XVI и XVII вв. была посвящена работа С. К. Богоявленского.

Посуда. Изучению отдельных видов столовой посуды с установлением ее терминологии посвящена работа С. К. Богоявленского.

Оружие и снаряжение. Оружию была посвящена работа С. К. Богоявленского: «Вооружение русских войск в XVII в.»; промышленное снаряжение изучал С. В. Бахрушин.

Прочие вопросы материального быта: А. А. Новосельскому принадлежит работа по общему изучению домашней обстановки XVII в.; И. А. Витвер подверг исследованию рядные записи XVII в. для изучения состава приданого.

Вопросы социальной истории. Две работы были посвящены вопросам, касающимся положения тех групп и слоев населения, о которых до настоящего времени почти не имелось никаких исследований, без которых невозможно было бы изучать и характер их материальной культуры. С. В. Бахрушину принадлежит работа, касающаяся изучения положения ремесленных учеников (напечатана в Трудах Государственного Исторического Музея, в. III), И. В. Чекан изучала положение рабочих на тульских и каменных жел. заводах в конце XVII и в начале XVIII вв.

2. ОТДЕЛ ИСТОРИИ БЫТА XVIII ВЕКА.

Быт высших слоев населения. Дворянский быт этой эпохи изучался как в общей плоскости, с целью изучить типические особенности материального быта дворянства в эту эпоху, так и в частных случаях — быт наиболее интересных представителей высшего слоя дворянства. Общим вопросам дворянского быта были посвящены две работы К. В. Сивкова: «Сельский дом

русского помещика в начале XVIII в.» и «Городской дом русского дворянина в начале XVIII в.», и работа С. П. Григоровой о столичном доме вельмож эпохи Петра I. Частным вопросам быта по отдельным фамилиям были посвящены работы С. П. Григоровой и Г. А. Новицкого, взявших предметом изучения дома в XVIII в. Куракиных и Голицыных (С. П. Григорова: «Дом Б. Куракина в Париже в 20-х годах XVIII в.»; Г. А. Новицкого: «Дома кн. Куракиных в Петербурге и Москве и петербургский дом кн. А. М. Голицына»).

Одежда. Костюму Петровского времени были посвящены работы Г. А. Новицкого (мужской костюм) и С. П. Григоровой (женский костюм).

Средства передвижения. К. В. Сивков изучал экипаж и упряжь в начале XVIII в.

Быт правительственных и общественных учреждений. Е. И. Заозерской принадлежит работа о Нерчинском кружечном дворе в начале XVIII в.; С. П. Григорова изучала обстановку масонских лож в конце XVIII в.

3. ОТДЕЛ ИСТОРИИ БЫТА XIX ВЕКА.

Продолжением исследований по изучению быта высших слоев общества в XVIII в. явились для начала следующего столетия работы Е. Н. Басовой, изучавшей посуду и утварь в московском барском доме и дворянский дом в Москве в конце XVIII и в начале XIX вв., К. В. Сивков дал работу о подмосковной вотчине Шереметьева—«Кусково по описи 1810 г.».

Столичному чиновничьему быту за этот же период времени была посвящена работа Е. Ф. Корша.

В подготовленном для издания виде, отмеченные выше работы, включая указанные ниже работы Н. Д. Протасова по византийским древностям, составляют около 107 печатных листов.

Одновременно с теоретической разработкой вопросов русской бытовой истории Разряд вел работы музейно-практического характера, разрабатывая научные основы экспозиции памятников, как в постоянных залах, так и на устраивающихся Музеем выставках. В основе этой работы лежали выводы отмеченных выше изысканий по отдельным вопросам быта.

4. ОТДЕЛ СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ РУСИ.

1. При Отделе была создана особая комиссия, разрабатывавшая систему экспозиции в залах Новгородской, Владимиро-суздальской и ранне-Московской.

2. Выставка быта Московской Руси. В подготовительных работах комиссии по устройству этой выставки принял участие Отдел Московской Руси (М. М. Богословский, Н. А. Бакланова, И. А. Витвер, С. К. Богоявленский), как в обсуждении общих вопросов, связанных с этой выставкой, так и в практической работе (Н. А. Витвер и Н. А. Бакланова) по отбору и описанию памятников, предназначенных к экспозиции на выставке. И. А. Витвером было предпринято обследование именных надписей на предметах XVII в. по архивным документам, с целью установления общественного положения и времени жизни владельцев этих предметов. Таким образом, на основании дел поместного и разрядного приказов было обследовано около 100 владельцев.

3. Выставка «Из эпохи крепостного хозяйства» (город, деревня, двор. Конца XVIII и начала XIX вв.).

В работах комиссии по устройству этой выставки принял участие Отдел XVIII в. (Ю. В. Готье, Г. А. Новицкий и С. П. Григорова) и XIX в. (Е. Ф. Корш и Е. Н. Басова). Комиссией был разработан план экспозиции выставочного материала и разработаны отдельные вопросы, связанные с выполнением этого плана. В заседаниях комиссии были сделаны в связи с ее работой следующие доклады:

Ю. В. Готье—«Придворный быт второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в.».

Г. А. Новицкий—«Пугачевщина и ее социально-экономические корни»; «Чумный бунт в Москве в 1771 г. и его место в социальном движении XVIII в.»; «Старообрядческий быт второй половины XVIII в. и начала XIX в.»; «Фабрично-заводский быт конца XVIII и начала XIX вв.».

С. П. Григорова—«Масонство второй половины XVIII и первой четверти XIX вв. и его бытовая среда»; «Быт крепостных крестьян»; «Аракчеев и военные поселения».

Е. Ф. Корш—«Мещанский быт конца XVIII и начала XIX вв.»; «Купеческий быт конца XVIII и начала XIX вв.»; «Фабричный быт конца XVIII и начала XIX вв.».

Е. Н. Басова—«Влияние войны 1812 г. на русское общество».

В связи с организацией выставки С. П. Григорова была командирована летом 1925 г. в Ленинград и в Музей при усадьбе «Грузино» (А. А. Аракчеева) для ознакомления с хранящимся там материалом и получения некоторых предметов для экспозиции на выставке.

Г. А. Новицкий принял участие в экспедиции Государственного Исторического Музея на средний и северный Урал, организованной под руководством Н. Б. Бакланова для изучения и соби-

рания материала по рабочему быту в эпоху крепостного труда. В течение этой командировки Г. А. Новицкий подробно ознакомился с архивохранилищами г. Екатеринбурга, Н. Тагила, Перми и др. мест. В Екатеринбурге были сделаны копии планов и чертежей Уральских заводов XVIII и начала XIX вв.

5. ОТДЕЛ ВИЗАНТИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ.

Деятельность Отдела византийских памятников подразделялась на научно-исследовательскую работу по вопросам бытовой истории византии и изучению коллекций Отдела, и на музейно-практическую, включающую устройство экспозиции и регистрацию памятников.

В научно-исследовательской работе Отдел участвовал в общей работе Разряда, на заседаниях которого заведующим Отделом Н. Д. Протасовым были прочитаны следующие доклады: «Византийская бытовая икона», «Византийская весовая единица», «Черты быта по данным древнейшей славяно-русской миниатюры», «Византийские ювелиры и их изделия», «Византийская серебряная посуда из коллекций Исторического Музея».

Все эти доклады так же, как и остальные работы Разряда, приготовлены к печати. Помимо их, Отдел вел изучение принадлежащих ему памятников, при чем результат этих исследований сообщался в соответствующих докладах, читавшихся в Отделе. В этой области сотрудниками и практикантами Отдела были сделаны следующие доклады по материалу:

Н. Д. Протасов: а) «Энкаустическая икона Отд. визант. пам.», б) «Римские мозаики VIII—X вв. Отд. визант. пам. ГИМ», в) «Константинопольский экзагий VI в. Отд. визант. пам.»; г) «К изучению клейм на визант. серебр. посуде ГИМ.» (напеч. в «Тр. Инст. Арх. и Иск.»); д) «Бытовые черты византийских икон и миниатюр».

А. Первушина (практик.)—«Мраморные капители из Херсонеса Отд. визант. пам.».

В. И. Лебедева (сверхшт. сотр.)—«Моливдовулы Отд. визант. пам. ГИМ».

Н. Н. Усольцева (сверхшт. сотр.)—«Итало-греческая икона Бизамани XVI в. Георгия Победоносца Отд. визант. пам.».

П. Б. Юргенсон (сверхшт. сотр.)—а) «Уваровский диптих с изображением имп. Константина VIII Отд. визант. пам.»; б) «Резная из слоновой кости икона богоматери XIII в. Отд. визант. пам.».

Н. П. Розанова (практик.)—«Мемориальная дощечка слоновой кости IV в. Отд. визант. пам.».

Н. П. Ясинская (студ. I МГУ)—«Миниатюры пергаментной рукописи Отд. визант. пам.».

Н. А. Кербицкая (студ. I МГУ)—«Триптих Отд. визант. пам. итало-греч. письма XVI в.».

Г. И. Червяков (практ.)—«Перегородчатая эмаль Отд. визант. пам.».

О. И. Сыгина (студ. I МГУ)—«Византийская икона успения Отд. визант. пам.».

Н. П. Кивокурцев (студ. I МГУ)—«Серебряная посуда Отд. визант. пам.».

В области музейно-практической работы производилась планомерная регистрация всего материального фонда. Регистрация состояла в составлении подробных описей предметов с уяснением их происхождения, формальных особенностей, бытового значения, типологической значимости и с уставлением, насколько возможно, даты; на основании регистрационных описаний составлялся предметный карточный каталог с топографическими указаниями. Регистрация памятников производилась по следующим 5 группам: 1) прикладное искусство и художественная промышленность, 2) живопись монументальная и станковая, 3) скульптура, 4) памятники Херсонеса и 5) репродукция.

Из репродукций был создан архив подсобного материала, состоящий из 950 гипсовых слепков и до 2000 ручных и механических репродукций. К этой же работе примыкает составление указателя литературы по темам византийского искусства и археологии. Указатель насчитывает около 5000 карточек.

Помимо указанной регистрации памятников, производилась научно-инвентаризационная работа, которая вызывалась тем обстоятельством, что большая часть памятников не имела точного происхождения и могла быть занесена в научный инвентарь после установления историко-бытовой физиономии памятника, определения территории и эпохи. Для целей этой регистрации памятники изучались типологическим методом с привлечением соответствующего материала из западно-европейских и русских музеев.

В тесной связи с этой работой находятся командировки Н. Д. Протасова в Эрмитаж и в Херсонес.

В Эрмитаже для установления более точного происхождения памятников Отдела Н. Д. Протасов изучал соответствующие коллекции византийского отдела Эрмитажа, в особенности образцы Херсонесской керамики, византийскую торевтику, собрание посуды и мозаичную икону на воске Федора Стратилата XIV в.

Командировка в Херсонес (июнь—июль 1925 г.) преследовала

цель ознакомиться с памятниками местного Музея для установления территориального хронологического происхождения памятников из Херсонесса, находящихся в Отделе византийских памятников и большею частью не имеющих точных указаний.

Параллельно с инвентаризацией и изучением коллекций были проведены обширные работы по подготовке экспозиции памятников в открытой зале Музея. Работы были закончены в начале 1924 г., и зал был открыт для свободного обозрения 15 февраля 1924 г.

Экспонированные предметы распадаются на три основные группы:

1. *Живопись*. Памятники станкового письма в хронологических пределах XII—XVIII вв., характеризующие мастерство столичных и провинциальных (Греция, Южная Италия, Сирия, Копты и пр.) мастеров. Памятники-миниатюры X—XVI вв. в том же, приблизительно, историческом порядке.

2. *Художественная промышленность*. Образцы резьбы по камню, кости, дереву, инкрустация на камне и по дереву, образцы техники по металлу (литье, ковка, чекан, штамп), шитье (ткани) и пр. Экспозиция исходит из хронологических (II—XVII вв.) и историко-культурных тем.

3. *Скульптура*. Мраморные капители и базы колон, фрагменты саркофагов, парапетные столбики, тябла, мемориальные стены и пр.—от I до XI веков.

Особую группу составляют памятники Херсонеса византийской эпохи (IV—X вв.): бытовые предметы из металла, кости, дерева, стекла и терракоты.

Произведенные работы по регистрации и экспозиции дали возможность Отделу добыть нужные научные справки и представили возможность ряду крупнейших ученых специалистов знакомиться с коллекциями Отдела и вести работы по их изучению.

Опираясь на собранный подсобный материал муляжей и составленный указатель литературы по вопросам византийского искусства и археологии, Отдел давал справки Русскому Музею в Ленинграде, Эрмитажу, Публичной Библиотеке им. Ленина в Москве, ВХУТЕМАС'у и частным лицам.

6. ОТДЕЛ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА.

Отдел крестьянского быта образовался из Отдела народного творчества. Коллекции последнего были открыты обозрению на обширной выставке «Крестьянское Искусство», занимавшей 7 боль-

ших зал II этажа и заключавшей в себе около 3.500 памятников крестьянского быта XVIII—XIX вв. Выставка была открыта в декабре 1921 г. В ее основе лежал материал крестьянского бытового искусства—дерево, ткань, глина и металл,—на выставке были представлены: архитектура (в резных декоративных фрагментах), утварь, орудия труда, средства передвижения, одежда, вышивки, набойки, игрушки, пряники и т. д.

Выставка явилась отчетной работой Отдела народного творчества (организован в Историческом Музее в 1915 г.), включавшего в круг своего ведения вещественных памятников народного быта, собранные Музеем в течение предшествующих десятилетий. Задачей выставки было показать на большом количестве разнохарактерных памятников своеобразную и высокую художественную культуру, которая имела место в материальном быту русского крестьянина в XVIII—XIX вв., а также демонстрировать ряд ее областных особенностей. С этой целью на выставке был экспонирован ряд систематических группировок бытовых предметов, связанных единством художественного стиля и техники и имеющих общее территориальное происхождение. В экспозиционных идеях выставки нашли, благодаря этому, отражение областные виды художественного творчества, дающие различные формальные стили народной резьбы, росписи и вышивки. Выставка дала возможность впервые познакомиться с художественной сложностью крестьянского бытового искусства и наметить пути дальнейшего изучения этой малоизвестной стороны художественной культуры.

Научно-исследовательская работа по изучению коллекций предметов крестьянского быта, их регистрация, научное описание и постоянная экспозиция были произведены Отделом крестьянского быта.

В. С. Воронову принадлежит ряд работ, связанных с выставкой и изучением вопросов крестьянского художественного творчества. Из них напечатаны: «Крестьянское искусство», Госиздат, 1924 г.; «Народная резьба», Госиздат, 1925 г.; «Бытовой жанр в резьбе и росписи крестьянского искусства» (журн. «Среди коллекционеров», 1923 г., № 5); «Крестьянское искусство на выставке РИМ». (журнал «Русское Искусство», 1923 г., № 1); «Нижегородские донца» (журн. «Среди коллекционеров», 1922 г., № 9); «Народное искусство и его собиратели» (журн. «Среди коллекционеров», 1922 г., № 4); «Путеводитель по кустарному музею ВСНХ», изд. ВСНХ., 1925 г., и ряд статей по кустарно-художественной промышленности («Вестник Промысловой кооперации» за 1924—25 гг.)

С. К. Просвиркина изучала резную крестьянскую посуду с точки зрения характеристики хронологических этапов в развитии крестьянского бытового искусства на основании формально-стилистического анализа. Материалом служили коллекции Отдела, а также материал, собранный летом 1924 г. в Семеновском уезде, Нижегородской губ. (зарисовки, фотографии, опросы, обмеры и пр.). Ею же летом 1925 г. произведено изучение типов нижегородской крестьянской избы (Городецкий уезд, Нижегородской губ.) и эволюции форм и орнаментики крестьянской деревянной резной (кубической) солоницы.

С. В. Россохина изучала символическую народную орнаментику.

П. А. Голубцов работал по составлению альбома жанровых мотивов крестьянской бытовой росписи.

Одновременно с изучением и научным анализом памятников производилась их регистрация двух видов: первичная (краткая) и подробное научно-музейное описание. Последняя преследовала три цели: инвентаризацию собраний, охранную опись и научное описание.

К этим работам примыкали: фотографические работы по съемке памятников Отдела (архитектура, резьба, роспись, вышивки, металл, керамика и пр.), составление карточного указателя памятников и собирание материалов для словаря по крестьянскому искусству и быту.

Работа по экспозиции памятников выразилась в развертывании коллекций после закрытия выставки «Крестьянское Искусство» в зале № 32.

Кроме того, своими экспонатами Отдел принял участие в следующих выставках:

а) Всероссийской художественно-промышленной (март—апрель 1923 г.). На Выставку были посланы 82 предмета (резное и росписное дерево и вышивки);

б) Всесоюзной сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной (январь—октябрь 1923 г.). В кустарном павильоне была организована выставка памятников старого крестьянского искусства (архитектурное, предметы быта, одежда), всего 336 предметов.

7. МУЗЕЙ 40-х ГОДОВ.

Музей, помещающийся во владении № 7 по Собачьей площадке, принадлежавшем А. С. Хомякову, был открыт для публики 7 ноября 1920 г. Задача музея—показать московский городской

дом сороковых годов XIX в., обставленный на основании научно-проверенных исторических данных, подлинными предметами эпохи. Сам дом представляет исторический интерес, как место собраний славянофилов. От А. С. Хомякова сохранились две комнаты: кабинет и маленькая диванная при нем. В остальных комнатах сохранилась часть мебелировки и отдельные предметы эпохи сороковых годов, принадлежавшие этому дому; другая часть обстановки принадлежит более позднему времени. Первоначальные коллекции Музея, состоящие из имущества М. А. Хомяковой, были пополнены значительным количеством предметов искусства и быта из соседнего дома Лобановых-Ростовских, отдельными предметами из собрания Д. А. Хомякова, имения Боде-Колычева, б. Музея Строгановского училища, дома Карпова, Петровского дворца, дворца Нескучного сада, музейного фонда, имения Богучарово и покупками. Всего коллекции Музея содержат около 4000 предметов.

С целью более точного приближения к внутренней обстановке дома сороковых годов, производилось изучение самого дома и его истории в эту эпоху: обследование внутренних стен дома для определения обоев или окраски стен, собирание сведений от лиц живших или бывавших в этом доме, собирание сведений о доме, сохранившихся в письмах, воспоминаниях и других документах, собирание сведений о доме такого же характера, изучение иконографии—картин, акварелей, рисунков, гравюр, литографий, фотографий и пр.

Собраный таким образом разнообразный материал послужил основой для научного кабинета, организованного при Музее.

В 1925 г. Музеем была организована выставка иконографии «interieur»'ов—«Дом сороковых годов». К выставке был выпущен иллюстрированный указатель. Путеводитель по Музею вышел в 1925 г. вторым изданием.

III. Специально-исторический Разряд.

Третий, специально-исторический Разряд составил из пяти Отделов: 1) архитектуры и обстановки жилищ, 2) одежды, тканей и личных украшений, 3) памятников домашнего обихода, 4) специальных проявлений государственного быта, 5) специальных проявлений религиозного быта.

В 1923 году присоединен Отдел иконографии.

В 1925 году в Разряд включены: 1) филиальный Музей военного быта, 2) Отдел «Старой Москвы».

1. ОТДЕЛ АРХИТЕКТУРЫ.

В заседании Разряда 5 мая 1922 года заведывающим Отдела, Н. Б. Баклановым, был представлен доклад о состоянии Отдела и общей программе предстоящей деятельности, а 17 июля того же года другой доклад с подробным изложением плана работ. Доклады были приняты полностью, равно как и представленные формы каталогов и карточек. Отдел составил более 3000 карточек научного описания имеющихся предметов. Вследствие огромного количества неопisanного материала иконографического характера стала составляться требующая гораздо меньшего времени и труда охранный опись как отдельных коллекций, так и листов, распределенных в папках по содержанию изображений. Работа по этой описи еще не закончена и потребует еще около двух лет. При этой основной работе Отдел принимал участие в устройстве выставки XVIII—XIX веков с соответствующими описаниями выставленных предметов, предъявлял и объяснял свои коллекции посторонним ученым, участвовал в предпринятых Музеем экспедициях. Отделу не раз пришлось менять свое помещение и потому переносить коллекции с одного места на другое.

2. ОТДЕЛ ОДЕЖД, ТКАНЕЙ И ЛИЧНЫХ УКРАШЕНИЙ.

Отдел начал организовываться в феврале 1922 года, со времени назначения заведывающего, В. К. Клейна. Раньше не было определенного места для имевшихся коллекций, равно как и необходимого инвентаря, который состоял только из двух прилавков и нескольких сундуков и ящиков. За отчетный период была достаточно оборудована особая зала удовлетворяющими своему назначению шкафами. Коллекции просушены, проветрены и очищены. Произведены разбор тканей и их классификация, составлялось научное описание. Коллекция одежды вынута из сундуков и развешена в одном застекленном шкафу. Подшивались гобелены и ковры, подлежащие развеске по стенам Отдела. Составлялись топографические указатели. Такие же работы производились относительно серег и кружев. Отдел принимал участие в устройстве выставки XVIII—XIX вв. и в работах над тканями, находящимися в других Отделах.

3. ОТДЕЛ ПАМЯТНИКОВ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА.

Отдел с 1922 года разделен на Отделения: 1) стекла, хрусталя, мозаики, бисера и стекляруса; 2) фарфора и финифти; 3) фаянса и керамики; 4) бронзы и неблагородных металлов; 5) кости, де-

рева, черепахи, перламутра, янтаря, кожи и б) благородных металлов.

Произведено оборудование занимаемых зал, коллекции размещены в соответствующих шкафах и на полках, предметы правильно систематизированы, и выявлялись пробелы в имеющихся коллекциях.

Выставленные предметы зарегистрированы.

Отдел принял участие в устройстве выставки XVIII—XIX вв.

4. ОТДЕЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЫТА.

В течение 10 лет через Отдел государственного быта поступило очень большое количество предметов, около 14000 номеров, не считая монет и медалей. Поступления, главным образом, происходят из предметов, не взятых их владельцами, оставившими их на хранение во время войны. Остальные поступления составили: а) из собрания б. Румянцевского Музея, передавшего предметы древностей и быта, б) собрания монет и медалей русских и восточных, расположенных в 14 шкафах, переданных в дар Музею семьей покойного П. В. Зубова и владельца их, в) значительного количества предметов быта и тканей б. Строгановского Музея, г) предметов старого быта I Пролетарского Музея.

Наиболее крупным поступлениям сотрудниками Музея составлялись особые описи, остальное вписывалось в книгу поступлений.

Обширное нумизматическое собрание Зубова началось описываться сотрудниками Отдела: восточные монеты—В. С. Муралеви-чем, остальные другими сотрудниками. Собрание перстней и печатей описано Л. В. Кафка. Сделана подробная опись предметов из серебра и украшений, хранящихся в особой кладовой, составленная Л. В. Кафка и практикантом А. М. Бурдыгиным.

5. ОТДЕЛ РЕЛИГИОЗНОГО БЫТА.

В 1922 году помещение Отдела увеличилось на две залы, ранее занятых Музеем «Ars asiatica». Отдел пополнился иконами из б. Румянцевского Музея, из собраний Зубалова, Егорова, Рахманова. Помимо обычной работы по инвентаризации предметов и их научному описанию, Отдел готовил к выставке памятники древнерусской иконописи.

6. ОТДЕЛ ИКОНОГРАФИИ.

Отдел иконографии присоединен к III Разряду с весны 1922 г. Приведены в порядок и зарегистрированы коллекции Бахрушина, Рогожина, Похвиснева, Забелина, Козырева и др. Выделены и

перенесены в новые залы Музея, в здании быв. губернского правления, масляные картины, не представляющие особого интереса для Отдела. Развешивались масляные портреты на стенах помещения лестницы.

Производилась обычная работа по инвентаризации новых поступлений и всего прочего незарегистрированного материала.

Обращено внимание на составление охранных описей, как требующих менее времени и труда сравнительно с научным описанием, что при обилии материала представляет большую важность.

В связи с устройством выставки XVIII—XIX вв., в котором Отдел иконографии принимал большое участие, происходило перемещение коллекций из залы в залу. Нынешнее помещение занято в апреле 1925 года.

7. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

С 1919 г. по 1922 г. военно-исторический музей существовал в качестве Музейного хранилища, в коем сосредоточивались коллекции музеев расформированных полков старой армии и предметы военного быта. В начале 1923 года хранилище было реорганизовано в военно-исторический Музей, и 29/IX таковой был открыт для обозрения. Организация Музея носила спешный характер: за 4 месяца было разобрано до 6000 предметов, которые поступили на экспозицию. Это привело к тому, что Музей давал впечатление собрания коллекций случайных предметов. 16/IV—1924 г. Музей был закрыт для работ по приемке Музея вновь назначенным заведующим Музеем К. В. Марковым, которая продолжалась до июля того же года. За этот период была составлена опись музейного имущества, разобраны вновь поступившие коллекции и т. д. С июля месяца начал проводиться в жизнь намеченный план реорганизации Музея, при чем в основу было положено деление на следующие эпохи: 1) вооруженных сил до-Петровской Руси, 2) организации регулярной армии, 3) Суворова, 4) войны 1812 года, 5) войн 1855—66 гг. и 1877—78 гг., 6) Русско-Японской войны и 7) Отдел быта конца XIX в. и начала XX века.

Но реорганизация была приостановлена работами по приемке военно-исторического Музея комиссией Государственного Исторического Музея, так как первый вливался в Государственный Исторический Музей в качестве филиала. По окончании приемки директором Государственного Исторического Музея было разрешено 7/III 1925 г. временно открыть Музей, а в марте месяце того же года состоялось постановление президиума Главнауки о пере-

мещении военно-исторического Музея в здание Государственного Исторического Музея. Вследствие этого Музей должен был немедленно освободить половину занимаемых помещений для Музея «Старая Москва», и подготавливать коллекции к перемещению. Таким образом военно-исторический Музей вновь принужден был нарушить принятые организационные формы, приспособив их к оставшемуся помещению.

Срочность работ по перемещению коллекций и работы по устройству новой экспозиции были совершены в минимальный срок, и Музей, после небольшого перерыва, вновь открыл свои залы для обозрения.

8. ОТДЕЛ «СТАРАЯ МОСКВА».

Получив основание в апреле 1919 года, как самостоятельный Музей Отдела по делам музеев Наркомпроса, Музей старой Москвы был в 1922 г. присоединен, как филиал, к Российскому Историческому Музею, а в 1924 году переорганизован в Отдел Государственного Исторического Музея и включен в состав III Специально-исторического Разряда.

За неполные семь лет существования Отдел «старая Москва» должен был в силу обстоятельств три раза переместить свои коллекции и к 1-му февраля 1926 г. находится в свернутом состоянии из-за отсутствия помещения для его развертывания.

Собирательство Отдела, совпадающее с его основанием, как путем покупок, так и пожертвований и передач, выразилось к 1 февраля 1926 года в 19.898 номеров по охранной описи и состоит из самых разнообразных предметов, среди которых не мало уникальных.

Наиболее крупные приобретения путем покупок произведены у С. Б. Алмазова более 25 лет собиравшего по «старой Москве», и у наследников П. А. Бурышкина.

Перечислить все выдающиеся по значению предметы нет возможности в данном отчете; важнейшие из них:

1) Одна из пяти масляных картин Ф. Я. Алексеева, изображающая кремлевские постройки от Чудова монастыря до Спасских ворот, 2) акварель, приписываемая архитектору М. А. Казакову, изображающая здание Ростовского подворья в Китай-городе, здание совершенно исчезнувшее и не имевшее никаких изображений, и 3) подписной чертеж архитектора В. И. Баженова фасада Царицынского дворца.

Нельзя не отметить редких и единственных предметов других категорий:

1. Из рукописей самой исключительной по интересу и значению является: «Атлас Московской губернии... сочиненной в Межевой канцелярии 1800 года».

2. Из печатных произведений—книг, редчайшей можно назвать географию Блавиана, конца первой половины семнадцатого века на испанском языке, прекрасно сохранившуюся, с планами Кремля, Москвы и Московии в красках.

В заседаниях специально-исторического Разряда за отчетный период были сделаны следующие доклады научно-исследовательского характера по материалам Разряда:

1. В. К. Клейн. «О русской терминологии иностранных тканей в XVI и XVII веках».

2. С. В. Львова-Фомина. «Стекло у древних народов».

3. Л. В. Кафка. «О древних перстнях Государственного Исторического Музея».

4. Н. П. Лихачев. «О печатных документах в XVII в. в России».

5. Е. К. Муромцева. «О технике фарфорового производства».

6. А. Б. Салтыков. «Завод Гарднера в XVIII веке».

7. Н. П. Лихачев. «Штемпель и факсимиле».

8. Н. П. Лихачев. «О поддельных автографах».

9. Н. Д. Протасов. «О клеймах на византийской посуде ГИМ».

10. А. Б. Салтыков. «Фарфор и известия о нем в допетровской Руси».

11. Н. Б. Бакланов. «О методах изучения архитектурных памятников».

Разряд за указанное время производил работы по устройению следующих выставок:

1. Выставка быта Московской Руси.

2. Выставка памятников древне-русской иконописи.

3. Выставка «Из эпохи крепостного хозяйства XVIII—XIX вв.».

4. Выставка «Москва в старинных изображениях».

IV. Разряд исторических источников.

В истекшем пятилетии IV Разряд сложился вначале из 4 Отделов: 1) рукописей и книг старой печати; 2) архива историко-бытовых материалов; 3) отдела иконографии и 4) истории книги.

В 1923 г. Отдел иконографии был переведен в III Разряд, а взамен его из Библиотеки (V Разряд) был передан Отдел историче-

ской географии и картографии. В 1924 г. при Разряде образована особая эпиграфическая комиссия, долженствующая обслуживать все Отделы Музея, поскольку их работы связаны и с анализом эпиграфических материалов. В указанном составе Разряд работает до настоящего времени.

1. ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ.

Поскольку данный Отдел за отчетный период имел громадное пополнение своих собраний (см. выше), главная работа его сотрудников, естественно, была направлена на учет, регистрацию и установку, как вновь поступавшего, так и поступившего ранее, но еще не учтенного и не зарегистрированного материала (каково было, например, собрание Е. В. Барсова—до 3.000 номеров).

К концу отчетного периода в Отделе рукописей не остается, за исключением последних незначительных поступлений, рукописей и книг без инвентарной описи и каталогизации. Таким образом собрания Отдела, снабженные карточными каталогами или печатными описаниями, являются теперь вполне доступными для пользования, чем и объясняется значительное для последнего времени число сторонних лиц, занимавшихся в Отделе и вытребовавших для своих занятий свыше полтора тысячи рукописей и книг старой печати.

В виду большого спроса со стороны исследователей на рукописи лицевые, Отделу пришлось заняться составлением специального каталога лицевых рукописей, который облегчил бы специалистам возможность наиболее продуктивного их использования. Такой каталог составлен на большую часть имеющихся в Отделе рукописей.

Восстановившиеся до некоторой степени сношения с другими научными учреждениями, как русскими, так и заграничными выразились для Отдела в изготовлении под его руководством и высылке справок и фотографий с отдельных памятников из его коллекций: делались и посылались снимки с Хлудовской Псалтири в Париж и в Вену, д-ру Б. Дикю с различных рукописей, ротографические копии с греческих Апокалипсисов в Нью-Йорк, с греческого текста IX в. (б. Патр. № 31) книги Царств в Кэмбридж Society of Septuaginta, тексты византийца Иоанна Геометра в Познань и др.; делалось сличение греческих текстов жития Екатерины для научного издания в Германии по поручению проф. Винклера (Кенигсберг), высылались рукописи в Археографическую комиссию и Библиотеку Академии Наук в Ленинграде.

В виду отсутствия соответствующего помещения и оборудования своих специальных выставок Отдел устраивать не мог, ограничившись только одной небольшой, устроенной им сообща с Отделом картографии (по случаю 200-летия Академии Наук: «Литература, наука и искусство XVII в.», и принимая участие своими экспонатами в устройстве открытых зал Музея (Византия, Русь северо-восточная) и в подготовляемых общемузейных выставках («XVII век», «Вторая пол. XVIII—перв. четв. XIX в.»).

Научно-исследовательская работа Отдела, помимо частичной разработки материалов, связанной с регистрацией и описаниями коллекций (миниатюра, филигранные бумаги, палеография, извлечение текстов, интересных в том или ином отношении) выражалась в чтении сотрудниками Отдела научных докладов в заседаниях IV Разряда, совместном обсуждении их. Такие доклады были следующие: В. Ф. Ржига—«Княжеские дворцы удельных Киевских князей»; А. Д. Седельников—«О трактате Самуила Евреянина против Иудеев и о деятельности Николая Немчина»; М. Н. Сперанский—«Повесть о Динаре и отражение ее в миниатюре и иконописи»; А. Д. Седельников—«Из рукописей Государственного Исторического Музея»; М. Н. Сперанский—«Аристотелевы врата, неизвестный текст по рук. Музея № 1226»; Н. П. Попов—«Памятная книжка русского писателя XV века»; Асафов, К. М.—«О некоторых неизвестных в библиографии старопечатных изданиях»; А. Д. Седельников—«Свидетельство XV в. о книжных сношениях Великороссии с Западной Русью»; М. В. Щепкина—«К истории Ярославля XVII в., по рукоп. собр. И. Е. Забелина № 443»; Н. П. Попов—«К вопросу о возникновении Патриаршей библиотеки»; В. Ф. Ржига—«Ермолай-Еразм, как писатель и публицист»; М. Н. Сперанский—«Сказание о Софии Цареградской в югославянской письменности».

Посещался Отдел, с целью общего ознакомления с его богатствами, экскурсиями и отдельными лицами: так, в течение двух последних лет пользовался рукописями Отдела проф. А. С. Орлов при своих занятиях со слушателями I Моск. гос. университета по палеографии, проф. Г. И. Голанов по рукописям Отдела вел практические занятия со слушателями того же университета по истории русского языка. Здесь же второй год ведутся практические занятия с сотрудниками Отдела религиозного быта и Эпиграфич. ком. по палеографии под руководством М. Н. Сперанского. Сверх того, познакомились с памятниками древней письменности экскурсии: тверского педагогического института, военно-педагог. института, библиотечных курсов при Главнауке, из отдельных лиц: Н. Отаке

(Япония), пересматривавший лицевые рукописи, представитель донского союза печатников, заведующий архивом в Калуге—оба знакомилась с устройством Отдела.

Наконец, в Отделе образовались два новых Отделения: перевезенная по частям из Кремля обширная научная библиотека, бывшая при Патриаршей, дала возможность устроить при помощи книг, временно переданных для пользования библиотекой Музея, справочную при Отделе библиотеку, служащую в то же время справочной библиотекой IV Разряда; библиотека включает в себе свыше 5.000 томов книг, подобранных применительно к задачам Отдела и Разряда. Второе Отделение составилось из книг церковной печати, вышедших после 1905 года исключительно из старообрядческих и единоверческих типографий и представляющих собой так наз. «переводы» старопечатных книг—явление, стоящее в связи с историей старообрядчества и единоверия: подбор книг этого Отделения близок к исчерпывающему.

2. ОТДЕЛ АРХИВА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.

Архив бытовых материалов занят был, главным образом, разбором, учетом, регистрацией, как прежде поступивших в большом количестве материалов, так и вновь поступающих путем покупки и даров значительных собраний и отдельных документов.

В то же время архив принимал деятельное участие в обще-музейских подготовляющихся выставках, отбирая и описывая необходимые для этих выставок экспонаты, устраивая пробные их выставки в помещении Отдела: им подготовлен, отчасти совместно с Отделом рукописей и Отделом истории книги, материал для предположенной Музеем выставки автографов русских деятелей XVI—XIX вв.; отобраны и доставлены материалы для подготовляющейся Музеем выставки «XVII век», а также для имеющей открыться в 1926 г. выставки—«Вторая половина XVIII—первая четверть XIX в.», для чего им устроена пробная выставка «От Пугачева до декабристов». В части работы по разбору, учету и регистрации материалов проведено по описям до 2.500 номеров в 1923 г. и 2.521 номер в 1924 г., разобрано, и описано свыше 900 связок архива П. И. Щукина.

Помимо текущей работы по учету и регистрации материалов сотрудниками Отдела архива предпринимались поездки с целью собирания материалов или сведений о них: 1) И. М. Тарабриным—в село Богучарово (усадебна б. А. С. Хомякова), 2) А. В. Ивановым—в г. Каширу (для отбора и перевозки архива Белопесоцкого монастыря), 3) О. И. Поповой—в Ленинград для занятий

материалами по декабристам, в частности касающимся княгини М. Н. Волконской, в Пушкинском Доме Академии Наук. Сверх того, в заседаниях IV Разряда сотрудниками Отдела архива сделаны следующие научные доклады: 1) О. И. Поповой—«М. Н. Волконская и ее письма»,—обширный доклад, занявший три заседания («Письма изданы в Трудах ГИМ., вып. II»), 2) Е. Е. Якушкиным—«П. Н. Мысловский и декабристы». Занятия посторонних лиц (в общем 130 человек) сосредоточены были преимущественно на материалах историко-литературных первой половины XIX века, на истории Москвы и ее окрестностей, на масонстве; значительное число посетителей знакомилось с системами и методами хранения, регистрации и описания архивных материалов, меньшее число—материалами по истории искусства; часть же занималась разбором и приведением в порядок архивных бумаг, отчасти ими же переданных в распоряжение архива.

Наконец, Отделом архива были отобраны и переданы в Музей Революции 4.000 открытых писем и 17 связок так называемой нелегальной литературы (ноябрь 1924 г.).

3. ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И КАРТОГРАФИИ.

Отдел, прежде входивший в состав V Разряда (Библиотеки), только с 1923 года вошел в состав IV и с тех пор начал самостоятельное развитие своей программы; поэтому до настоящего времени находится в периоде накопления, развертывания и отчасти разработки собранных материалов и коллекций, получив только с 1924 г. свое помещение для хранения собранного; поэтому же значительная часть работы Отдела падала на выделение и приведение в известность картографического материала из других Отделов Музея, его регистрацию и описание, для чего составлялись вновь инструкции на основании существующей, преимущественно иноземной, научной литературы, вырабатывались под руководством Разряда формы карточек и описей для этой цели и т. д. Вместе с тем, Отдел был открыт для пользования посторонним ученым.

К концу отчетного времени Отделу удалось привести в систему, разместить и описать около 4.000 номеров карт и атласов, принять в свое заведывание около 2.700 карт и планов других Отделов Музея и иных учреждений; при этом оказалось возможным приобретение путем покупки и обмена нескольких ценных предметов; из них следует указать на два глобуса (земной и небесный) работы Вильгельма Блау, второй четверти XVII в., до сих

пор бывших почти неизвестными в России, и большое количество рукописных карт XVIII в. Отдел мог за это время принять участие своими материалами в выставке «Наука, литература и искусство XVII века», устроенной по случаю 200-летия Академии Наук в Отделе рукописей, и предоставлять свои коллекции для пользования посторонних ученых.

Для временного пользования высылались Отделом атласы в семинарий Саратовского университета.

4. ОТДЕЛ ИСТОРИИ КНИГИ В РОССИИ.

Отдел основан в 1922 году. Цель его—изучение книги как предмета быта, ее внешности и истории. Из возможных уклонов в изучении книги желательным был признан не художественный и не технический, а именно историко-бытовой.

В виду того, что книги рукописные и старопечатные со стороны их внешности давно уже служат предметом более тщательного изучения и описания, чем книги гражданской печати, а также и то, что последние более подвергаются опасности изнашивания при более частых требованиях со стороны читателей, Музеем предложено было Отделу первые годы ограничить свои задачи только книгами гражданской печати.

Крайне благоприятным условием для организации Отдела оказалось то, что материал не надо было разыскивать на стороне: он весь находился в стенах Музея: библиотека Исторического Музея по характеру своего роста и составу может дать материала для изучения книги более, чем какая-либо другая, не исключая и тех, которые гораздо богаче ее по числу томов. Большинство книг Библиотеки Исторического Музея поступило сюда из рук их прежних владельцев, опытных собирателей, любивших книгу, как таковую. Это дает книгу исключительно хорошей сохранности, а также богатство и разнообразие переплетов, книжных знаков, автографов и рукописных помет на книгах.

Первой задачей Отдела было взятие на учет и отбор материала, находящегося в Музее и представляющего интерес для Отдела.

В самом Музее осмотрены были за четыре года: библиотека Барятинского в общем, и детально: а) библиотека В. Вульфферта. б) Рогожиных—8.000 томов. Библиотека замечательна пометками на полях, принадлежавшими владельцам и дающими богатый материал для истории русского книгособирательства и книжной торговли; в эту же библиотеку вошло небольшое, но очень ценное по составу собрание книг известного библиофила Остроглазова с его обширными пометками, касающимися истории того или

иного экземпляра. в) Библиотека Забелиных (кроме книг новейших, после 60-х годов). г) Библиотека П. В. Шапова—40.000 томов. Эта обширная и очень интересная для Отдела библиотека осмотрена более чем на половину.

Признаки книги, интересующие Отдел, сведены были к шести рубрикам: 1. Переплеты. 2. Обложки. 3. Типографские особенности. 4. Редкость и ценность экземпляра. 5. Автографы и бытовые надписи. 6. Наклейки, *ex libris*'ы, *super ex libris*'ы, штемпеля.

Из коллекций, собранных Отделом, обращают на себя в настоящее время внимание три: 1. Единственное по числу томов собрание русских датированных переплетов. 2. Собрание книжных печатных обложек XVIII и первой половины XIX веков. Все обложки XVIII века представляют исключительную редкость. 3. Собрание образцов шрифтов. Среди них есть редчайшие, напр., типографии Ридигера и Клаудия 1797 года.

Результатом работ Отдела были доклады на заседаниях Отдела: М. В. Бабенчикова: «О русских переплетах»; другая работа его же «Книжные печатные обложки XVIII в. и первой половины XIX в.» намечена к изданию Исторического Музея.

Художника М. А. Доброва «Об Уложении Царя Алексея Михайловича 1737 г.».

Н. В. Гиляровской—два доклада о масонских книгах и о книге Рекке, имеющей интерес и с точки зрения истории русской книги.

И. Н. Розанова: а) «О систематическом описании отдельных библиотек, входящих в состав Библиотеки Исторического Музея»; б) «О библиотеке В. К. Вульфферта»; в) «О замечательных книгах Исторического Музея» (в сокращенном виде напечатан в журнале «Прожектор», № 19, 1925 г.); г) «Об изучении истории книги» (печатается во 2 номере «Библиографического обозрения»).

Обширная и многолетняя работа по изучению русских типографий ведется сотрудницей Отдела Е. В. Благовещенской. Ею пересмотрен ряд каталогов, составлен карточный указатель русских типографий до конца 40-х годов XIX века с обозначением книжной продукции каждой типографии. Кроме того начерчен ряд диаграмм по истории типографий.

Изучение книжного собирательства и бытовых надписей ограничилось составлением ряда алфавитных карточных каталогов: автографов, владельцев книг, бытовых надписей и цензурных разрешений.

В связи с книжными экспозициями сделан был И. Н. Розановым ряд докладов: а) План книжного оборудования Музея 40-х годов,

б) Работа Отдела для предполагаемой выставки автографов в ГИМ, в) Принципы книжной экспозиции на выставке XVIII и начала XIX веков, г) Дворянская литература (книги высших сословий) в XVIII и первой четверти XIX вв., д) Книги простонародия за тот же период. Им же устроен ряд небольших временных выставок по книгам от 1726—1763 г., по датированным переплетам, книжным обложкам, по редким книгам, по книгам с 1763 по 1826 год.

5. ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.

Образованная в начале 1924 г. эпиграфическая комиссия посвящала свои занятия, главным образом, следующим задачам, связанным с целями образования самой комиссии: 1) изучению эпиграфического материала в Государственном Историческом Музее, Оружейной Палате, Русском Музее и Эрмитаже в Ленинграде, в Тверском Историческом Музее, при чем одновременно делались фотографические снимки, гипсовые и бумажные слепки с наиболее важных и нужных для подготовляемой комиссией выставки памятников; 2) чтением надписей, определением их времени, подлинности на предметах других Отделов Музея; число таких консультаций за отчетное время превысило сотню; 3) подготовкой специалистов по эпиграфике из числа практикантов комиссии; работу по подготовке вел заведующий комиссией; 4) подготовкой специально эпиграфической выставки «Русское письмо XI—XIV вв.», для чего выработан план выставки, рассмотренный и одобренный IV Разрядом, делались фотографии и слепки с памятников Музея и посторонних собраний и отдельных вещей на местах, поскольку позволяли средства, отпускаемые комиссией правлением Музея и Главнаукой; 5) оборудованием при комиссии специальной мастерской для изготовления снимков с необходимых для работ ее предметов; 6) составлением научной библиографии по эпиграфике на основании печатного материала.

Сверх того, сотрудники комиссии приняли участие в трудах IV Разряда путем чтения научных докладов в заседаниях Разряда: 1) А. С. Орлов—«Змеевики Государственного Исторического Музея»; 2) Н. М. Каринский—«Русская книга XI века»; 3) П. Г. Преображенский—«Московская греческая рукопись Георгия Амартола».

Кроме текущей научной работы над материалом, Отделы Музея обслуживали сторонних научных работников, изучавших определенные коллекции и старинные предметы.

Ближайшим образом, эта работа Отделов состояла в ознакомлении, большей частью, с неэкспонированными памятниками, находящимися в запасных помещениях, или в Отделах, недоступных публике, сообщении дополнительных сведений по их формальной и иконографической оценке и т. д.

Общее количество сторонних научных работников по Отделам слагается из следующих цифр за отчетный период:

1. Разряд археологический—70;
2. Разряд исторический юбщий: а) Отдел византийских памятников—15; б) Отдел крестьянского быта—20; в) Отдел «старой Москвы»—20; г) Музей «военно-исторический»—10;
3. Разряд исторический специальный: а) Отдел иконографии—78; б) Отдел архитектуры—79; в) Отдел тканей—2; г) Отдел государственного быта—20; д) Отдел домашнего быта—21; е) Отдел религиозного быта—6;
4. Разряд исторических источников: а) Отдел рукописей—20; б) Отдел архива—10; в) Отдел исторической картографии—5.

V. Разряд функциональный.

1. ОТДЕЛ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ.

Отдел теоретического музееведения (первоначально в виде Отделения музееведения и регистрации исторических памятников) организован был в Государственном Историческом Музее 1 сентября 1918 года.

Потребность в особом научно-справочном кабинете или бюро по музееведению создавалась в широкой среде работников музейного дела еще до революции. Так, например, на предварительном съезде музейных деятелей в Москве, в конце 1912 г., были высказаны определенные пожелания об организации в центре— в интересах приезжающих из провинции ученых исследователей памятников материальной культуры—специальных работ по собиранию сведений о всех заслуживающих внимания собраниях и памятниках, распыленных по разного рода хранилищам на территории государства, о состоянии различных музеев с характеристикой их коллекций и т. п.; при выполняющем эти задачи учреждении признавалось желательным издание периодического органа, посвященного музейной жизни, и обеспечение возможности для музейных работников с мест получать инструктивные указания по разнообразным отраслям музейного дела, наводить

справки о литературе по вопросам музееведения и пр. (См. издание «Предварительный съезд деятелей музеев», М., 1913, стр. 3—4, 17—18 и др.).

В годы революции, в связи с общим развитием и плановым объединением музейного дела в республике, потребность в научно-справочном аппарате по музееведению стала еще значительнее, несмотря на то, что выполнение части указанных выше заданий реализовалось в виде соответствующих направлений деятельности руководящего органа по делам музеев в составе Наркомпроса. Оставались, во всяком случае, еще весьма важные и вполне жизненные запросы того же порядка, удовлетворение которых, по существу дела, выходило за пределы работ научно-административного органа, являясь вместе с тем, насущно-необходимыми как для него самого, так и для самих музеев. Такое значение имел целый ряд вопросов, в том числе следующие: о собирании музееведческой литературы теоретического и описательного порядка, русской и иностранной, с возможно более полным и своевременным учетом соответствующей библиографии; о накоплении в более широких рамках, чем это отвечало прямым задачам административно-руководящего органа, материалов и сведений о самих музеях у нас и за границей, в их прошлом и настоящем—с учетом их разнообразных начинаний и опытов в различных областях методики и техники музейного дела; о систематическом подборе всякого рода материалов (не только печатных, но и рукописных, графических и т. п.), фиксирующих эти опыты (таковы, например, программы собирательской деятельности музеев, образцы инвентаризационных и каталогизационных форм, воспроизведения типов музейной мебели, экспозиционных группировок, устройства запасных хранилищ, лабораторий, мастерских и проч., инструкции по охране коллекций и уходу за ними, схемы музейно-экскурсионной работы и т. д.); кроме того, все указанные выше материалы и сведения требовали систематизации и разработки в целях практического их использования для потребностей дальнейшего развития музейного дела.

Инициативу, проявленную в данном направлении именно Государственным Историческим Музеем, обусловил целый ряд причин, в частности следующие: 1) особая сложность материального состава этого музея, заключающего в себе коллекции по археологии, вещественные памятники бытовой истории (в том числе входившие в быт произведения прикладного искусства и предметы этнографического порядка по старинному крестьянскому обиходу), а также ценные в историко-бытовом отношении кар-

тины, портреты, гравюры, литографии, лубки, рукописные и архивные документы и многие др. коллекции, с их своеобразными различиями по методам собирания, по способам хранения и учета, по техническим приемам экспозиции и т. п.; 2) потребность, вытекавшая из указанного разнообразия состава и связанного с этим тесного соприкосновения с музеями иных типов (художественными, этнографическими, производственными и пр.), с одной стороны, в особенно точном отграничении от этих музеев в отношении задач и методов работы, а с другой—в отчетливой осведомленности о близких к коллекциям Исторического Музея собраниях других музеев; 3) стоящая в настоящее время перед историко-бытовыми музеями вообще необходимость установления новых научных оснований своей организации и методов работы; 4) давно уже налаженная и интенсивно поддерживаемая научная связь Исторического Музея с музеями провинциальными; 5) наконец, наличие в этом музее обширной библиотеки по гуманитарным дисциплинам с весьма значительным подбором, в ее составе, печатных материалов по музееведению за прежнее время (в собраниях П. И. Щукина, А. П. Бахрушина, И. Е. Забелина и других).

При самом возникновении Отделения музееведения и регистрации исторических памятников на него были возложены Ученым Советом Исторического Музея собирание и систематизация сведений о существующих в России музеях и др. хранилищах, обладающих коллекциями того же порядка, что и собрания Исторического Музея, с особым учетом датированных памятников русского быта (до XVIII в.), хранящихся в этих музеях. Это задание непосредственно вытекало из основных потребностей Государственного Исторического Музея, как центрального музея по истории быта, при систематическом изучении и экспозиционном развешивании своих коллекций.

Приступив к выполнению указанного задания, Отделение вскоре же, в связи отчасти с данной работой, а главным образом с новыми потребностями и запросами Исторического Музея в целом (в том числе с начавшейся в 1920 г. выработкой научного плана его реорганизации), значительно расширило первоначальные рамки своей деятельности, включив в нее систематический библиографический учет музееведческой литературы, организацию и пополнение справочной библиотеки и архива по музееведению, разработку отдельных вопросов теории и практики музейного дела и др.

При общей реорганизации Государственного Исторического

Музея в 1921 году и с переименованием Отделения в Отдел теоретического музееведения, задачи и функции этого Отдела были определены, как обслуживание, в пределах своей специальности и на основе собираемых и систематизируемых в нем материалов по музееведению,—справками, указаниями, заключениями, предварительной разработкой вопросов музейно-методического и технического порядка и пр.—других Отделов и Ученого Совета Музея, а также образуемых им временных комиссий; вместе с тем, Отделу вменено в обязанность, в границах представляющейся возможности, удовлетворять соответствующими справками и материалами запросы того же порядка, обращаемые к Историческому Музею со стороны других учреждений и лиц.

Работа Отдела за истекшие семь лет его существования протекала по следующим основным разрезам:

1. В направлении собирания нужных Отделу материалов имели место:

1) Регистрация литературы по музееведению—книг, журналов, брошюр, листовок и т. п., русских и иностранных; данная работа начата в 1919 году и производилась как *de visu* (в отношении изданий, поступавших в Отдел или допускаявших непосредственное обозрение их сотрудниками Отдела), так и на основе изданных уже указателей, справочников, обзоров и т. п.¹

2) Регистрация статей и заметок по музейному делу в периодических изданиях и неперидических сборниках трудов ученых

---

¹ Материалами и источниками для регистрации—помимо книжных поступлений в Отдел—служили: а) карточные каталоги Библиотеки Государственного Исторического Музея, и отчасти других московских библиотек—Государственной Ленинской Библиотеки, Библиотеки Государственного Музея Изыщных Искусств и Библиотеки Государственного Политехнического Музея и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и др.; б) печатные материалы, экспонированные на ряде книжных выставок в Москве („Немецкой Книги“—в 1923 г., „Литературы по Краеведению“, организ. Центральным Бюро Краеведения и Библиотекой Государственного Политехнического Музея и ОЛЕА и Э.—в 1923 и 1924—25 гг., „Госиздата за 5 лет“ и др.); в) печатные библиографические указатели периодического характера: „Книжная Летопись“ (пока лишь за 1907 и 1919—1924 гг.), „Wöchentliches Verzeichniss“ (за 1924—1925 гг.) и некоторые другие; отдельные печатные указатели и справочники, общего порядка и специальные—по музейному делу и соприкасающимся с ним отраслям (в том числе—*Sistematische Bibliographie*, Berlin, 1922; D. Murray—*Museums, their history and their use*, Glasgow, 1904, II—III, указатели М. И. Назарова, И. С. Ежова, В. А. Невского, Н. Лаврского, Сов. Всерос. Кооперат. Съездов, Внешкольного отдела Наркомпроса и др.); проспекты и каталоги книгоиздательств; списки музееведческой литературы в работах по отдельным вопросам музейного дела (L. Pallat—*Kunst-und Kunstgewerbe—Museen*, in „Die Kultur der gegenwart“, I, Abt. I., Berlin, 1906; L. Kraepelin—

учреждений, обществ, съездов и т. п.; в указанных целях была предпринята (нач. с 1919 г., а главным образом с 1921 г.) специальная систематическая проработка важнейших изданий этого рода, заключающих данную литературу. С одной стороны, производился очередной просмотр вновь выходящих журналов и сборников по музееведению, археологии, искусству и т. п. из числа получаемых в Библиотеке Исторического Музея и отчасти в других библиотеках¹. С другой стороны, Отделом проработан был ряд периодических изданий за время предшествовавшее возникновению Отдела (в большинстве уже прекратившихся к 1918 году)².

3) Составление специальной библиотеки по музееведению (нач. в 1920 г.); на 1 октября 1925 г. общее количество названий 1514,

---

Naturwissenschaftlich—technische Museen, *ibid.*; Н. М. Могилянский—Областной или местный Музей, как тип культурного учреждения, в журнале „Живая старина“ за 1916 г.; „Сборник экскурсий и программ для участников экскурсий в Сибирь“, СПб. 1914 г.; В. Н. Харузина—отчет о летней командировке в Германию, М. 1912 г. и др.); библиографические отделы общих и специальных журналов и т. д.

¹ В частности из русских изданий прорабатывались: „Художественная Жизнь“, „Казанский Музейный Вестник“, „Среди Коллекционеров“, „Музей“ (Лнгр.), „Печать и Революция“, „Современный Запад“, „Русское Искусство“, „Запад“, „Бюллетени Главнауки“, сборники центральных и провинциальных музеев, труды Академий и Институтов по гуманитарным дисциплинам, краеведческих организаций и обществ, экскурсионно-педагогические журналы („Педагогическая Мысль“, „Экскурсионное дело“, „На путях к новой школе“, „Путь Просвещения“ и пр.), иллюстрированные журналы-хроники и ряд других изданий; из иностранных — „Museumskunde“, „The Museums Journal“, „Gazette de Beaux Arts“, „Zeitschrift für Bildende Kunst“, „Art et Decoration“, „Connaissance“, „Antiquitäten-Zeitung“, „Revue de l'Art“, „Studio“, „Burlington Magazine“, „Beaux Arts“, „Anthropologie“, „Revue Archéologique“ и ряд других (в виду того, что выписка иностранной периодики широко налажена была лишь в последние годы, просмотр этого рода изданий систематически был организован нач. с 1923 г., до этого же времени производился или в отношении некоторых из числа указанных изданий (напр., „Museumskunde“), или их единичных номеров).

² Из них важнейшие: „Старые годы“ (1907—1916 гг.) „Археологические Известия и Заметки“ (1893—1898 гг.), „Исторический Вестник“ (1887—1916 гг.), „Этнографическое Обозрение“ (1889—1915 гг.), „Русская Старина“ (1870—1916 гг.), „Искусство и Художественная Промышленность“ (1898—1901 гг.), „Художественные Сокровища России“ (1901—1904 гг.), „Золотое Руно“ (1905—1909 гг.), „Мир Искусства“ (отдельные выпуски), „Аполлон“ (то же), „Экскурсионный Вестник“ и его продолжение „Хождение по Руси и за рубеж“ (1914—1916 гг.), „Школьные Экскурсии и Школьный Музей“ (1913—1915 гг.), „Русский экскурсант“ (1915—1917 гг.), „Известия Археологической Комиссии“ (пока за 1901—1903 гг.) и ряд других.

Общее количество написанных карточек (с повторными, ссылочными и пр.) по пп. 1 и 2 около 14 тысяч (о систематизации их см. далее—рубр. II, п. 1).

из них русских—963 и иностранных—551; библиотека составлялась частью путем перевода в Отдел соответствующих изданий из основной Библиотеки Исторического Музея (до настоящего времени переведено 987), частью—путем поступлений со стороны, почти исключительно безвозмездных, от различных лиц и учреждений, главным образом музейных (в значительной мере при содействии Отдела по делам Музеев); общее количество таких поступлений—527 названий.

4) Извлечение материалов по музейному делу и соприкасающимся вопросам из газет в виде вырезок или составления регистрационных карточек; данная работа систематически налажена в конце 1921 года и до настоящего времени производилась почти исключительно по московским газетам. Общее количество вырезок на 1 октября 1925 г. около двух тысяч.

5) Особая регистрация тех иллюстративных материалов, встречающихся в музееведческой литературе, которые воспроизводят те или другие стороны музейного оборудования и работы; данная регистрация была предпринята Отделом (нач. с 1921 г.) наряду с регистрацией самой музееведческой литературы, в силу того, что подобный иллюстративный материал, особенно при его систематическом подборе, дает весьма часто более близкое, точное и наглядное представление о той или другой стороне музейного дела в ее основных разновидностях, чем соответствующий печатный текст (архитектура музейного здания, типы витрин, применение определенных принципов экспозиции и т. п.); регистрация подобного материала производилась, главным образом, по иностранным источникам: по журналам и специальным монографиям, по путеводителям и отчетам музеев, по проспектам и прейскурантам фирм, изготовляющих предметы музейного оборудования, по печатным альбомам, издаваемым музеями и т. п. (Общее количество карточек около четырех тысяч).

6) Накопление (нач. в 1920 г.) печатных листовок, объявлений и т. д., касающихся отдельных музеев, выставок, съездов (музейных, краеведческих, экскурсионных и т. п.); печатных или рукописных инструкций по охране и учету памятников; образцов инвентарных и каталогизационных форм; программ музееведческих курсов; материалов отчетно-протокольного характера о съездах, имевших отношение к музейному делу и т. п. (Общее количество поступлений свыше 300 номеров.)

7) Накопление (нач. в 1922 г.) не изданных еще иллюстративных материалов того же характера, что и в п. 5—в виде отдельных фотографий, фотографических альбомов, черте-

жей, зарисовок и пр.; общее количество поступлений около 200 номеров.

II. В направлении систематизации и учета собираемых материалов в Отделе производились следующие работы:

1) Составление из регистрационно-библиографических карточек (см. рубр. I, п.п. 1 и 2) систематических библиографических указателей русской и иностранной литературы по музееведению. Схема распределения карточек в настоящее время имеет следующий вид:

Часть общая.

- 1) Указатели-справочники, периодика и съезды:
  - А. Библиографические указатели.
  - Б. Периодические издания.
  - В. Труды и отчеты съездов, конференций и пр.
- 2) История музейного дела и общие обзоры по музееведению:
  - А. История музейного дела.
  - Б. История частного коллекционирования.
  - В. Биографии отдельных музейных деятелей и коллекционеров.
  - Г. Общие обзоры и руководства по музейному делу.
- 3) Музейная политика и охрана памятников:
  - А. В Западной Европе и Америке.
  - Б. В СССР:
    - а) до революции 1917 г.;
    - б) после революции:
      - аа) общие принципы и мероприятия в области музейной политики;
      - бб) деятельность центральных и местных органов управления музейным делом;
      - вв) музейная политика СССР в международных отношениях.

Музеография.

Отчеты, путеводители, каталоги и пр. издания музеев—в порядке стран, городов и наименований учреждений.

Музеология.

- 1) Теория музейного дела:
  - А. Общее понятие о „музее“; основные задачи, функции и значение музеев.
  - Б. Принципы классификации музеев и музейная сеть.
  - В. Теория отдельных типов музеев, определяемых:
    - а) по признаку местонахождения и территориального охвата с подразделением на музеи центральные и музеи местные различных степеней;
    - б) по признаку состава коллекций и характеру основных задач:
      - аа) музеи гуманитарные (с соответствующими подразделениями),
      - бб) музеи естественно-исторические и физико-математические,

- вв) музеи прикладных знаний,
- гг) музеи сложного состава (с соответствующими подразделениями, в том числе музеи местного края),
- в) по признаку своеобразных особенностей в общей организации музея и его назначения (в том числе музеи на открытом воздухе, музеи передвижные, музеи детские и пр.).

2) Методика и техника музейного дела:

А. Общая организация музея.

Б. Архитектура и оборудование здания:

- а) постройка музейного здания,
- б) переустройство для музея зданий иного назначения,
- в) внешняя и внутренняя отделка здания музея.
- г) освещение, отопление, вентиляция и пр. в музее.

В. Музейная мебель и другие предметы оборудования музейных помещений:

- а) шкафы, витрины и т. п.
- б) пылесосы, огнетушители и пр.

Г. Организация вспомогательных частей музея:

- а) научного архива,
- б) фотографического архива,
- г) библиотеки,
- д) аудитории,
- е) фотографического ателье,
- ж) дезинфекционной камеры,
- з) распаковочных помещений,
- и) реставрационных и др. мастерских,
- к) кабинетов для научных занятий и пр.

Д. Работа в области коллекций и издательство музея:

- а) собирание,
- б) хранение,
- в) учет, описание и изучение,
- г) экспозиция,
- д) популяризация,
- е) издательство.

Е. Служебный персонал музея:

- а) штаты музея,
- б) подготовка музейных работников,
- в) служебные обязанности отдельных категорий музейных работников.

Ж. Общее управление музеем.

З. Организация научных Обществ и обществ содействия при музеях.

И. Научная связь между музеями и различные формы ее (с соответствующими подразделениями).

К. Участие музеев в общественной жизни.

Часть дополнительная.

1) Экскурсионное дело:

- А. Библиографические указатели по экскурсионному делу.
- Б. Съезды, конференции и пр. по экскурсионному делу.
- В. Журналы по экскурсионному делу.

- Г. Деятельность отдельных учреждений в области экскурсионного дела
- Д. Статистика экскурсий, маршруты и пр..
- Е. Методика экскурсионной работы (с соответствующими подразделениями).
- Ж. Организационно-технические вопросы экскурсионного дела.
- З. Подготовка экскурсионных руководителей.

2) Выставочное дело:

- А. Общие и специальные вопросы музейно-выставочного дела.
- Б. Литература об отдельных выставках, с подразделением таковых по заданиям и составу.

К данному указателю (в его III и частью, I Отделах) составлен алфавитный ключ в двух частях—по русской и по иностранной литературе—в порядке наименований авторов или названий журналов, сборников и т. п. и с обозначением на каждой отдельной карточке соответствующих рубрик систематического указателя (алфавитный ключ содержит всего две тысячи карточек).

2) Составление особого систематического указателя иллюстративных материалов по музейному делу—в виде распределения карточек, регистрирующих этого рода материалы (см. выше рубр. I, п. 5), по разделам специально разработанной схемы; эта последняя, по принципам своего построения аналогичная схеме систематического библиографического указателя, в настоящее время состоит из следующих основных разделов:

- I. Ситуационные планы музеев.
- II. Общие виды музеев на фоне окружающей местности.
- III. Наружные виды музейных зданий в целом и в отдельных частях.
- IV. Планы музейных зданий в целом и в частях.
- V. Вертикальные разрезы музейных зданий.
- VI. Общее оборудование музейных зданий (с подразделениями): а) устройство освещения, б) устройство отопления, в) архитектурная обработка помещений, г) устройство выходов наружных и внутренних и пр.
- VII. Внутренние помещения музеев, с подразделениями сообразно назначению помещений: а) вестибюли, лестницы, коридоры, дворики и пр., б) экспозиционные залы, в) залы магазинного хранения, г) кабинеты для специальных видов коллекций (нумизматические, гравюр и т. п.), д) помещения для архива в музеях, е) помещения библиотеки и читальные залы в музеях, ж) аудитории в музеях, з) залы заседаний, и) кабинеты для научных занятий, к) служебно-технические помещения (фотографические ателье, дезинфекционные камеры, реставрационные мастерские, муляжные мастерские и др.) и т. п.
- VIII. Внутреннее оборудование музейных помещений и музейная мебель (с подразделениями по основному назначению помещений, предметов оборудования и мебели, их основным типам, специальным целям и т. п.).
- IX. Экспозиционные группировки (с подразделениями по категориям коллекций принципам, способам и приемам экспозиции и пр.).

3) Составление охранных карточных каталогов по библиотеке Отдела, его архиву, собранию газетных вырезок и коллекции иллюстративных материалов (см. выше рубр. I, п.п. 3, 4, 6 и 7).

4) Составление карточного указателя музеев на территории республики, возникших как за годы революции, так и ранее, — с характеристикой их состава, обозначением важнейших дат в жизни учреждения, разделения на Отделы и пр.; данный указатель (нач. в 1918 г.), учитывает также и те музейные учреждения, которые перестали существовать как самостоятельные музеи с указанием их дальнейшей судьбы. В основу данного указателя положены были печатные материалы: на первое время те, которые содержали общие обзоры и перечневые списки музеев различных категорий (В. С. Иконников—Опыт русской историографии, Киев, 1892, т. I, ч. I и II; К. Я. Здравомыслов—Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах, Петроград, 1917, и др.); в последующем сведения указателя дополнялись и исправлялись по официальным изданиям самих музеев, а также путем устного и письменного опроса представителей того или другого музея; не ограничиваясь ответами на единичные запросы, Отдел музееведения в тех же целях сделал извлечения в Отделе по делам музеев из анкет провинциальных музеев (1919 г.), а также из отчетных материалов, полученных с мест Отделом по делам музеев в 1923 г., из сведений от того же года в Центр. Бюро Краеведения и ряда других источников официального порядка, а кроме того, обратился (в 1924 г.) к Губмузеям со специальной анкетой о музеях, находящихся в соответствующих губерниях; сведения, интересующие Отдел музееведения, получены от 12 Губмузеев. Указатель подлежит дальнейшей обработке на основе новых материалов и неиспользованной печатной литературы, составляя в настоящее время особое дополнение к архиву по музееведению в его исторической части. Одновременно с началом работы по составлению указателя музеев (1918 г.) было принято составление на основании печатных источников указателя датированных вещественных памятников историко-бытового порядка в музеях и др. хранилищах; однако, в интересах выполнения других заданий, представлявшихся более срочными, эта работа вскоре была приостановлена, по использованию печатных источников о памятниках Углича, Костромы, Романово-Борисоглебска, Ярославля и Ростова Великого.

5) Составление конспектов и эксцерптов из литературы по музейному делу; к конспектированию печатных работ в целом

Отдел прибегал лишь в первое время—в отношении, главным образом, тех из них, которые были получаемы Отделом во временное пользование (из других Госуд. библиотек или из библиотек частных лиц) или оказывались необходимыми для других его работ; таким образом было проконспектировано (в течение 1919—1923 гг.) около 100 монографий. Что касается эксерптов, эти последние составлялись (начиная, главным образом с 1923 г.) применительно к отдельным частным вопросам методики и техники музейного дела, с дальнейшей систематизацией этих эксерптов по характеру вопросов (экспозиция, инвентаризация, оборудование помещений и т. п.) в целях практического облегчения наведения справок по соответствующим разделам методики и техники музейного дела.

III. В направлении использования материалов Отдела в научно-исследовательских и популяризационных целях имели место:

1) Обслуживание Ученого Совета и различных временных комиссий Государственного Исторического Музея теми или другими справками в порядке текущей работы Отдела и специальной разработкой отдельных вопросов теории и практики музейного дела; данная разработка производилась обычно в виде подбора и изучения имеющихся по данному вопросу материалов и закреплялась в виде особых докладов. Таким образом, в числе других вопросов, проработаны были следующие:

а) значение графических, рукописно-архивных и книжных собраний для историко-культурных музеев и способы использования этих собраний применительно к общей задаче этого рода музеев (для комиссии по реорганизации Исторического Музея—в 1921 г.);

б) основные принципы экспозиции и организационной структуры историко-культурных музеев (тоже);

в) основные варианты музеев по истории города (для комиссии по выработке научной программы Музея старой Москвы в связи с присоединением этого последнего к Историческому Музею в качестве филиала—в 1922 г.);

г) основные принципы инвентаризации историко-культурных коллекций (для комиссии по пересмотру форм инвентаризации в Историческом Музее в связи с его реорганизацией и затем для Ученого Совета—в 1923 г.);

д) технические приемы экспозиции графических материалов по данным музееведческой литературы и практики московских и ленинградских музеев (в 1925 г.) и др.

2) Обслуживание отдельных сотрудников Государственного Исторического Музея подбором материалов и наведением справок по специальности Отдела, в порядке текущей работы.

3) Обслуживание в тех же отношениях других научно-административных, научных и просветительных учреждений (главным образом музейных), а также отдельных научных работников и учащихся вузов—путем общего ознакомления с работами Отдела, предоставления соответствующих материалов для занятий, а также путем удовлетворения письменных запросов. В числе обратившихся в Отдел зарегистрированы представители и сотрудники нижеследующих учреждений: Отдела по делам Музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР (1918—1925 гг.), Ленинградского Управления Научными Учреждениями (1920 г.), Музейного Отдела в Харькове (1923 г.), 5 губернских и уездных организаций по музейному делу—в Ярославле (1920 г.), Ростове Ярославском (1924 г.), Новом Осколе (1920 г.), Свердловске (1920 г.) и Чите (1923 г.), 65 музеев (из них 18 московских, 3 ленинградских и 44 провинциальных—в течение 1918—1925 гг.), Центрального Бюро Краеведения (1924 г.), МИХИМ (1920 г.), МОНО (1919 г.), Моск. Кредитного Союза Кооперативов (1919 и 1920 гг.), клубных учреждений при ВЦИК (1925 г.), Издательского Отдела Центрархива (1925 г.), Выставки Ц. К. Помгола (1922 г.), Кабинета Библиотековедения при Ленинской Библиотеке (1924 г.), Редакции журнала «Казанский Музейный Вестник» (1921 г.), Института Гражданских Инженеров (в 1923 г.), Университетов: Московского (1920, 1923, 1924 и 1925 гг.), Воронежского (1924 г.), Саратовского (1921 г.), Смоленского (1921 г.), и др. (всего около 100 учреждений). По отношению к Отделу по делам Музеев Главнауки имели место, помимо предоставления материалов и наведения справок по запросам работников самого Отдела, составление отдельных заключений по вопросам методического порядка, сообщение библиографических и иных справочных сведений по запросам с мест, обслуживание работавшей при Музейном Отделе в 1923—24 г. особой комиссии по установлению инвентаризационных форм для московских, так называемых, «малых» музеев (в 1923—1924 гг.) и др.

4) Устройство выставок по специальности Отдела; в октябре—ноябре 1919 года была организована Отделом особая выставка литературы по музееведению в помещении Библиотеки Исторического Музея (состав выставки: около 800 номеров литературы и 1000 библиографических карточек на отсутствующие в Библиотеке издания этого рода); кроме того, Отдел участвовал печатными материалами своей библиотеки в выставках литературы по крае-

ведению, организованных ЦБК и Библиотекой Государственного Политехнического Музея и ОЛЕА и Э. в помещении этой Библиотеки в 1923 и в 1924 годах, а также выполнил для первой Отчетной Выставки Главнауки (откр. 29 ноября 1925 г.), подбор отзывов иностранной печати о музейном деле в РСФСР и составил показательный карточный каталог русской литературы по методике и технике гуманитарных музеев.

5) Лекционно-семинарская работа: заведующим Отделом были прочитаны: а) обзор «Библиографии по музееведению» — с практическими занятиями по материалам выставки, упомянутой в п. 4, — на краткосрочных курсах для музейных работников — московских и иногородних — при Отделе по делам Музеев осенью 1919 г., б) курс по истории и теории музейного дела — для студентов ФОН I МГУ и желающих из числа сотрудников Исторического Музея в 1922/23 году, в) курс по истории музейного дела в Западной Европе — специально для сотрудников Музея в 1923—1924 году.

6) Чтение докладов по специальности Отдела, главным образом в заседаниях Совета VI Разряда, комиссий и Ученого Совета Музея; на проработке материалов Отдела был основан и ряд докладов заведующего Отделом вне Музея, в том числе: «Методы научно-охранного учета музейных коллекций» на Конференции Музейных Работников ЦПО в Рязани в 1924 г. и на Краеведческом Съезде в Москве в том же году и др.

7) Издание работ и материалов Отдела: закончена подготовка к изданию составленного в Отделе «Краткого указателя литературы по методике и технике гуманитарных музеев» (предназначен к напечатанию в Трудах Исторического Музея в 1926 г.), напечатана намеченная в Отделе предварительная схема классификации музеев (в статье «Главмузей», в «Казанском Музейном Вестнике» за 1921 г.); напечатаны по материалам, собранным и проработанным в Отделе, статьи заведующего Отделом: «Библиографические справочники по музейному делу», — в «Казанском Музейном Вестнике» 1922 г. № 1, «Литература по теории историко-археологических музеев» — там же и за тот же год, № 2, и «Методы научно-охранного учета музейных коллекций» — в сборнике «Вопросы областного музейного дела», Рязань, 1925 г.; передана для напечатания статья «Музейное строительство в России к моменту Октябрьской революции» в редакцию журн. «Научный Работник».

VI. Библиотека Государственного Исторического Музея.

Библиотека Государственного Исторического Музея, возникшая вместе с самим Музеем, ставит своей задачей обслуживание, как отделов Музея, так и научных работников в области дисциплин, связанных с деятельностью Музея. Но в то же время, рассматривая книгу, как предмет музейного изучения, Библиотека стремится к собиранию книги, как памятника русского быта и, соответственно с этой задачей, коллекция русских книг до 1870 года представлена в Библиотеке с исключительной полнотой.

По мере того, как росла Библиотека, расширялась ее деятельность—назрела насущная потребность реформы.

В 1916 году библиотекарем М. А. Петровским и Ю. М. Соколовым была подана в Ученый Совет Музея докладная записка «О состоянии и нуждах Библиотеки Музея», в которой намечался план работы Библиотеки, легший в основу последующих реформ вплоть до настоящего времени. Основные положения доклада были следующие: Библиотека РИМ не только является вспомогательным учреждением для всех остальных отделов Музея, но представляет собой и самодовлеющий Отдел. Как учреждение вспомогательное, Библиотека пополняется книгами по истории России в самом широком смысле, при чем преимущественное внимание отводится приобретению книг сообразно с заданиями Отделов Музея. Как Отдел самодовлеющий, Библиотека имеет задание представить историю книги на Руси (при чем Библиотека ограничивала себя 1870 годом в виду того, что московская Публичная Румянцевская Библиотека с этого года начала получать все книги, издаваемые в России). В докладной записке указывалось на начинавшийся еще тогда чувствоваться недостаток в помещении и необходимость выделять дублиеты, освобождаясь таким образом от лишнего балласта путем обмена с другими учреждениями. Планомерное развитие Библиотеки признавалось возможным лишь при следующих двух условиях: 1. Право получения обязательного экземпляра по соответствующим областям знания. 2. Увеличение специальных средств Музея на приобретение книг, особенно книжных редкостей.

Что же касается внутренней работы Библиотеки, то в записке указывалось на необходимость окончания сводного алфавитного каталога ранее описанных коллекций и составление предметных указателей, как карточных, так и печатных. Кроме того, предполагалось устраивать книжные выставки, как постоянные, так и

периодические по разным областям книговедения, с печатными описаниями их, а также издание путеводителя по Библиотеке. Возможность вести планомерную работу, указанную в записке, обуславливалась соответственным расширением штатов.

1. ШТАТЪ БИБЛИОТЕКИ.

В 1915 году штаты Библиотеки состояли из пяти штатных (Главный библиотекарь и четыре помощника) и семи, так называемых, «вольнотруidящихся», получавших скромное вознаграждение из специальных средств Музея; но и эти штаты были только номинальными, так как трое из штатных сотрудников находились на военной службе.

С Октябрьской революцией началось увеличение штатов, вызванное громадным наплывом книжных поступлений, в виду передачи в государственные книгохранилища частных коллекций.

В 1918 году было уже 18 штатных сотрудников (из них пять ответственных).

В 1919 году—24 сотрудника.

В 1921 году—44 сотрудника.

В 1922 году—59 сотрудников.

В 1923 году, в виду общего сокращения штатов, происходит сокращение и в Библиотеке остается лишь 28 сотрудников на окладе, но 9 человек из сокращенных пожелали работать в Библиотеке бесплатно.

В первой половине 1924 года число сверхштатных бесплатных сотрудников возрастает до 13, а к концу этого года удается увеличить штат до 36. Число же бесплатных сокращается до 4.

В 1925 году число сверхштатных возрастает до 14, и начинают работать практиканты в количестве 5 человек.

Технический персонал:

В 1916 году—6 человек.

В 1919—1923 годах—9 человек.

В 1924 году—12 человек.

В 1925 году—14 человек. Последнее увеличение штата было связано с открытием читального зала в две смены.

2. СТРУКТУРА БИБЛИОТЕКИ.

До Октябрьской революции Библиотека Исторического Музея не делилась на Отделы и работа не была строго дифференцирована.

С 1918 года увеличение штатов позволило произвести следую-

щую реформу. Библиотека разделилась на семь Отделов: истории, литературы, археологии и искусства, читального зала, кабинетов для научных занятий, повременной печати и справочно-библиографический, включивши в себя работу по изучению истории русской книги. Во главе Библиотеки стоял старший библиотекарь. Он и заведующие Отделами входили в Ученый Совет РИМ.

В 1921 году в связи с работами, «Комиссии по пересмотру устава РИМ» была выработана новая структура, вошедшая в жизнь с 1 января 1922 года. Количество отделов было сокращено до трех.

I. Отдел общего функционирования. II. Отдел научной библиографии. III. Отдел читального зала.

Старший библиотекарь был одновременно заведующим Отделом общего функционирования. Таким образом в Ученый Совет Музея стало входить лишь три лица. Отделы делились на отделения.

I. Отдел общего функционирования состоял из: а) секретариата, б) каталожного отделения, в) книжного, г) повременной печати, д) справочно-библиографического, е) подсобных библиотек. (История книги была выделена в особый самостоятельный Отдел, вошедший в IV Разряд Музея.)

II. Отдел научной библиографии состоял из пяти отделений: а) отделение книг по археологии, б) искусству, в) истории, г) литературе, д) вспомогательным дисциплинам.

III. Читальный зал делился на два отделения: а) выдачи книг, б) справочное.

Заведующие Отделами и отделениями входили в состав Совета Библиотеки, которая с этого времени стала считаться V Разрядом Музея. В Совет V Разряда входил также заведующий Отделом истории книги.

Через год, к 1 января 1923 года, структура Библиотеки была вновь пересмотрена и изменена следующим образом:

Отдел исторической географии и картографии был переведен из V Разряда Музея в IV. В других Отделах были произведены перегруппировки отделений. В первом отделе, который начал называться общим, осталось два отделения: регистрационно-каталожное и книжное отделение.

Справочно-библиографическое и периодической печати перешли в научно-библиографический Отдел. Отделение литературы и вспомогательных дисциплин были объединены. Таким образом, в Отделе научной библиографии стало шесть отделений. Эта структура действует в Библиотеке и поныне.

Работа в Библиотеке распределяется следующим образом между Отделами и отделениями.

Общее научное руководство всей деятельностью Библиотеки лежит на Совете Библиотеки (V Разряда). Административное же управление лежит на обязанности заведующего Библиотекой. Он же—председатель Разряда и заведующий общим Отделом.

На обязанности книжного отделения лежит приемка новых поступлений, расстановка и выемка книг, хранение книжного имущества, подбор и хранение топографического каталога, выдача книг Отделам и сотрудникам Музея.

Регистрационно-каталожное отделение ведет инвентарные книги и сводный алфавитный каталог. Заведующий регистрационно-каталожным отделением является в то же время главным инструктором по описанию книг.

В круг функций научно-библиографического Отдела входит: а) научное описание книги, составление систематического каталога книжной наличности Библиотеки, б) составление списков книг, необходимых и желательных для приобретения в Библиотеку, в) разработка специальных научно-библиографических вопросов, г) выполнение по поручению других Отделов и Разрядов заданий научно-библиографического характера, возникающих в процессе музейных работ, д) научно-библиографические справки Отделам Музея и лицам, занимающимся в читальном зале и фундаментальной Библиотеке. В ведении Отдела находятся также: Музей Достоевского и собрание Gogoliana, Гончарова, Грибоедова; Отдел принимает участие в организации выставок Музея.

Читальный зал удовлетворяет требования читателей на книги, дает справки библиографического характера, ведет систематическое комплектование Библиотеки читального зала и составляет алфавитные, систематические и прочие каталоги ее, организует книжные выставки и ведет другую культурно-просветительную работу с читателем.

В конце 1925 года был выделен один сотрудник (штатн.) для отбора дублетов книг в обменный фонд.

Описанные выше последовательные изменения в структуре Библиотеки Государственного Исторического Музея вызваны были необходимостью уточнить работу служебного персонала. В первое время после революции провести реформу целиком было невозможно, так как Библиотека была загромождена массой новых поступлений, и работа тормозилась неблагоприятными условиями (холод—7°, болезни и т. д.). Работа инвентаризационная и каталожизационная, проверенная на основании опыта трех последних лет

с дифференциацией работы Библиотеки, была нормализована; так, нормы инвентаризации определились—15 названий, а сводный алфавитный каталог—10 карточек в час, Литературный каталог—5 карточек в час.

Благодаря установившимся штатам и выработке планомерного распределения библиотечной работы удалось за последние годы достичь большой интенсификации труда:

1922—23 год—заинвентаризовано 7685 номеров.

1923—24 год— « 12.319 номеров.

1924—25 год— « 26.285 номеров.

Написано карточек алфавитного каталога:

1922—23 год—4.005.

1923—24 год—4.834.

1924—25 год—13.887.

Научно-библиографическим Отделом написано карточек:

1923 г. (за первые 9 месяцев)—7.066.

1923—24 год —22.817.

1924—25 год —49.098.

В читальном зале за последний год было написано 5.579 карточек. В 1921—22, 1922—23, 1923—24 гг., помимо всей текущей работы, производилась массовая разборка книжных коллекций, заполнявших все помещения Библиотеки. В 1924 году эта разборка была в основных чертах закончена, что сразу же благоприятно отразилось на усилении каталогизации и инвентаризации.

3. КОМПЛЕКТОВАНИЕ БИБЛИОТЕКИ.

До революции Библиотека пополнялась путем добровольных пожертвований и путем покупки на городские средства (3.000 р. в год), а также по общему музейской смете.

Обязательного экземпляра не было.

Со времени революции книжное богатство больше, чем удвоилось, так как в Библиотеку Государственного Исторического Музея, как в одно из центральных книгохранилищ республики, поступали по распределению от Отдела научных библиотек Наркомпроса ряд ценнейших коллекций. Так, в 1918 году была перевезена в Библиотеку РИМ библиотека А. С. и П. С. Уваровых, исключительное собрание книг по вопросам археологии и искусства (из дома в Леонтьевском переулке в Москве и из имения «Поречье» Можайского уезда, Московской губернии), библиотека Л. М. Савелова, с богатыми собраниями по русской генеалогии и геральдике; в 1919 году: 1) библиотека историка Г. Ф. Карпова, 2) библиотека Д. И. Иловайского (перевезенная согласно распоряжению

замнаркома по просвещению М. Н. Покровского из дома бывшего Иловайских), 3) библиотека братьев И. В. и П. В. Киреевских по русской истории и литературе, перевезенная из имения Киреевских в Верейском уезде, Московской губернии, 4) библиотека Л. Э. Бухгейма по истории литературы и русской общественности XIX века, 5) библиотека Отдела историографии Музея Всероссийского союза городов, 6) библиотека Всероссийского земского союза с материалами о деятельности союза, 7) библиотека Чижова по нумизматике, 8) библиотека А. А. Карзинкина, главным образом по истории культуры, пожертвованная владельцем, 9) обширная библиотека П. В. Зубова по археологии, нумизматике и т. д. 10) библиотека Хомяковых, чрезвычайно важная для истории культуры и общественности, середины XIX века, 11) бывшая Патриаршая библиотека, ценное собрание книг, в частности, по истории русской церкви и др. В 1922 году была передана в пользование Библиотеки Государственного Исторического Музея богатая библиотека А. А. Бобринского, содержащая, главным образом, книги по искусству, археологии и истории культуры.

С 1918 г. по 1920 год в Библиотеку поступили через Книжный фонд и Отдел научных библиотек Наркомпроса части книжных собраний б. Олсуфьева, Соллогуба, Новосильцева, библиотека Главмузея, 1 Пролетарского Музея в Москве и др.

С 1919 года при Библиотеке Государственного Исторического Музея в качестве филиалов числились библиотека бывшего Археологического Общества и библиотека бывшего Общества любителей духовного просвещения, затем в 1921 году перешедшие: первая— в ведение Главнауки, вторая— в библиотеку Румянцовского Музея, ныне в Публичную Библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

В настоящее время Библиотека Государственного Исторического Музея исчисляет свое книжное имущество в 1.200.000 томов.

4. ОБМЕННЫЙ ФОНД.

В 1924 году начались работы по выделению дублетов, давших следующий результат: на 1 октября 1925 года состоялось в обменном фонде 4.239 книг.

5. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА.

Из числа работ, проведенных в Библиотеке Государственного Исторического Музея, следует отметить работу А. И. Станкевича, скончавшегося в 1922 г. Бывший до 1915 года главным библиотекарем ГИМ, редкий знаток книги оставил после себя начатую им

работу по библиографическому описанию сказаний иностранцев о России на различных языках.

Подготовлено к печати:

А. В. Артюшков.—«Трехзначные таблицы Кеттера».

Е. В. Благовещенская.—«Русские типографии XVIII и начала XIX века».

Н. В. Гиляровская-Лобанова.—«Масонские книги Библиотеки ГИМ».

С. В. Милеев.—«Библиография теории техники живописи».

И. Н. Розанов.—«Русская бумажная обложка книг».

Кроме того библиотека принимала участие в составлении путеводителя Государственного Исторического Музея.

В Библиотеке с 1922 года читались следующие доклады:

А. В. Артюшков.—«Съезд библиотекарей в Германии в 1924 г.».

Н. В. Гиляровская-Лобанова.—«Собрание масонских книг Библиотеки Государственного Исторического Музея».

Она же.—«Масонские книги XVIII и начала XIX века».

Она же.—«Принцип экспозиции масонских книг».

Н. П. Кашин, М. М. Косминская, К. В. Сивков, Ю. М. Соколов делали информационные доклады о съездах (первом библиографическом, Всероссийском краеведческом, первой конференции научных библиотек).

И. Н. Розанов.—«Основные принципы книжной экспозиции Музея 40-х годов».

Он же.—«Русская книжная обложка».

Н. Н. Руднев.—«О библиотеке Хмырова».

И. М. Тарабрин и М. В. Бабенчиков.—«Библиотека А. С. Хомякова».

Ю. М. Соколов.—«Из истории Библиотеки Государственного Исторического Музея».

Н. Ю. Ульянинский.—«Книжные вредители и борьба с ними».

Он же.—«Очерки жизни и деятельности Д. В. Ульянинского».

Он же.—«Что считать редкой книгой».

6. КОМАНДИРОВКИ.

Весной 1924 года группа сотрудников Библиотеки была командирована в Ленинград для ознакомления с постановкой библиотечного дела в Ленинградских библиотеках.

М. М. Косминская и В. П. Новосельская были направлены для участия в работах каталогизационной и статистической комиссии

Института библиотековедения. Для поднятия квалификации три сотрудника были командированы на курсы Академических библиотечарей и 16—на отдельные семинарии Института библиотековедения (по каталогизации, статистике, по классификации и по предметному каталогу).

7. ВЫСТАВКИ.

Несмотря на тяжелые условия работы библиотеки Государственного Исторического Музея, она организовала в конце 1918 года выставку по случаю столетия со дня рождения И. С. Тургенева (открыта 10 ноября 1918 года). Выставка была открыта для публики в течение двух месяцев, ее посетили более 1500 человек. В организации выставки на-ряду с Библиотекой принимали участие иконографическое Отделение Музея (портреты, гравюры), и архив Музея (автографы, документы).

В конце 1919 года Библиотека Исторического Музея принимала участие в подготовительной работе по устройству Герценовской выставки при Румянцевском Музее по случаю столетия со дня рождения А. И. Герцена.

Летом 1921 года по инициативе Библиотеки Музея постановлением Ученого Совета Музея была образована комиссия по устройству выставки в ознаменование столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского. В ноябре было закончено предварительное размещение экспонатов в центральном зале Библиотеки. Кроме рукописей, книг, иконографического материала и вещественных памятников, хранящихся в комнате Музея памяти Достоевского, был получен ряд экспонатов и со стороны, из коих особый интерес представляли доставленные дирекцией Московского Художественного театра макеты и иконографические материалы, относящиеся к инсценировкам произведений Достоевского в Художественном театре.

Осенью 1922 года Библиотека Государственного Исторического Музея принимала участие в работе по устройству Дантовской выставки при Румянцевском Музее. Представителем ГИМ был М. А. Петровский.

Весной 1924 года Н. В. Гиляровской-Лобановой была организована выставка масонских книг Библиотеки Государственного Исторического Музея, при чем были представлены образцы редчайших книг по масонству. Всего было выставлено около 500 книг на различных языках с полным библиографическим описанием их,

8. МУЗЕЙ ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО.

Музей пополнялся Анной Григорьевной Достоевской вплоть до июня 1917 года. По смерти А. Г. Достоевской, 22 июля 1921 года, были вскрыты хранившиеся в Музее 6 пакетов и 1 железный ящик, пересланные в разное время А. Г. в адрес Музея и ранее нераспечатывавшиеся согласно ее просьбы. В жестяном ящике содержались письма-автографы разных лиц к Ф. М. Достоевскому, членам его семьи и некоторым другим лицам, а также несколько рукописных статей Вл. Соловьева, А. Ф. Кони и др. В пакетах содержались: а) рукопись мемуаров А. Г., б) подписные книги — на «Дневник Писателя» в трех переплетах, в) вырезки из газет и журналов, а также отдельные номера журналов и книг, имеющие то или иное отношение к Достоевскому.

6 февраля 1922 года в экстренном заседании Ученого Совета Исторического Музея под председательством П. Н. Сакулина и в присутствии замнаркома по Просвещению М. Н. Покровского, заведующего Главнаукой И. И. Гливенко и др. приглашенных лиц были вскрыты несгораемый ящик, хранившийся до тех пор по воле А. Г. Достоевской запертый, и чемодан А. Г. Достоевской, находившийся в Севастопольском отделе ВЧК и доставленный им в Исторический Музей при содействии Главмузея. Из обнаруженных при вскрытии вещей наибольший интерес представляют следующие:

1. Записные книжки Ф. М. Достоевского карманного формата.
2. Ряд писем Ф. М. Достоевского и к нему.
3. Рукописные листы, относящиеся к «Подростку», «Братьям Карамазовым» и «Дневнику Писателя».
4. Книжка стенографических записей А. Г. Достоевской.
5. Разные материалы, печатные и рукописные, касающиеся кончины Ф. М. Достоевского.

Из других поступлений в Музей памяти Достоевского за отчетное время должны быть отмечены:

1. 22 тома (в 23 переплетах) собрания сочинений Ф. М. Достоевского на немецком языке (F. M. Dostojewski, Sämtliche Werke unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkowski, herausgegeben von Moeller van der Bruck. München: R. Piper u. Co Verlag, 1922).

2. Воспоминания А. Г. Достоевской на немецком языке (Die Lebenserrinerungen der Gattin Dostojewski, herausgegeben von René Fülöp-Miller und Friedrich Eckstein. München: R. Piper u Co Verlag, 1925).

9. КОМИССИЯ ПО ИЗДАНИЮ МАТЕРИАЛОВ МУЗЕЯ ПАМЯТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.

После того, как в 1921—22 гг. были вскрыты жестяной ящик и 6 пакетов, переданные для хранения в Музей памяти Достоевского А. Г. Достоевской, а также чемодан ее, доставленный севастопольским отделом ВЧК, и собрание Музея обогатилось ценнейшими материалами, касающимися Достоевского, Ученый Совет Государственного Исторического Музея постановил приступить к систематическому их опубликованию, поручив это дело специальной «Комиссии по изданию материалов Музея памяти Достоевского», составленной из членов Ученой Коллегии Исторического Музея. Комиссия приняла на себя труд по подготовке к печати означенных материалов пригласивши в свой состав специалистов для редактирования отдельных выпусков сочинений и материалов, касающихся Федора Михайловича Достоевского.

Первым выпуском работ Комиссии явились «Воспоминания А. Г. Достоевской», вышедшие в свет под редакцией Л. П. Гроссмана. (Государств. Изд. М. 1924.) Кроме того, подготовлены к печати 3 тома переписки Достоевского под редакцией В. Е. Чешихина - Ветринского и материалы по «Бесам», обработанные Н. Л. Бродским.

10. ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ.

С 1 января 1922 года был организован Отдел читального зала в составе четырех человек, которые приступили к работе по отбору книг для Библиотеки при читальном зале и составили систематический и алфавитный каталоги при содействии др. сотрудников Библиотеки.

Открытие большого читального зала последовало 22 октября 1922 года. Первое время читальный зал был открыт для публики с 3 до 9 часов вечера кроме суббот; увеличение штатов в марте 1924 года дало возможность вести работу в две смены с 11 часов утра до 9 часов вечера (по воскресеньям с 3 до 9). Рост работы читального зала характеризуется следующими цифрами:

До открытия читального зала.

1916 г.—4908 посещ.; 1917 г.—399 посещ.; 1918 г.—189 посещ.; 1919 г.—214 посещ.; 1920 г.— 124 посещ. и 379 треб.; 1921 г. и за 9 мес. 1922 г.—254 посещ. и 506 треб.

После открытия читального зала.

	22/23 г.	23/24 г.	24/25 г.
Посещений	15044	34896	38318
Требований	33891	61583	68342
Выдано томов . . .	33235	71457	74199

По роду занятий читатели распределялись в 1924/25 году так:

Учаш.	Раб. и кр.	Служ.	Воен. служ.	Раб. про- св. и на- учн. раб.	Своб. проф.	Безраб.	Прочих
69,2%	1,5%	9%	0,8%	7%	5%	2,5%	5%

Книжное имущество Библиотеки читального зала составляло на 1 октября 1925 года приблизительно 5.500 томов.

Работа по описанию книг для Библиотек читального зала и составлению ее каталогов: написано карточек в 1923/24 г.—3543, в 1924/25 г.—5579.

В читальном зале устраиваются: а) еженедельно сменяющаяся выставка текущей научной литературы и б) эпизодические выставки.

В 1924 году: 1) Русские периодические издания 1923/24 года, поступившие в Библиотеку Музея. 2) Иностранные периодические издания, получившиеся в Библиотеке в 1924 году.

В 1925 году: 1) Памяти Ленина (243 тома). 2) Парижская коммуна. 3) К международному Юношескому дню. 4) К восьмой годовщине Октябрьской революции (250 томов). 5) 1905 год (252 тома). 6) Двухсотлетие Академии Наук. Предельная цифра выставяемых книг в 250 номеров диктуется техническими условиями.

Общее количество прошедших через выставку томов: 1922 г.—179 томов, 1923 год—около 3000 томов, 1924 г.—1217 томов, 1925 год—3978 томов.

Как фундаментальная Библиотека, так и читальный зал посещались различными экскурсиями с библиотечных курсов, из провинциальных библиотек, а также отдельными библиотечными работниками для ознакомления с Библиотекой и ее работой. За последние годы Библиотеку посетили многие русские и иностранные представители науки и искусства.

VII. Популяризация музейных собраний.

За истекшие 10 лет Государственный Исторический Музей пережил в отношении популяризации своих коллекций три периода.

В 1-й период (1916—1918 гг.), популяризационная деятельность Государственного Исторического Музея протекала при условиях мало благоприятных: экономическое и политическое положение страны, военные действия у стен самого Музея, закрытие ряда зал из-за необходимости дать помещение музейным ценно-

стям из других музеев, загруженность музейных работников работой по охране музейного материала—ряд условий, при которых просветительная работа Музея не могла давать положительных результатов. Она состояла в объяснении отдельных музейных памятников и производилась административно-научным персоналом Музея.

Посещаемость Музея за это время не велика:

в 1916 г.	370 экс. группы,	в количестве	9.118 человек
„ 1917 „	124 экс. группы,	„	2.283 человека

Во второй период (1918—1920 гг.) просветительная деятельность Государственного Исторического Музея протекала в условиях, также мало благоприятствовавших ее развитию; но, несмотря на тяжелое экономическое состояние страны, продолжение военных действий на территории Союза, расстройство транспорта и проч., в Музее отмечается некоторое повышение посещаемости: жажда научных знаний, пробужденная революцией, в народной массе способствовала увеличению кадров посетителей, побудив тем самым деятелей Музея к организации специального аппарата, преследующего просветительные цели.

В августе 1918 г. было создано «Отделение показательной части», на обязанности которого лежала работа по удовлетворению запросов различных групп посетителей.

Объяснение коллекций в этот период производилось научными работниками, приглашенными специально для этой цели, но система объяснения музейного материала оставалась прежней. Работа Отделения показательной части дала возможность посетителям и экскурсионным группам знакомиться с собраниями Музея организованно и тем самым способствовала повышению посещаемости Музея.

Посещаемость Музея за этот период такова:

в 1918 г.	189 экс. групп	в количестве	4.776 чел.
„ 1919 „	372 „ „ „	„	8.687 „
„ 1920 „	478 „ „ „	„	11.148 „

В третий период (1921—1925 гг.) просветительная работа Музея развивалась в условиях революционного строительства. Подъему просветительной деятельности Музея в этот период способствовали не только общие экономико-политические условия, но и реформы, произведенные в самом Музее, в частности в Отделении показательной части, преобразованном 1 декабря 1921 г. в Отдел популяризации музейных собраний Государственного Исторического Музея, а также и реформы школ всех категорий, вклю-

чивших в свои учебные планы экскурсионную работу по музейному материалу.

3-й период характеризуется применением в Музее новых методов в деле приближения музейного материала к посетителю и работой по усовершенствованию этих методов. Эта работа производилась в соответствии с общим развитием музейно-популяризационного дела и применялась к задачам и потребностям Государственного Исторического Музея, как музея историко-культурного.

Просветительная деятельность Музея 1921—1925 гг. руководилась и производилась научными работниками, специалистами в области теории и практики музейно-популяризационного дела.

Посещаемость Музея за этот период достигает значительного увеличения.

в 1921 г. зарегистрировано	1297	экс. групп	в количестве	24.701	чел.
„ 1922 „	2199	„ „ „ „	„ „ „ „	39.544	„
„ 1923 „	3081	„ „ „ „	„ „ „ „	55.920	„
„ 1924 „	2750	„ „ „ „	„ „ „ „	46.875	„
„ 1925 „	3724	„ „ „ „	„ „ „ „	55.133	„

Благодаря увеличению личного состава и приглашению к работе лиц, имевших специальную подготовку, деятельность Отделения показательной части с января 1921 г. приобрела новое направление:

1) Экскурсионная работа стала пониматься не как объяснение отдельных сокровищ Музея, а как «раскрытие» выставленного материала сообразно поставленным перед экскурсантами тем;

2) в целях планомерного усвоения музейного материала было приступлено к разработке тем экскурсий, диктовавшихся как самим характером памятников Музея (темы экскурсий историко-бытового характера) и требованиями программ школьного и профессионального преподавания, так и запросами внешкольных организаций;

3) в целях лучшего усвоения музейного материала экскурсантами в план экскурсий были введены вступительные и заключительные беседы;

4) в подходе к музейному материалу был применен исследовательский в педагогическом понимании этого слова прием: экскурсия строилась на рассмотрении и описании памятника и на выработке соответствующих выводов;

5) вместо практиковавшейся прежде лекционной формы объяснения музейных коллекций была признана более продуктивной форма живой беседы руководителя с группой с предоставлением

возможной активности самим экскурсантам. Эта активность мыслилась, как непосредственное участие в наблюдениях над самим материалом, и выражалась не только в форме вопросов руководителю, но и в форме самостоятельных сообщений и заключений самих экскурсантов; для оживления экскурсии был введен прием иллюстрации цитатами;

6) в качестве подсобного материала в деле проведения экскурсий были включены показательные коллекции, иллюстрированный и графический материал;

7) в целях продуктивности занятий было признано желательным иметь проработку экскурсий в виде письменных отчетов и т. п., как со стороны экскурсантов, так и со стороны руководителя;

8) для более углубленного и более полного усвоения музейного материала были организованы, наряду с эпизодическими экскурсиями на отдельные темы, связанные звеньями общих тем циклы экскурсий;

9) в целях лучшего усвоения археологического материала было приступлено к организации подсобной библиотеки, кабинета пособий и аудитории при Отделе;

10) в виду широкого применения и исключительного значения экскурсионного метода было признано желательным ввести наиболее точный учет состава, степени посещаемости, запросов и пр. каждой экскурсионной группы;

11) для согласования работ Отдела с работами других просветительных учреждений, преследующих с Отделом однородные цели, было признано желательным войти в соглашение с экскурсионными секциями Наркомпроса, парторганизаций и профсоюзов, а также принимать участие в конференциях и съездах по вопросам музейно-популяризационного дела.

В августе 1921 г. была сформирована особая комиссия для реорганизации Отделения показательной части в составе: Н. М. Щекотова, Г. Л. Малицкого (председателя комиссии), В. А. Городцова, П. А. Незнамова, Н. С. Воскресенской, Л. К. Андреевой, представителей: Наркомпроса—Н. Г. Тарасова, Главмузея—Н. А. Гейнике, С. А. Гарелиной, О. И. Яцунской, и Главполитпросвета—А. Н. Полтевского.

В результате работ комиссии было признано желательным произвести в экспозиции некоторые изменения, преимущественно технического порядка, не нарушая основ существующей системы экспозиции. В целях наибольшего приспособления существующей

экспозиции к обслуживанию единичных посетителей, комиссией произведены работы по выработке типа объяснительных надписей.

Комиссия признала, что эти надписи: 1) должны иметь в виду единичных посетителей, обзирающих Музей без руководителей; 2) должны быть составлены таким образом, чтобы побуждать посетителя к дальнейшей самостоятельной работе; 3) должны заключать не одно название предмета, но и выяснять морфологию и назначение его, освещая таким образом соответствующую сторону быта человека; 4) должны помещаться частью на стенах зала (надписи более общего, вводящего характера), частью же при самих коллекциях и отдельных памятниках.

Комиссией выработаны текст вводной надписи к залу палеолита, а также и к отдельным его памятникам.

В целях осуществления собственно-популяризационных заданий, комиссией решено приступить к оборудованию особого кабинета пособий, который, помимо иллюстративно-графического материала, должен обладать показательными коллекциями в виде дублетов или слепков с наиболее типичных памятников. Комиссией определен состав показательных коллекций по залам палеолита и неолита. В основу списка показательных коллекций положены темы экскурсий, проводимых по этим залам. Помимо показательных коллекций, в кабинете пособий предусмотрено иметь запас материалов (камня, кости, дерева) для производства самими экскурсантами самостоятельных опытов и работ по изготовлению каменных орудий и по употреблению их.

Кабинет пособий должен также содержать этнографический материал, характеризующий быт современных дикарей, стоящих на одинаковой ступени культуры с доисторическим человеком, а также печатный и рукописный материал, иллюстрирующий процесс археологических раскопок в форме дневников, записей, докладов археологов, производивших раскопки.

Кроме кабинета пособий, признано необходимым устройство особой аудитории со световым фонарем для предварительных и заключительных бесед с экскурсантами. Комиссией произведен первоначальный подбор диапозитивов по первобытной культуре.

В связи с охарактеризованными выше работами, комиссия подробно остановилась на разработке экскурсионных тем для проведения экскурсий по залам палеолита, неолита и ранней бронзы.

Комиссией были намечены следующие темы: 1. по залу палеолита: «Жизнь человека в эпоху палеолита в Восточной Европе», и ряд частных тем, напр.: «Хозяйство человека в эпоху палеолита», «Эволюция техники орудий палеолита» и др.; 2. по залу

неолита: «Жизнь человека в эпоху неолита в Восточной Европе» и также ряд тем с более узким заданием: «Успехи материальной культуры в эпоху неолита», «Керамика в эпоху неолита» и др.; 3. по залу ранней бронзы: «Жизнь человека в эпоху ранней бронзы», а также «Пути движения бронзовой культуры», «Техника орудий и оружия в эпоху ранней бронзы», «Погребальные обычаи в эпоху ранней бронзы» и др. В комиссии сотрудники Отдела (Н. С. Воскресенская и Л. Н. Андреева) сделали 11 докладов, которые и легли в основу всей ее работы.

1 декабря 1921 г. Отделение показательной части было преобразовано в Отдел популяризации музейных собраний Государственного Исторического Музея. В мае 1922 г. было выработано «Положение» об Отделе. С этого времени работа Отдела производилась по заранее намеченному плану, выработанному на основании «Положения» об Отделе.

Работа Отдела популяризации за период 1922—1925 гг., согласно основным рубрикам плана, протекала по следующим направлениям:

1. Сотрудники Отдела вели постоянную работу по изучению выставленного материала и литературы о нем в открытых или открываемых залах Музея для целей просветительной работы под руководством соответствующих специалистов—сотрудников Государственного Исторического Музея.

Кроме означенных работ, были выполнены подготовительные работы по ознакомлению с материалом и литературой имеющих быть открытыми зал по истории быта XVIII—XIX вв. и древнерусской иконописи.

2. Сотрудниками Отдела были разработаны экскурсии на различные темы:

а) Экскурсии историко-бытового характера, имевшие целью выявить на музейном материале общую картину быта целой эпохи или общие изменения в культуре смежных эпох, например: «Жизнь первобытного человека», «Быт древнейших славян» и друг., или проследить на музейном материале эволюцию какой-нибудь одной стороны культуры или представить одну из сторон быта народа в определенную эпоху, например: «Элементы религиозных представлений в первобытную эпоху», «Развитие форм оружия с древнейших времен» и др.

б) Экскурсии обществоведческого (социологического) характера, имевшие целью проследить на музейном материале различные стороны развития человеческого общества, на-

пример: «Дофеодальное общество», «Развитие общественных форм», «Социально-экономический строй Киевской Руси» и пр.

в) Экскурсии производственного характера, полагавшие своей задачей показать на музейном материале техническую эволюцию какой-нибудь отрасли производства, например: «Развитие техники орудий производства с древнейших времен», «Развитие техники обработки металла», «Виды техники византийского прикладного искусства» и др.

г) Экскурсии краеведческого характера, ставившие себе задачей изучение на музейном материале особенностей культуры отдельного края в разные эпохи, например: «Смена хозяйственных форм в Приднепровье», «Связь Кавказской области с древними средиземноморскими культурами».

д) Экскурсии историко-художественного характера, имевшие своей целью показать проявления художественного творчества в вещественных памятниках быта различных эпох, напр.: «Виды украшений и мотивы орнамента в женском костюме финских и славянских племен», «Византийская художественная промышленность и ее значение для русского производства».

е) Экскурсии музееведческого характера, полагавшие своей задачей выявить на музейном материале историю собирания памятников Музея и общие принципы организации Музея, напр.: «Музей, как организм», «Исторический Музей—научное и просветительное учреждение».

ж) Экскурсии по вопросам методики просветительной работы в Музее, ставившие себе целью практически ознакомить деятелей просвещения с приемами педагогической работы в Музее, напр.: «Использование археологического материала в просветительной работе», «Методы работы по музейному материалу со школьными группами», «Способы проработки музейного материала с различными экскурсионными группами» и др.

3. Согласно основной задаче Государственного Исторического Музея сотрудниками Отдела велась постоянная просветительная работа с экскурсантами в открытых залах. (См. статистические сведения в «Приложении».)

4. В целях приближения музейного материала к посетителю сотрудниками Отдела была произведена работа по составлению объяснительных надписей к отдельным залам и к отдельным группам памятников.

5. Помимо проведения экскурсий, сотрудниками Отдела производилась работа по подведению итогов просветительной деятельности Отдела в форме:

а) проверки и систематизации работ экскурсантов по материалу открытых зал Музея;

б) проработки вопросов методического характера, выдвигаемых практикой музейно-педагогической работы Отдела;

в) регистрации экскурсий, составления учетных листов, статистических таблиц и диаграмм;

г) составления отчетов и докладов о работе Отдела.

6. Отдел принимал участие в разрешении вопросов организационно-методического и организационно-технического порядка, возникавших в процессе работы, путем согласования своей работы

а) со школой и органами, руководящими делом школьного образования;

б) с политико-просветительными организациями; нового кадра музейно-экскурсионных работников;

г) с экскурсионными секциями музейного отдела Главнауки, Главполитпросвета, Губполитпросвета, ИМВР и др.

По предложению названных секций сотрудниками Отдела был разработан и проведен ряд экскурсий и прочитаны доклады по вопросам музейно-просветительного дела.

Отдел также принимал участие в методической работе научной музейно-библиотечной секции ГУС'а (1924—1925 гг.).

7. В связи с общей работой Музея сотрудники Отдела принимали участие в работах Советов Отдела, Разряда, Ученого Совета и во всех комиссиях по вопросам экспозиционного и музейно-популярного дела.

8. Кроме того, Отделом произведена работа по подготовке

в) с музеями, как центральными, так и краевыми;

в 1923 г. . . . . 2 чел.

„ 1924 „ . . . . . 3 „

„ 1925 „ . . . . . 7 „

9. Отдел принимал участие в организации и обслуживании методической выставки просветительной работы Государственного Исторического Музея—«Музей и Школа», открытой 15 декабря 1923 г. Материал выставки «Музей и Школа» разделяется на 5 групп:

1) Библиографии;

2) Подсобного материала в деле проведения экскурсий;

3) Методики проведения экскурсий;

4) Проработки музейного материала экскурсантами;

5) Статистики ¹.

¹) Подробности см. «Спутник по выставке», «Музей и Школа» Н. С. Воскресенской, издание ГИМ. М. 1923 г.

Посещаемость ГИМ с 1916 до 1925 года.

Г о д ы	Количество экскурсий.			Количество экскурсантов	Количество посетителей	
	Общее число групп	В т. ч. экскур. проведенное Отд. поп. ГИМ.				
		Колич. групп.	% к объему числу гр.			
1916	370	Нет свед.	—	9.118	Учет не велся.	
1917	124	"	—	2.283		
1918	189	"	—	4.776		
1919	372	196	53	8.687		
1920	478	Нет свед.	53	11.148		
1921	1.297	629	49	24.701		
1922	2.199	1.030	46	39.544		
1923	3.081	1.342	44	55.920		14.091
1924	2.750	1.295	47	46.875		27.176
1925	3.724	2.468	66	55.133		40.802
Итого	14.584	—	—	258.185	—	

Количество посещений ГИМ из-за границы

Откуда	Количество посещений	Откуда	Количество посещений
Австралия	1	Индия	1
Австро-Венгрия	2	Италия	6
Албания	1	Китай	8
Америка Сев.	2	Норвегия	1
Англия	8	Польша	3
Аргентина	3	Сербия	1
Бельгия	2	Чехо-Словакия	3
Болгария	1	Финляндия	1
Голландия	1	Франция	2
Германия	20	Швейцария	1
Греция	1	Япония	2
Дания	4		
		Итого	75

Распределение экскурсий по материалу открытых

Г о д ы	Залы 1 и 2. Каменный период		Залы 3 и 4. Эпоха бронзы		Зала 5. Финны		Зала 6. Скифы		Залы „Б“ и „В“. Греки		Зала А. Византия	
	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения
1923	672 50,1%	731 42%	193 14,1%	115 6,6%	10 0,8%	1 0,1%	38 2,9%	29 1,7%	12 0,9%	40 2,3%		
	1403		308		11		67		52			
	45,6%		9,9%		0,3%		2,1%		1,7%			
1924	672 52,0%	361 24,2%	137 10,6%	94 6,6%	3 0,2%		20 1,5%	9 0,7%	19 1,5%	13 0,9%	Открыта 15 янв. 1924 г. 16 17 1% 1,3%	
	1033		231		3		29		32		33	
	37,5%		8,4%		0,1%		1%		1,1%		1,2%	
1925	995 40,3%	253 21,4%	145 5,9%	79 6,2%	8 0,3%		9 0,7%		3 0,1%	18 7,4%	1 0	2 0,1%
	1248		224		8		9		21		3	
	33,5%		6%		0,2%		0,2%		0,6%		0,1%	

зал Государственного Исторического Музея

Залы 7, 8, 9 и 10. Славяне	Отдельные памятники различных зал Музея		В ы с т а в к и				Не отмечено в анкетах	В с е г о	
	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения.	„Крестьянское искусство“		„Музей и школа“				
			Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения.	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения.	Отдел популяризации ГИМ.	Другие организ. и учреждения.	
312 23,3%	90 5,2%	83 6,2%	246 14,1%	15 1,1%	14 0,8%	Открыта 15 дек. 1923 г. 8		472	1343 1738
402		329		29 1%		8		472	3081
13,1%		10,7%		10 апреля 1923 г.		0,2%		154%	
122 9,4%	29 2%	178 13,8%	256 17,7%			128 10%		676	1295 1455
151		434				128		676	2750
5,4%		16,1%				4,6%		24,6%	
254 10,3%	26 2,1%	936 38%	303 24,1%			126 5,1%		566	2468 1256
280		1239				126		566	3724
7,5%		33,3%				3,4%		15,2%	

Состав экскурсий ГИМ (1883—1925 гг.).

Г о д ы	Низшие учеб- ные заведения и школы I ступ.	Средние учеб- ные заведения и школы II ступ.	Высшие учебн. заведения вузы и рабфаки	Педагоги	Вечерние курсы, классы и друг. внешк. группы	Военные части	Рабочие, кре- стьяне и сов- служащие	Члены съездов, комиссий и делегаты	В с е г о
1883	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1884	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1885	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1886	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1887	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1888	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1889	—	1	1	—	—	—	—	1	3
1890	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1891	—	1	—	—	—	—	—	2	3
1892	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1893	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1894	—	5	2	—	—	—	—	—	7
1895	—	—	—	—	—	—	—	2	2
1896	—	2	1	—	—	—	—	5	8
1897	—	1	2	—	—	—	—	1	4
1898	—	1	4	—	—	—	—	—	5
1899	—	2	—	—	—	—	—	—	2
1900	2	7	3	—	—	—	—	—	12
1901	8	15	3	4	2	—	—	—	32
1902	20	44	4	2	3	—	—	—	73
1903	36	60	5	5	—	—	4	—	110
1904	30	62	1	1	—	—	1	—	95
1905	39	33	1	—	—	—	—	—	73
1906	43	48	2	—	—	—	—	—	93
1907	163	72	14	4	—	—	—	1	254
1908	52	60	17	—	—	6	2	—	137
1909	66	62	8	3	1	—	—	—	140
1910	84	97	10	8	5	1	2	—	217
1911	117	148	5	4	5	—	1	—	280
1912	185	163	9	42	6	—	2	4	411
1913	157	148	7	19	19	1	—	1	352
1914	128	130	6	11	8	36	6	1	326
1915	64	33	—	5	7	39	1	—	149
1916	124	98	3	2	4	139	—	—	370
1917	67	38	—	4	7	6	—	2	124
1918	94	50	8	5	28	4	—	—	189
1919	116	132	11	27	46	26	13	1	372
1920	107	110	39	57	67	60	27	11	478
1921	351	152	233	149	118	97	172	25	1.297
1922	816	231	496	115	162	122	220	37	2.199
1923	1.283	420	404	108	195	114	538	19	3.081
1924	721	333	305	162	336	169	699	25	2.750
1925	1.032	410	420	155	428	224	960	95	3.724
Итого	5.915	3.169	2.024	892	1.447	1.044	2.643	233	17.372

VIII. Реставрационная мастерская.

Разработанный реорганизационной комиссией в 1921 г. план развертывания Музея и выявления имеющегося материала путем открытия новых зал, поставил на очередь обработку музейных предметов для экспозиции их в трех залах. При классификации материала был обнаружен ряд вещей плохой сохранности и частью серьезных их повреждений. Причиной дефектов служило иногда неумелое обращение прежних владельцев, неосторожность при перевозках и в значительной мере неблагоприятные условия помещения Музея в период недостатка топлива: вещи покрывались плесенью, ранее склеенные сосуды разваливались на куски и т. п. Исправление их могло быть поручено лишь специалисту реставратору. До реорганизации Музея, когда потребность в реставрации музейных предметов не являлась особенно спешной, можно было удовлетворяться работой реставратора вне Музея; теперь же почувствовалась необходимость реставрационной мастерской при Музее с постоянным штатом сотрудников и хорошим ее оборудованием.

В конце 1921 года мастерская была образована, и для заведывания реставрационными работами приглашен ученый реставратор Д. Ф. Богословский.

С момента своего основания мастерская обслуживала различные Отделы Музея, заключавшие в себе разнообразные категории памятников. Разнообразие материала и, в связи с этим, различие в болезнях и прочих дефектах его, требовали различных методов реставрации и связанной с ними специального оборудования мастерской. Однако, недостаток специальных кредитов на мастерскую, оборудованную лабораториями, не позволял удовлетворять потребности Музея в этом отношении в полной мере.

Несмотря на это, работы, производившиеся по укреплению и восстановлению памятников Музея, носили достаточно разнообразный характер. Так, в отношении произведений живописи производились: исправление в слоях грунта и красок, промывка загрязнений и потемнений лака, очищение от плесени, покрытие лаком вновь, устранение выпадов и царапин, закрепление осыпаний, удаление вздутостей, задержание разрывов в холсте, исправление холста для удаления складок, снятие верхних слоев живописи в целях раскрытия нижних, более древних, дублирование с новым холстом, перетягивания на новый подрамник и т. п.

В отношении других памятников производились следующие работы: склеивание вещей из дерева, слоновой кости, фарфора,

глины, золота и пр., закрепление эмали, мозаики, камней на золоте и т. п., очищение от окислов вещей из бронзы, железа, меди, золота и пр., промывка от загрязнений и разглаживание тканей.

Кроме указанных работ, в реставрационной мастерской, за отсутствием специальной монтажной мастерской, производились также другие работы, связанные с экспозицией музейных предметов: монтовочные работы, прирезка стекол, оклейка витрин и ряд других работ.

Общее количество предметов, прошедших через мастерскую доходит до 400.

Особенно сложных приемов реставрации, благодаря сложности повреждений и исключительной уникальности вещей, потребовали следующие предметы: портрет Петра Великого размером 146 с.×214 с.; картина «Кабинет Подключникова»—90 с.×134 с.; портрет Екатерины II, записанный портретом Пугачева, редкий глиняный саркофаг, найденный в окрестностях Боржома, разбитый на 160 кусков и др.

Деятельность реставрационной мастерской выражалась также в участии заведующего Д. Ф. Богословского в комиссиях Исторического Музея, где на него возлагались специальные задания. Так в 1925 г. для комиссии по борьбе с книжными вредителями и вредителями дерева Д. Ф. Богословскому было поручено разработать вопрос о мерах борьбы с вредителями досок. В 1924 г. он же провел ряд бесед по хранению и реставрации картин со слушателями курса по музееведению, читавшемуся Г. Л. Малицким в Государственном Историческом Музее.

В. Н. Щепкин.

В лице скончавшегося 3 декабря 1920 г. Вячеслава Николаевича Щепкина (род. 25 мая 1863 г.) Музей утратил одного из старейших и наиболее выдающихся своих деятелей. Один из лучших современных славистов, вышедший из лингвистической школы покойного акад. Ф. Ф. Фортунатова, в то же время ученик Н. С. Тихонравова и Ф. Е. Корша по Московскому университету и И. Е. Забелина по Историческому Музею, затем профессор славяноведения (с 1907 г.) Московского университета и Московских высших женских курсов, самостоятельный, талантливый историк русского искусства, тонкий знаток славянорусской палеографии, наконец, замечательный стилист в своих литературных и научных трудах,—Вячеслав Николаевич в качестве одного из хранителей Исторического Музея (с 1887 года и до смерти) был истинным создателем Отдела рукописей и книг старой печати в Музее. В его ведении находились поступавшие в Музей собрания славянорусских рукописей, под его руководством и по его выбору приобретались рукописи и старопечатные книги, им же они описывались и регистрировались—до 1912 года, когда, главным образом, при его же участии и по его же плану создано было до тех пор не существовавшее в Музее Отделение рукописей и книг старой печати, ставшее вскоре одним из наиболее крупных русских собраний письменных памятников, миниатюры и старой печати. Новое Отделение было организовано, размещено по определенной системе при непосредственном участии и руководстве В. Н.; им же введена была принятая в то время Музеем «карточная» система каталогизации собраний памятников, для чего им был выработан приуроченный к характеру хранимого рукописного материала, требованиям и задачам Музея тип карточки, сохраняемый без изменений и до настоящего времени и вполне оправдавший себя на практике. Как практический деятель, В. Н.

оставил после себя несколько подготовленных сотрудников, с успехом продолжающих до сих пор работу, как в рукописном, так и в других Отделах Музея.

Понимаемые им широко задачи Исторического Музея дали возможность Вячеславу Николаевичу, рядом с его научными трудами в области славистики, доставившими ему почетное место в науке, внести ряд вкладов и в другие области истории, обнимаемые задачами Исторического Музея; помимо ежегодных научных отчетов о работах в Отделе и новых приобретениях в нем (см. Отчеты Музея за 1905—1910 гг. и Отчет за XXV лет 1913 г.), В. Н. за время своего пребывания в Музее напечатал ряд исследований и изданий памятников, или хранящихся в разных Отделах Музея, или состоящих в тесной связи с хранящимися здесь, дал несколько работ общего характера по истории искусства, по палеографии и т. д., читал в стенах Музея курсы по истории искусства, главным образом русского и для сотрудников Музея, курсы, замечательные по широте и глубине анализа основных течений в искусстве. В чтениях этих, к сожалению остающихся до сих пор неизданными, равно как и в других своих статьях, касающихся истории искусства, В. Н. ближайшим образом примыкал в своих воззрениях к создателям истории русского искусства—Ф. И. Буслаеву и И. Е. Забелину, отчетливо разграничивая задачи и методы истории искусства от задач и методов археологии и истории культуры вообще и т. п., продолжая развивать и углублять далее сделанное его предшественниками.

Этот интерес к истории искусства, возобладавший в последние годы в жизни В. Н. Щелкина, не замедлил отразиться и на его ученых трудах, и на жизни Отделения рукописей Музея. Так, среди работ В. Н. все чаще и чаще появляются труды по русской миниатюре, по памятникам искусства, по палеографии; им разрабатывается, между прочим, славянорусская «вязь», что дало ему возможность внести новые критерии в палеографический анализ материала старой рукописи и художественный в другие вещественные памятники (каковы, напр., шитье, надписи), разрабатывается орнамент рукописей, приведший его к установлению таких же новых критериев; а в Отделении рукописей особое внимание уделяется рукописям лицевым, в результате чего Музей стал одним из наиболее богатых и по количеству, и по подбору собраний именно лицевого материала с раннего (XIII—XIV вв.) времени и вплоть до середины XIX столетия.

Иллюстрацией и вместе с тем некоторым дополнением к крат-

кому, по необходимости, очерку научно-музейской деятельности В. Н. Щепкина служит следующий ниже перечень тех его трудов, которые тесно связаны по содержанию с жизнью и коллекциями Исторического Музея и частью опубликованы были в изданиях самого Музея.

- 1894 г. Памятник золотого шитья начала XV в. (Древности Московского Археологического Общества, XV).
- 1897 г. Ряд небольших статей в „Археологических Известиях и Заметках“ (изд. МАО). Золотой перстень, найденный на Куликовом поле; Фигура Пастыря-старца; Потир XII в. в Переяславле-Залесском (палеограф. часть статьи); Змеевик, найденный в Рязанской губ.; Апокрифическое сказание о Лествице в изображении иконописи (вышло в 1898 г.).
- 1898 г. Ф. И. Буслаев („Этнографическое Обозрение“).
Два лицевых сборника Исторического Музея („Археологические Известия и Заметки“).
- 1900 г. Лицевой сборник Исторического Музея (ИОРЯС Академии Наук).
- 1901 г. Загряжский воздух конца XV века (Древн. МАО, XVIII).
Медные солнечные часы, найденные во Владимирской губ. (там же).
Отчет о поездке за границу (во Второе Отд. Акад. Наук, ИОРЯС Акад. Наук)
- 1902 г. Новгородские надписи graffiti (Древн. МАО, XVІІІ).
Новгородская школа иконописи по данным миниатюры (Труды Археолог. съезда в Киеве.)
Die Cyrillische Ligatur-Schrift (Archiv für slav. Phil., XXV).
Эпоха новооткрытой Троицкой фрески (Древн. МАО, XIX).
Второй отчет Отделению Акад. Наук (ИОРЯС Акад. Наук).
- 1903 г. „Вязь“ (Древн. МАО, XX).
Житие Нифонта, по рукописи Исторического Музея (издание Музея).
- 1904 г. Болгарский орнамент эпохи царя Иоанна-Александра (Сборник в честь Дринова, Харьков).
- 1905 г. Резное тязло XIII в. Исторического Музея (Сборник в честь Ламанского, Спб.).
- 1906 г. Надгробия Исторического Музея. (Отчеты Музея за 1906 и 1913 гг.).
Тверская летопись по списку Исторического Музея (там же).
- 1909 г. Трон Грозного в Московском Успенском соборе (там же).
Московская иконопись („Москва в прошлом и настоящем“, вып. 4—5).
- 1910 г. Миниатюра Сийского евангелия („Голос минувшего“).
Забелин, как исследователь русского искусства (Отчет Музея).
- 1912 г. Памяти В. И. Сизова (там же).
- 1913 г. Рукописи Исторического Музея (там же).
- 1916 г. Источник иллюстрации русских былин („Былины“. I, изд. М. и С. Сабашниковых).
- 1920 г. Учебник русской палеографии (Государственное Издательство).

А. И. Станкевич.

Скончавшийся 23 января 1922 г. Алексей Иванович Станкевич с 1 января 1887 г. был заведующим библиотекой Исторического Музея по 1915 год, когда он оставил службу, но до самой

почти смерти продолжал работать в музейской библиотеке. Родился он в г. Острогжске (Воронежской губ.), получил превосходное домашнее воспитание, давшее ему отличное знание новых языков: английского, немецкого и французского. Среднее образование получил в Москве в частной гимназии Креймана, где основательно изучил древние языки, получил интерес, по словам его автобиографической записки (Архивный Отдел ГИМ), к истории и мифологии. В 1882 г. окончил филологический факультет Московского университета, после чего три года служил в Московском архиве министерства иностранных дел и, наконец, перешел на службу в Музей.

Здесь с именем Алексея Ивановича связано как развитие самой Библиотеки Музея (в это время им принята была и установлена б. городская библиотека—Чертковская, поступила библиотека Герца и др.), так и пополнение других коллекций Музея; равным образом А. И. оставил по себе память в качестве усердного и хорошо подготовленного работника в нескольких областях, входящих в круг ведения Музея.

Наиболее крупные печатные его труды относятся, главным образом, к Отделу «Россика», меньшие—к русской литературе, как новой, так и древней и устно-народной, археологии и т. п.

В числе коллекций Музея находится его коллекция (гравюра, литография, фотография) портретов русских деятелей XIX века. Начав собирать эти портреты для себя, он передал собрание в Музей и продолжал много лет собирать уже для музейской коллекции; будучи знатоком этого рода памятников, А. И. состоял в деятельных сношениях с современными ему собирателями и антикварами, что давало ему возможность приобретать для музейского теперь собрания достаточное количество ценных и редких листов.

Приблизительно с 1890 года его интересы сосредоточиваются на сказаниях иностранцев о России XVI и XVII вв., и он разыскивает, приобретает для музейской Библиотеки, затем описывает и переводит и печатает несколько таких сказаний; сюда относятся: 1. Известие, касающееся подробностей бунта Стеньки Разина (с английского.—Чтения в Общ. ист. и др., 1895, III), 2. Какаш и Таткандер. Путешествие в Персию через Московию, 1602—03 гг. (с немецкого—там же, 1896, II и III). 3. Я. Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козме III о Московии (с латинского, там же, 1905—06 г.). 4. К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена (с немецкого. Русск. Арх., 1903, XI). Переводы эти отличаются большой точностью, большими литератур-

ными достоинствами, тщательностью комментария, почему высоко ценятся специалистами.

Как принадлежавший к известной в 40-х гг. семье Станкевичей (А. И. приходился племянником наиболее из них выдающемуся Николаю Владимировичу), А. И. тщательно собирал все относящееся к деятельности членов этой семьи и «кружка 40-х годов»; результатом этого был довольно значительный и интересный «архив Станкевичей», также переданный А. И. в Музей, а также собрание бумаг Я. М. Неверова, бумаги семьи Щепкиных, перешедшие сюда же в значительной мере при содействии А. И. Сверх того, по связи с этим им сделаны два важных по значению и свежести материала издания: первое—«Николай Владимирович Станкевич. Стихотворения. Трагедия. Проза» (М. 1890)—впервые дающее в возможно полном объеме литературную деятельность этого вдохновителя «кружка 40-х годов», и второе—«Переписка Н. В. Станкевича, 1830—1840 гг.» (М. 1914), ставшая теперь только, за небольшими исключениями, в этом издании доступной исследователям. Кроме мелочей по истории новой русской литературы (о Пушкине, Грибоедове, Каховском, Фон-Визине и др.), А. И. принадлежит открытие и издание небольших, но ценных памятников старинной и устной литературы: 1. Два памятника старинной русской письменности (заговоры—амулеты в списке XVII в.—«Археол. Изв. и Зам.» 1894, № 12). 2. Отрывки былины об Алеше Поповиче (в записи также XVII в., чрезвычайно редкий и важный по редакции текст—Древности Моск. Арх. Общ. XV). Наконец, подобно другим своим сотоварищам по Музею, и А. И. принимал деятельное участие в «Археологических Известиях и Заметках», помещая в них (частью под инициалами, частью без всякой подписи) ряд критических заметок о новых книгах по археологии и истории; здесь же (1896 г. № 11—12) им дан перевод с немецкого руководства Я. Аппельгрена «Способ Крефтинга для чистки и сохранения металлических (древних) вещей». Не будучи присяжным библиографом, А. И. мастерски, однако, владел этим методом: об этом свидетельствуют все его печатные труды.

Н. Н. Кононов.

Бывший заведующий Отделом архива бытовых и историко-литературных материалов ГИМ Николай Николаевич Кононов родился в Москве 22 апреля 1881 г. Среднее образование получил во 2-й Московской гимназии, высшее—на словесном отделении историко-филологического факультета Московского университета

(1899—1903 гг.), где занимался, главным образом, под руководством проф. М. И. Соколова, по предложению которого и был оставлен при университете для приготовления к профессорской деятельности по истории русской литературы. С 1 января 1905 г. Н. Н. поступает штатным помощником библиотекаря в ГИМ, остается на этой должности до 1912 года, когда, в звании младшего хранителя, становится заведующим только что образованным Архивом бытовых материалов, где и остается до самой кончины.

С 1906 г. и до смерти Н. Н. был преподавателем Московских высших женских курсов, где вел практические занятия по истории старой русской литературы. В Музее на долю Н. Н. выпало самое устройство, организация и выработка программы работ вновь основанного Отдела, что и выполнено было им с успехом: Архив в значительной степени продолжает свое развитие и работу по программам, разработанным Н. Н.

Одновременно с рядовыми служебными обязанностями сперва по Библиотеке, затем по Архиву, Н. Н. выполнял поручения Музея: он обозревает на месте (в Верейском уезде, Московской губ.) архив Киреевских, обследует собрание памятников старины М. Ф. Плюшкина (в Пскове), предполагавшееся к приобретению в Музей, принимает для Музея большое собрание рукописей И. А. Вахромеева (в Ярославле), участвует в приеме библиотеки И. Е. Забелина, начинает печатанием ее каталог (в свет не вышедший) и т. д.

Пришлось Н. Н. отдавать силы и общественному служению: он состоял одно время председателем Союза работников Музея, затем кооператива при Музее.

Научно-исследовательская и преподавательская деятельность Н. Н. началась еще на студенческой скамье: уже в 1901 г. он делает первый свой научный доклад в Славянской Комиссии Московского Археологического Общества (где вскоре он становится членом и одним из самых деятельных его участников), в 1904 г. получает в университете премию имени Володи Павлова за сочинение о смехотворных повестях XVII и XVIII вв. (осталось в рукописи), состоит членом Московской Диалектологической Комиссии при Академии Наук, Общества Друзей Исторического Музея.

Печатные работы Н. Н. относятся к области древнерусской литературы, отчасти же методологических вопросов русской литературы вообще, отличаются значительной эрудицией, большой критичностью, что подавало надежды для русской науки получить в лице Н. Н. выдающегося работника. Но преждевременная кончина прервала при самом начале так хорошо начавшуюся научную деятельность Н. Н. Он скончался 39 лет, сломленный недоеданием

и сыпным тифом в годину голода, не отличаясь и без того крепким организмом (6 апр. 1920 г.).

Печатные труды Н. Н.: 1. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава (Бог. Вестник 1904, № 4), 2. Из области астрологии. Обзор статей рукописи XVIII в. А. Г. Первухина (М. 1905. Древности Слав. Ком. МАО, т. IV), 3. Введение в историю русской литературы (М. 1920, изд. «Задруги»—издание посмертное).

М. А. Голубцова.

Скончавшаяся 1 января 1925 г. помощница заведующего Отделом архива ГИМ Мария Александровна Голубцова, дочь профессора-археолога, родилась 19 октября 1888 г. в Сергиевом посаде, Московской губ.

Окончив с золотой медалью посадскую женскую гимназию, она поступила в 1906 г. на историко-философский факультет Московских высших женских курсов, где специализировалась по русской истории и русской литературе.

Ближайшими руководителями М. А. в эти годы явились проф. М. Н. Сперанский и М. М. Богословский. Выпала также М. А. счастливая доля прослушать лекции проф. В. О. Ключевского в университете (1907 г.) и в Школе живописи (1909—10 гг.). Лекции эти произвели на нее то неизгладимое впечатление, о котором она рассказала в своих воспоминаниях о Василии Осиповиче, помещенных в сборнике «У Троицы в Академии» (1814—1914 гг.).

Упорная работа по специальности, живой интерес к занятиям, быстрое умение ориентироваться в материале, владение научным методом и яркость изложения скоро выдвинули М. А. из студенческой среды. В 1911 г. печатаются ее кандидатские работы: «Московская школа при Петре Великом» и «Московская школа при Екатерине» (в издании «Москва в прошлом и настоящем»); «К вопросу об источниках русских хождений во св. Землю. Поклонение св. граду Иерусалиму» (Чтения в Общ. Ист. и Др. Росс. 1911, IV).

Выдержав в 1913 г. государственные экзамены при Московском университете, М. А. была оставлена историко-философским факультетом Московских высших женских курсов по представлению проф. М. Н. Сперанского. Она серьезно готовилась к магистерским экзаменам, но ее задерживали с одной стороны внешние события: война, разруха, революция, с другой—быстро развивавшаяся болезнь (туберкулез).

Избранная по окончании своей подготовки сотрудницей На-

учно-исследовательского института, успев сдать и магистерские экзамены, М. А. не получила, однако, возможности отдаться всецело занятиям. Еще в 1911 г. М. А. поступает в Российский Исторический Музей, где она последовательно служит в Ученом Секретариате, в Отделах рукописей и архива. С большой благодарностью всегда вспоминала М. А. своих непосредственных руководителей: проф. В. Н. Щепкина и Н. Н. Кононова.

Историк по складу ума, она горячо любила архивную работу, видела в ней живое нужное дело и до конца дней надеялась на возвращение в Музей, для которого писала ослабевшей рукой карточки. РИМ удовлетворял в М. А. прежде всего ее основной интерес—интерес к быту, тот интерес, который одновременно требует и знания прошлого и наличия тонкого художественного вкуса. Так создались статьи М. А.: «Барская Москва и ее подмосковные» («Москва»—путеводитель, изд. Кушнерева), «Святая София в народном сознании» (в рукописи). Горячая пушкинистка, М. А. издала «Письма гр. В. А. Сологуба к А. С. Пушкину по поводу их дуэли» (Отчет Исторического Музея, М. 1914) и оставила неоконченный труд об А. С. Смирновой-Россет, подготовлявшийся для серии «Пушкин и его друзья» (изд. М. и С. Сабашниковых).

Медленно и трудно умирая совсем молодой во всеоружии знания, с созревшими научными взглядами, М. А. больше всего сожалела о невозможности выявить все то, чем она жила, что зрело в ее сознании.

Л. И. Бирюкова.

14 апреля 1920 г. скоропостижно скончалась многолетняя сотрудница Исторического Музея Лидия Ивановна Бирюкова.

Поступила она на службу на жалованье 15 руб. в месяц в качестве помощницы по переписке ученого секретаря Музея В. И. Сизова, в сентябре 1889 года в то время, когда Музей только что начинал устраиваться и ученый персонал, кроме библиотекарей, состоял всего из 4-х лиц, включая товарища председателя (теперешняя должность директора).

С первых же лет ученая деятельность Музея начала развиваться, письменной работы было много, и научная переписка ученого секретаря в значительной степени лежала на его помощнице.

Прирост коллекций, особенно эстампов, иконных прорисей и других листов, был значительный, требовавший более или менее

научного разбора, что было поручено Лидии Ивановне, которая с успехом и разобрала типологически огромную массу, свыше 10,000, иконных прорисей и много сотен народных картин.

Безупречная и полезная деятельность этой скромной работницы была поощрена в 1914 году празднованием Музеем 25-летия ее службы, а правительство наградило ее золотой нагрудной медалью.

Из женского персонала сотрудников Музея она долгое время была единственной работницей.

СВОДКА МАТЕРИАЛОВ КОМИССИИ ПО РЕОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

Комиссия была образована в апреле 1921 г. по постановлению Главмузея, утвержденному замнаркомом по просвещению М. Н. Покровским, и работала в составе, с одной стороны, непосредственных работников Российского Исторического Музея Н. М. Щекотова, А. В. Орешникова, В. А. Городцова, Е. Ф. Корша и Г. Л. Малицкого, с другой—привлеченных к этой работе ученых специалистов в области истории материальной культуры, не принадлежащих к персоналу Музея: Д. Н. Анучина, С. В. Бахрушина, В. В. Богданова, М. М. Богословского, Р. Ю. Виппера и Ю. В. Готье.

Председателем Комиссии по ее избранию состоял Н. М. Щекотов.

Обязанности секретарей выполняли А. А. Буслаев и В. О. Камерницкий; обработка и согласование материалов Комиссии возложены были на Г. Л. Малицкого.

Заслушав вступительное слово председателя Комиссии, директора Российского Исторического Музея Н. М. Щекотова, охарактеризовавшего общие задачи ее (в области установления твердых научных основ для дальнейшего развития Российского Исторического Музея) и наметившего программу ее деятельности, Комиссия ознакомилась с историей собирательской работы Музея и его экспозиционного развертывания (из доклада А. В. Орешникова) и с предварительными работами по выяснению необходимых для Музея реформ, производившимися в течение 1920—21 года в самом Музее (из доклада Г. Л. Малицкого), после чего произведен был подробный осмотр коллекций Музея в экспозиционных залах и в закрытых хранилищах.

Приняв в качестве основного положения принадлежность Российского Исторического Музея к общему типу музеев историко-

культурного порядка и определение этого Музея, как центрального Музея истории русского быта, Комиссия заслушала специальный доклад М. М. Богословского, посвященный раскрытию термина «истории быта» в широком понимании и выяснению тех отраслей и элементов быта, которые могут и должны быть представлены в данном Музее.

На основе этого доклада понятие «быта» применительно к задаче Российского Исторического Музея было определено, как образ жизни народа в связи с создаваемой им материальной, вещественной обстановкой (так наз. «материальный быт») и в связи с совокупностью наиболее распространенных в нем явлений духовного порядка (так наз. «духовный быт»), поскольку то и другое выявляется в вещественных (в широком смысле) памятниках; понятие же «истории быта» установлено было как воссоздание—в памятниках—последовательного развития этого быта в прошлом (в противоположность современности, как таковой).

Вместе с тем Комиссия отметила, что Российский Исторический Музей должен иметь в виду, главным образом, быт «домашний» или «частно-семейный», так как «общественно-государственный» быт в вещественных памятниках выявляется несомненно слабее.

Самый же круг вещественных памятников быта, необходимых Историческому Музею и различающихся по тем союзам, целям которых те или другие из них служили (семья, общество—в частности определенная сословная или социально-экономическая группа, церковь, государство и т. д.), был определен в виде следующего перечня важнейших и основных категорий (по признаку бытового назначения):

- 1) жилище, иначе: здания частные и общественные (главным образом, в соответствующих фрагментах, воспроизведениях и пр.);
- 2) обстановка жилищ (зданий): утварь, мебель, произведения ремесла или искусства, но не как эстетические произведения, а как предметы обстановки;
- 3) одежда и личные украшения;
- 4) орудия производства (хозяйства);
- 5) оружие;
- 6) средства сообщения;
- 7) орудия торговли (обмена);
- 8) предметы, имеющие отношение к области воспитания, обучения и просвещения вообще;
- 9) предметы увеселения и игр;
- 10) предметы обряда и культа;
- 11) специальные вещественные проявления государственного и

общественного быта (монеты, знаки отличия, орудия наказания и пр.);

12) кроме перечисленных, также и другие разного рода предметы, в обстановке которых протекают или с которыми связаны отдельные моменты или периоды жизни отдельного лица или того или другого союза лиц.

Вместе с тем Комиссия установила, что последовательное осложнение быта в процессе его развития может и должно обуславливать соответствующие изменения в отношении общего круга перечисленных категорий и охвата некоторых из них в отдельности в деле представления той или другой эпохи в Российском Историческом Музее: в смысле расширения их (например, включение памятников государственного быта с начала государственного периода), или же напротив сужения (например, выделение предметов, относящихся к специальным видам техники, со времени особенно интенсивного развития этой последней, в ведение особых музеев прикладных знаний).

По этим соображениям и в связи с количественным обилием сохранившихся от второй половины XIX века и первых двух десятилетий XX века и вновь отлагающихся бытовых материалов, как объектов для собирательской деятельности Музея, было признано необходимым в отношении указанного периода, а также современности и дальнейшего будущего выработать в последующем особую программу и отчасти особые приемы собирательства.

Имея в виду приведенную схему бытовых категорий, Российский Исторический Музей должен дорожить в особенности всеми предметами, более или менее точно датируемыми, в отношении времени, а также места и социальной среды, как вехами для дальнейшей работы над памятниками менее определенного порядка; в силу этого соображения Исторический Музей должен, по мнению Комиссии, стремиться в особенности к систематическому подбору всего исторически достоверного в указанных отношениях по самым различным сторонам вещественной культуры в ее прошлом.

В области осуществления Российским Историческим Музеем своего основного задания, как центрального историко-бытового Музея, Комиссией признана была необходимость обслуживания им как насущных потребностей исторической науки, нуждающейся и в аналитическом изучении и в синтетическом восприятии памятников культуры, так и запросов, широких масс, в деле усвоения ими основных этапов последовательного развития быта.

Другими словами: Российский Исторический Музей, по заключению Комиссии, должен быть в пределах своей основной задачи одно-

временно и специальным научно-исследовательским учреждением и учреждением наглядно-показательным и популяризационным.

Попутно с обсуждением различных вопросов, касающихся задач, структуры и состава коллекций Исторического Музея, был освещен в отдельных своих частях общий вопрос о разграничении в указанных отношениях Российского Исторического Музея, с одной стороны, и музеев других типов—с другой (т.-е. музеев художественных, этнографических, музеев прикладных знаний, музеев краеведческих с историко-бытовой частью и др.).

Было отмечено, что подобное разграничение должно быть проведено, главным образом, в отношении задач музеев, их общих и специальных подходов к музейному материалу и методов работы; по отношению же к материальному составу музеев это размежевание не может быть осуществлено со всей категоричностью; другими словами: материальный состав Российского Исторического Музея в отдельных своих частях по необходимости должен соприкасаться и даже совпадать с составом других музеев, при чем, по заключению Комиссии, подобный частичный параллелизм в области материалов не представляет никакой опасности для чистоты и выдержанности основного типа «историко-культурного» музея в Музее Российском Историческом: этот последний осуществляет свой собственный, «историко-культурный» подход к музейному материалу в общегосударственных рамках и устанавливает совершенно своеобразное его освещение, резко отличающиеся от подходов и освещения в других музеях.

Так, памятники прошлого хозяйственного быта, орудия производства, средства сообщения и тому подобные материалы, относящиеся к категориям, отвечающим специальным задачам музеев технических или более широкого круга прикладных знаний на исторической основе, должны быть представлены в той или другой мере и в Российском Историческом Музее; но в Историческом Музее они должны рассматриваться и освещаться как памятники быта, а в музеях технически-прикладного характера—с точки зрения развития соответствующих специальных видов техники.

То же и по отношению к памятникам искусства: если они составляют в общем и целом предмет ведения музеев художественных, то с другой стороны они необходимы и для Российского Исторического Музея. Но для Исторического Музея памятники «изобразительных» искусств нужны постольку, поскольку они имеют существенное историко-иконографическое значение (в смысле изображения исторических деятелей, событий, зданий и т. п.) или являются художественным выражением уклада той или

иной эпохи, воспроизведением бытовых типов ее, жизненной обстановки, нравов и обычаев и т. д., а также—поскольку они представляются типическими со стороны бытового использования, в смысле вхождения в бытовой инвентарь своей эпохи, удовлетворения ими потребностей украшения жилья, обслуживания религиозно-культовых целей и т. д. Что же касается памятников так называемого «прикладного искусства», то они, являясь необходимыми Историческому Музею в более широких размерах, освещаются им, главным образом, с точки зрения эволюции бытовых форм (а не с точки зрения истории художественного стиля, как такового, художественной техники и т. п., как это имеет место в музеях декоративного искусства). Вместе с тем, Комиссией было отмечено, что на практике решение вопроса о размежевании в отношении художественных материалов Российского Исторического Музея с музеями художественными в сильнейшей степени облегчается тем, что в целом ряде случаев художественные памятники, являющиеся существенно важными для истории искусства, не представляют большого значения для истории быта, и наоборот.

То же и по отношению к осуществляемому Российским Историческим Музеем собирательству памятников народного (в узком понимании), т.-е. крестьянского быта, представляющих интерес и для этнографических музеев; размежевание устанавливается и здесь отчасти в отношении самого материала, главным же образом—в отношении основных подходов:

1. В отношении материалов: природе этнографических музеев соответствует установка преимущественно на современный период быта, т.-е. тот, когда он еще не является историческим в собственном смысле (например, быт современного русского или финского населения), а интересы Российского Исторического Музея, как музея историко-бытового, лежат, главным образом, в области прошлых бытовых эпох.

2. В отношении основных подходов и общего освещения—соответственно с различиями в задачах и методах истории и этнографии: история имеет одним из своих источников вещественные предметы быта (включая быт крестьянства), сохранившиеся от прошлого времени, точно датированные или, по крайней мере, поддающиеся приблизительной хронологической датировке, тогда как этнография изучает прошлое в настоящем и обследует пережитки старого времени в быту современном и таким образом имеет своим основным материалом явления и предметы, взятые из современности; в связи с этим принципиальным различием,

этнографический музей воспроизводит, главным образом, быт народных масс в настоящем, а памятники старого народного быта рассматривает, как материал, важный для сопоставления с бытом современным в целях исторического освещения этого последнего, тогда как историко-бытовой музей должен представлять историю быта народа как таковую, (во всем разнообразии его социальных групп) в исторически-достоверных памятниках.

В связи с указанными двумя положениями бытовое изображение жизни крестьян в новейшее время (XIX—XX вв.) является для историко-бытового музея лишь одним из последних этапов изучения и экспозиции быта данного общественного класса, для этнографического же музея оно составляет основу всего построения в области отечественной или местной этнографии; вместе с тем этнографический музей представляет этот быт в территориально-этнических вариантах, достаточно разнообразных, тогда как центральный историко-бытовой музей, каковым является Российский Исторический Музей, может и должен ограничиться в этом отношении самыми основными типами.

Подобным же образом отграничиваются задачи и материал Российского Исторического Музея и от музеев краеведческих, поскольку таковые заключают историко-бытовые отделы: на Российском Историческом Музее, как центральном музее по истории быта, лежит воспроизведение быта отдельных территорий лишь в основных чертах, притом, главным образом, по отношению к тем периодам, когда данная область играла существенно важную роль в общей истории населения государственной территории и в создании общегосударственной культуры, отклоняя от себя специальное воспроизведение бытовых картин тех периодов в истории той или другой местности, когда быт ее имел замкнутый провинциальный характер, и выясняя по преимуществу широкие бытовые типы, а не мелкие территориальные варианты и т. д. Местные же, краеведческие музеи должны иметь в виду историю той или другой местности во всей полноте и со всей возможной детализацией, во всем многообразии вариантов.

Принципы размежевания состава и задач Российского Исторического Музея в области собирания, и использования (научного и просветительного) рукописей, архивных документов и печатных книг, с соответствующими специальными учреждениями (архивами и библиотеками) изложены в дальнейшем.

Пытаясь разграничить задачи, состав и работу Российского Исторического Музея и музеев других типов, Комиссия пришла к твердому убеждению в необходимости того, чтобы и прочие,

центральные по крайней мере, музеи взяли на себя труд со своей стороны возможно точнее и конкретнее определить важнейшие черты своего научного облика, с тем чтобы можно было вполне отчетливо отграничить их интересы и запросы от круга таковых же Российского Исторического Музея.

Выясняя размеры основной задачи Российского Исторического Музея, Комиссия подробно остановилась затем на вопросах об общих хронологических пределах для материального состава этого музея, об основных границах его территориальной, географической базы и об этнических и социальных рамках для собираемых в нем коллекций.

Вопрос об общих хронологических пределах решен Комиссией следующим образом: Российский Исторический Музей имеет задачей представить не только историю быта русского народа, как такового, на всем протяжении этой истории, но и культурно-бытовое прошлое населения территории, занятой впоследствии русским народом, поскольку оно выявляется в вещественных остатках человеческого быта (в археологических памятниках), т.-е. быт всех древнейших насельников этой территории. Другими словами: в отношении периода до основания русского государства в Музее должны находить место, наряду с древнейшими памятниками восточного славянства, также памятники всех культур, бытовавших на российской территории ранее этого времени, начиная от древнейшего каменного периода; таким образом, в качестве начального хронологического предела было признано время, к которому относятся древнейшие следы пребывания человека на российской территории.

Необходимость объединения в Российском Историческом Музее быта собственно исторического (с точки зрения истории русского народа, т.-е. со времени появления собственной письменности), с бытом предыдущих эпох в указанных пределах, обоснована Комиссией, по заслушании специальных докладов В. А. Городцова и Ю. В. Готье, следующими соображениями:

1. Основные методологические приемы для изучения древнейшей русской культуры исторического периода по существу являются теми же, что для изучения памятников археологии доисторической и ранне-исторической.

2. Сама хронологическая грань, отделяющая памятники археологические от исторических в собственном смысле, является в значительной степени условной.

3. В связи с указанными соображениями, дисциплина «истории» в ее современном состоянии не находит нужным резко

отделять изучение исторического быта от доисторического; так в ряде курсов русской истории (Любавского, Богалея, и некоторых других) изложение этой истории начинается с обзора памятников доисторической археологии на российской территории.

4. Культура русского народа и русская государственность сложились под несомненным влиянием как культурных народностей, действовавших на исторической сцене в течение времени, последовавшего за возникновением русского государства, так и более древних культур российской территории, и вне этих влияний ни развитие русской культуры, ни самые начала ее не могут быть в достаточной степени уяснены; восточные славяне, расселившиеся на данной территории, унаследовали ее от более ранних ее насельников со всеми изменениями, внесенными ими в общую культурно-географическую картину, с привычными уже путями сообщения, со всеми культурными пережитками прошлых опытов бытового творчества и с отложениями разнообразных культурных влияний, передававшихся путем торговых и иных сношений. С этой стороны, бытовая история российской территории до и во время расселения на ней восточных славян является естественным введением в историю собственно-русской бытовой культуры. Во всяком случае, провести отчетливую грань между теми культурами российской территории доисторического (с точки зрения русской истории) периода, которые имеют права на определенное место в составе Российского Исторического Музея, и теми, которые должны или могут быть представлены в каком-либо другом музее,—является невозможным.

5. Наконец, доисторическая коллекция Российского Исторического Музея уже достаточно богата и систематична, она—единственная в России, и обезличивать ее, обращая в фонд для образования какого-либо нового специально-археологического Музея представляется явно нецелесообразным.

Что касается конечного хронологического предела для экспозиционной работы Музея, то таковым пределом для настоящего момента Комиссией признана была эпоха так наз. «общественных реформ» (60-е годы XIX в.) в виду того, что: 1) бытовые памятники позднейшего времени, как слишком близкие к современности не являются еще в настоящее время объектами строго научного систематического и всестороннего музейного изучения и 2) общее представление о бытовой стороне этих эпох по той же причине недостаточно кристаллизовалось для своего воплощения в четких музейных экспозиционных картинах. По этим соображениям, Российский Исторический Музей в отношении периода после 60-х го-

дов XIX в. должен ограничиться пока лишь собирательской деятельностью, т.-е. накоплением бытовых материалов, главным образом, таких, которые представляют собой уже вымершие бытовые явления, т.-е. вещи, уже вышедшие из обихода или готовые исчезнуть, притом, как сказано было выше, по особой программе.

Пределы географической базы Российского Исторического Музея Комиссия признала возможным определить на основе установления тех культур, памятники которых должны найти себе место в этом Музее (см. далее). В главнейших и общих своих очертаниях эти территориальные, географические пределы более или менее совпадают с границами Российского государства довоенного времени, однако, по отношению к периоду собственно исторической государственной жизни русского народа—с известными поправками в ограничительном или, наоборот, в распространительном смысле; так, с одной стороны, отдельные части этой территории должны привлекать к себе внимание Российского Исторического Музея, поскольку они в ту или другую эпоху принимали участие в русской государственной жизни и в создании и развитии общерусской культуры, а не жили изолированной провинциальной жизнью; например, история и быт Прибалтийского края представляет интерес для Исторического Музея, главным образом, в XVIII веке, Украины и Белоруссии—в древнейший период русской истории (до половины XIII века) и затем Украина—в XVII и XVIII вв., а Белоруссия—в XIV—XVI вв. и т. д. С другой стороны, поскольку в русской государственной жизни и общерусском культурном развитии принимали участие также и территории, оказавшиеся впоследствии за пределами политических границ государства (напр. Галицкая Русь), эти области желательно также представить в Историческом Музее в характерных памятниках, относящихся к тем эпохам, когда эти области играли указанную выше политическую и культурную роль в русской истории. История же каждой отдельной области в исчерпывающей полноте должна найти себе место, в музеях областного или краевого характера.

Вопрос об этнических группах, культуры которых должны быть представлены в Российском Историческом Музее, разрешен Комиссией следующим образом: для Музея существенно необходимы: 1) памятники, относящиеся к быту различных частей русского народа, в том числе и памятники иноземного происхождения, бытовавшие в этой среде, 2) бытовые памятники всех других этнических групп на российской территории, принимавших уча-

стие в создании русской культуры и государственности или, по крайней мере, оказывавших в этом отношении определенное воздействие, — притом в степени, определяемой этим участием или воздействием (так, например, в Историческом Музее должны найти себе место памятники древних финских племен, царства болгар, золотоордынских татар, и пр.), — и, наконец, 3) строго необходимые для освещения собственно русских памятников коллекции памятников иноземного происхождения из небытовавших в России.

По указанным принципиальным соображениям, на основании доклада Ю. В. Готье и сделанных к нему дополнений, было принято следующее:

1. В отношении периода ранее основания древнейшего русского государства в Музее должны быть представлены памятники всех культур, бытовавших на российской территории до указанного времени, начиная от древнейшего каменного периода. Сюда относятся: а) те древнейшие культуры, национальность которых неопределима, но которые характеризуют условия существования человека на данной территории в глубокой древности, а также отчасти дают указания в области путей сообщения, обмена, культурных связей и т. п. (культуры палеолитической, неолитической и частью бронзовой эпох); б) памятники азиатских культур, проводивших на данной территории влияние яфетических и месопотамских цивилизаций (памятники Ванского царства, Кобанская бронзовая культура, памятники Южного Кавказа, связанные с жизнью исторического народа Наири, и др. древнейшие памятники Кавказа; в) памятники античных греческих колоний Черноморского побережья; г) памятники скифо-сарматские; д) памятники римских колоний Северного Кавказа; е) памятники времен переселения народов (готские, ранне-финские и др.); ж) древнейшие памятники хазар (до X в.); з) древности Сибири, указывающие на культурное влияние цивилизаций китайской и индийской; и) наиболее ранние подлинно-славянские древности; к) археологические памятники Финляндии и др.

2. В отношении периода от основания древнейшего русского государства до настоящего времени в Музее должны быть представлены, помимо историко-бытовых памятников всех ветвей и отраслей русского народа (подробнее об этом говорится в дальнейшем), также памятники иных народов, обитавших на российской территории, а частью и за ее пределами, поскольку все эти народы оказывали непосредственное влияние на историю и быт русского народа и на историю русского государства, как такового. Сюда

относятся: а) памятники византийские (преимущественно византийских колоний Юга России); б) памятники хазарские (с X века); в) памятники скандинавские, поскольку они иллюстрируют роль скандинавов в России в IX—XI вв., а по отношению к Новгороду и позднее; г) памятники славянских народов (южных и западных), особенно Болгарского царства и Польши (с X по XIII век); д) памятники кочевых народов Юга России (печенегов, венгров, половцев и др.); е) памятники болгар камских; ж) памятники татар золотоордынских, нагайских и крымских; з) памятники финнов западных и финнов, населявших среднюю Россию—бассейн Оки и верхней Волги, а также финнов прикамских, поскольку все эти племена оказывали влияние на древний Новгород и Суздальскую Русь (IX—XIV вв.); и) памятники старой немецкой культуры, характеризующие влияние немецких торговых городов на древний Новгород; к) памятники литовские; л) памятники закавказские (грузинские и армянские), поскольку их влияние отразилось на русском искусстве и на быте церковном; м) памятники Приуралья и Сибирского царства эпохи Кучума и завоевания Сибири; н) памятники западно-европейских и азиатских культур, проникавшие в Московское государство; о) памятники немецкой культуры Прибалтийского края, оказавшие сильное влияние на русскую культуру в XVIII веке; п) памятники западно-европейских культур, входившие в обиход высшего общественного слоя XVIII века; р) наконец, в Музее должны находиться необходимые показательные, строго ограниченные в количественном отношении, коллекции памятников западного и восточного прикладного искусства из небытовавших в России в качестве сравнительного материала для выяснения иноземных влияний в памятниках русского быта.

3. Исторический быт самого русского народа должен быть представлен в Историческом Музее во всей полноте, т.-е. обнимать бытовые древности всех ветвей и отраслей русского народа, как-то: великоруссов, украинцев, белоруссов, донских казаков, русских колонистов Кавказа и Сибири. При этом в Российском Историческом Музее должны найти место памятники исторического быта также тех ветвей русского народа, политическая история которых протекала большей частью отдельно от его основного массива (Галиция и Угорская Русь). Однако, все эти материалы, касающиеся отдельных частей русского народа, привлекаются Российским Историческим Музеем с оговорками, указанными выше, т.-е. сообразно с их ролью в общем историческом процессе.

Вопрос о социальных рамках для материального состава Музея, т.-е. о классовых и сословных группах, которые должны быть

представлены в Российском Историческом Музее в памятниках их быта, и о степени и способах проведения социального принципа в экспозиции Музея разрешен Комиссией следующим образом (на основании специальных докладов Ю. В. Готье, М. М. Богослэвского, и С. В. Бахрушина):

В Музее должны найти себе место памятники быта всех классов русского общества, т. к. все эти классы принимали участие в работе по созданию русской культуры и государственности: они все должны быть освещены Российским Историческим Музеем в отношении их вещественного быта. Совокупность всех этих социальных образований может быть подразделена на три основные категории, на которые всегда распадалось русское общество в исторический период:

1. Высшие классы (верхний общественный слой в Киевской Руси, западно-русские паны и шляхта XV—XVII вв., казачья старшина XVII—XVIII вв., служилые люди Московской Руси, дворянство XVIII—XIX вв.).

2. Город (древне-русский город, северно-русские городские республики, западно-русские и южно-русские города XV—XVIII вв., города Московского государства, города эпохи империи).

3. Крестьянство (в древней Руси, в западной и южной Руси, в Новгородской и Московской Руси, в России императорской эпохи).

К этим основным группам примыкают династические роды и фамилии (великие и удельные князья, цари, императоры, и их семьи), духовенство, военное сословие, казачество в его разнообразных формах и проявлениях.

Что касается, в частности, крестьянства, то на вопросе о представлении его бытовой истории Комиссия остановилась особо в силу того, что эта задача до известной степени соприкасается с заданиями Музеев другого типа—этнографических (общие положения для отграничения Российского Исторического Музея от этнографических Музеев приведены были выше). Кроме принципиального соображения о том, что крестьянство является одним, и притом наиболее многочисленным, общественным классом, принимавшим наряду с другими классами непосредственное участие в создании русской бытовой культуры, комиссия выдвинула еще и следующие основания, подробно изложенные в соответствующем специальном докладе С. В. Бахрушина:

1) важнейшее значение изучения крестьянского быта, притом не только старинного, но и современного, для исторически правильного освещения и уяснения основ бытового уклада других

общественных групп (так, например, в боярских и царских хоромах Московской Руси встречались те же черты постройки, внутреннего устройства и обстановки, как и в крестьянской избе);

2) значительная общность крестьянского материального и духовного быта с бытом других общественных групп до конца XVII в.;

3) постоянная бытовая связь крестьянства с другими общественными группами, общность ряда культурно-исторических процессов, пережитых крестьянством совместно с этими другими группами и взаимные воздействия в области быта;

4) осложнение, под влиянием указанных выше процессов, крестьянского быта в ряде случаев особыми чертами отнюдь не этнологического, но культурно-исторического порядка, позднее утраченными; таковы некоторые черты, указывающие на видоизменение самого культурного размаха в быту отдельных частей крестьянства в те или другие периоды; например, на основании письменных памятников, относящихся к северо-восточным областям Московского государства, так называемому Поморью, выясняется, что в XVII в. материальный быт поморского крестьянства был гораздо выше обычного представления о крестьянском быте: в описях упоминаются ценные конские уборы, иностранные материи и т. д., что объясняется участием местного крестьянства в торговле с Западной Европой через Архангельск и Сибирь;

5) сравнительная близость к крестьянскому обиходу быта торгового и промышленного купечества в XVIII и частью в XIX веках.

Что касается выявления сословно-классового принципа в картинах общей эволюции русского быта в музейной экспозиции, то степень этого выявления Комиссия признала стоящей в теснейшей зависимости от самого характера дошедших до нас вещественных памятников и потому неодинаковой для разных эпох.

В основу дальнейших заключений по данному вопросу положен был специальный доклад М. М. Богословского: для более древних периодов русской истории (X—XV века) резко обособленное выявление быта правящих групп и остального населения (несмотря на то, что в культуре первых из них играли значительную роль иноземные влияния, слабо проникавшие в народную толщу), вообще говоря, трудно осуществимо по самому характеру, сохранившихся от этих периодов, культурных остатков, однако, там, где это окажется возможным, является принципиально желательным сильное выяснение различий культуры правящих общественных групп от культур племенных; для Московского государства XVI—

XVII вв. эту специальную дифференциацию быта (т.-е. быт определенных общественных групп— бояр, посадских, крестьян и пр.) можно и необходимо оттенить уже несравненно сильнее: по крайней мере, для XVII в. необходимо отмечать сословно-классовое происхождение памятников, а отчасти показать в самой экспозиции, на отдельных примерах, обнаружившееся, в силу вторжения новых западно-европейских черт, отклонение некоторой части верхнего общественного слоя в своем бытовом укладе от старо-русской бытовой традиции; в полной же мере выявить в памятниках социальное расчленение русского общества до конца XVII века представляется невозможным, как по внешним причинам—сравнительной малочисленности памятников, так и по внутренним—значительному единству материального и духовного быта русского общества до конца XVII века. Такова, например, общность основной структуры жилища, элементов одежды, одинаковость мировоззрения, религиозных верований и обычаев и т. п.; с конца же XVII века, а особенно с первой четверти XVIII в., социальное расслоение бытового материала должно быть выявлено с особенной отчетливостью, так как в эту эпоху полагаются прочные основы будущего резкого сословного расчленения общества, с непосредственным выражением этой дифференциации и во внешней стороне бытового уклада различных социальных групп: особенно в связи с тем, что в область частно-семейного быта господствующих классов широкой струей хлынуло западное влияние, и в последующем верхние слои общества в своем быту отражали определенную смену западно-европейских влияний и стилей, тогда как народные массы, продолжая жить в бытовой обстановке прежних столетий, сохраняли в известной чистоте устойчивые формы традиционного быта.

Что же касается самых способов представления быта XVIII и XIX вв. по основным социальным группам в музейной экспозиции, то были предложены два таких способа (в докладах М. М. Богословского и Н. М. Щекотова). Первый—это экспозиция, показывающая тип бытовой обстановки той или другой общественной группы; по отношению к Российскому Историческому Музею Комиссия признала желательным, помимо устройства соответствующих выставок в самом здании Музея, использовать для иллюстрации дворянского быта сохранившиеся барские усадьбы, в качестве филиальных отделений Музея, и в качестве таких же филиалов некоторые городские особняки, как, например, «Дом Сороковых Годов» в Москве. Второй способ—экспозиция предметов, составлявших обстановку определенного исторического деятеля; помимо

персонально-меморативного значения (собрания реликвий, непосредственно связанных с данным деятелем), эта экспозиция может служить и для иллюстрации быта эпохи и общественного класса, к которым этот деятель принадлежал.

Далее, Комиссией решен вопрос о делении исторического и доисторического быта на эпохи, применительно к осуществлению заданий Российского Исторического Музея, как Музея истории русского быта.

По вопросу о взаимоотношениях между археологией в собственном смысле и историей и о классификации археологических собраний Российского Исторического Музея, были заслушаны специальные доклады В. А. Городцова и Д. Н. Анучина, легшие затем в основу общей схемы, в части, касающейся коллекций археологических в собственном смысле.

Грань между, доисторическим и историческим временем на российской территории должна, по мнению Комиссии, пройти внутри металлического периода, приблизительно по линии, отделяющей бронзовую эпоху от ранней железной.

Таким образом, на доисторическое время из собраний Музея приходятся коллекции, представляющие культуры, национальность которых, за немногими исключениями, неопределима, и подразделяющиеся, согласно принятому в науке делению на: а) памятники каменного периода и б) памятники бронзовой эпохи металлического периода.

В пределах же исторического (в широком понимании) времени Комиссией предложено применительно к Историческому Музею различать: а) ранне-историческое время—приблизительно от начала железной эпохи до эпохи расселения восточных славян (эта часть—историческая с точки зрения всемирной истории—остается доисторической по отношению к собственной истории русского народа) и б) собственно-историческое—от начала истории непосредственно русского народа, особенно же с начала его государственного бытия.

В соответствии с этим, археологические (в собственном смысле) коллекции Музея (т.-е. добытые путем раскопок и находок), относящиеся к железной эпохе, образуют два разряда: а) относящиеся к культурам более или менее непосредственных предшественников славян на восточно-европейской равнине (скифы, сарматы и т. д.), или же к культурам, хронологически совпадавшим, а отчасти и находившимся в известном взаимодействии с культурами этих предшественников (Кавказские племена Урарту и др.) и б) коллекции, относящиеся непосредственно к культуре восточных славян

(со времени их появления на исторической сцене) или к культурам, им современным и как бы им аккомпанирующим (булгары, кочевники позднего времени и т. п.).

В пределах времени собственно исторического (с точки зрения истории русского народа) Комиссией принято нижеследующее основное деление в хронологическом и культурно-областном разрезе (в основу положен специальный доклад М. М. Богословского):

1. Киевская Русь с IX до начала XIII века.
2. Суздальская Русь с XI по XIII век.
3. Удельное время с XIII до середины XV века.
4. Новгород и Псков с IX до XV века.
5. Литовско-русское государство XVI—XVII века.
6. Московское государство с середины XV по конец XVII века.
7. Украина и Белоруссия XVI—XVIII веков.
8. Эпоха преобразований XVII—XVIII века.
9. XVIII в. в общероссийском культурно-политическом масштабе.
10. Первая половина XIX века (в том же масштабе).

В дальнейшем Комиссией произведен был опыт конкретизации приведенной схемы эпох—в пределах исторического (в широком понимании) времени—в смысле согласования этой схемы с изложенной ранее системой этнических групп, культуры которых должны быть представлены в Государственном Историческом Музее.

Эта комбинированная схема в виде соответствующей классификации памятников, необходимых Государственному Историческому Музею (на основе специального доклада Ю. В. Готье), установлена Комиссией в следующем виде:

1. Древности греческих колоний Черноморья (до римского периода).
2. Древности скифо-сарматские.
3. Древности византийские: а) городов Черноморья и б) свидетельствующие о культурном влиянии Византии на Русь (IX—XV вв.).
4. Древности времени переселения народов (готские, раннефинские и др.).
5. Древности хозарские VI—X вв. и болгар камских X—XIII вв.
6. Древности подлинно-славянские: а) древнейшего времени (по раскопкам на местах, несомненно обитаемых славянами) и б) древности западных и южных славян, современные Киевской Руси.

7. Древности скандинавские VIII—XI вв., добытые раскопками и вкладах по всей территории России.

8. Киевская Русь IX—XIII вв. и ее продолжение—Галицко-Волынская культура XIII—XIV вв. (главным образом, по раскопкам в области бассейна Днепра и его притоков, а также Днестра, Буга, Дона и Западной Двины).

9. Древности кочевых народов Юга России IX—XIII вв.: печенегов, половцев и др.

10. Древности армяно-грузинские.

11. Суздальская Русь XI—XIII веков.

12. Новгород и Псков IX—XV вв. (памятники озерного края и севера и древности зап. финнов).

13. Удельное время—древности ранней Москвы, Твери, Нижнего-Новгорода, Рязани, Суздаля.

14. Московское государство XV—XVII веков.

15. Древности татарские XIII—XVIII вв.: а) Золотая Орда, б) Казань, в) ногай, г) Урал и д) Сибирь XV—XVII вв. (татарские и финские культуры).

16. Западная и Юго-Западная Русь: а) собственно Литва (древности из раскопок), б) Литовско-русское государство XIV—XVI вв. и в) Украина XVII—XVIII веков.

17. Эпоха преобразований (последняя четверть XVII и первая четверть XVIII века) и ее непосредственное продолжение (до 40-х годов XVIII века): а) преобразовательная эпоха Федора и Софьи, б) собственно Петровская эпоха и в) эпоха 1725—1740 гг.

18. Западно-европейские культуры: а) в памятниках, доказывающих их влияние на Новгород и Псков, б) на Москву до Петра и в) на Россию XVIII века.

19. XVIII век—памятники, приурочиваемые к его середине и второй половине.

20. XIX век—первая половина.

Далее Комиссия остановилась на вопросе о классификации необходимых Государственному Историческому Музею собраний по признаку внешнего, материально-технического характера самих предметов.

Наряду с основной массой вещественных памятников—археологических и историко-бытовых—Комиссия, учитывая потребности всесторонней музейной обработки и освещения указанных выше вещественных памятников, и более широкие запросы исторической науки, предъявляемые к Музею в связи с его общим заданием, и опираясь на опыт как самого Государственного Исторического Музея, так и культурно-исторических музеев Западной

Европы, в частности германских (данному вопросу посвящен был специальный доклад Г. Л. Малицкого), признала необходимым иметь в составе Музея также следующие категории материалов: 1) памятники историко-бытовой иконографии (в живописи, скульптуре, гравюре и т. д.); 2) рукописи греческие, юго-славянские и русские; 3) архивные материалы историко-бытового (в широком смысле этого слова) содержания, т.-е. различные частноправовые документы, архивы личные и семейные и т. д.; 4) материалы картографические и историко-географические и 5) книги.

Вновь указанные материалы, представляя сами по себе широкий археологический интерес в отношении технических особенностей изготовления или исполнения и имея весьма часто определенное меморативно-историческое значение, являются, с одной стороны, памятниками быта, входившими наряду с предметами «вещественного» (в узком смысле) порядка в непосредственный житейский обиход, и отражавшими бытовой уклад и отчасти взаимоотношения различных общественных слоев, а с другой стороны, источниками и пособиями для научного изучения и музейного освещения разнообразных «вещественных» коллекций Музея (принципиальная оценка иконографических, архивных и т. п. материалов с точки зрения значения их для культурно-исторических Музеев, с выяснением основных направлений их использования для научно-исследовательских и экспозиционных целей Музея дана была в том же докладе Г. Л. Малицкого). По каждой из указанных категорий в отдельности Комиссия пришла к следующим заключениям:

1. В отношении иконографических материалов (как-то: портретов, миниатюр, силуэтов, картин, рисунков, гравюр, литографий и т. п., воспроизводящих бытовые типы, исторических деятелей, виды зданий и местностей, внутреннюю обстановку и убранство помещений, бытовые сцены и др.), по заслушании специального доклада заведующего Отделом иконографии в Российском Историческом Музее С. С. Игнатова, Комиссия признала, что они должны рассматриваться в Музее или как бытовые памятники своей эпохи, или как запечатление внешнего облика исторических деятелей, или как источник для извлечения бытовых данных, являющийся существенным и часто незаменимым пособием для выяснения особенностей бытового уклада в целом и его отдельных элементов и деталей: эта последняя функция иконографических материалов тем более существенна для Исторического Музея, что нередко они заключают в себе данные для суждения о тех или иных единичных памятниках или целых отраслях вещественного

быта, которые или вовсе не сохранились (например, дворец московских царей в селе Коломенском), или уцелели до нашего времени в фрагментарном виде или в отдельных редчайших образцах и т. п.; таково, например, значение портретов, гравюр, иллюстраций (миниатюр) в рукописях и т. д. для истории одежды, подлинные образцы которой дошли до нашего времени в очень незначительном количестве, а от некоторых эпох не дошли и вовсе. Вместе с тем, указанный подход к иконографическим материалам отнюдь не должен, по мнению Комиссии, быть истолкован в смысле принципиальной допустимости изъятия из Государственного Исторического Музея всех действительно художественных произведений этого рода; интересы исторической достоверности естественно побуждают и здесь предпочитать экземпляры художественно исполненные произведениям посредственно-ремесленного качества, а то и вовсе слабым, оригиналы—копиям и близкие по времени к изображаемому лицу или событию—позднейшим. Особого внимания Музея в отношении иконографических материалов, по мнению Комиссии, заслуживает задача систематического подбора портретов исторических лиц и иконографии событий; специальное значение подобного направления определяется тем, что исторические издания страдают обычно отсутствием хорошо подобранного и научно проверенного иллюстративного материала, накопление которого возможно только в процессе весьма длинной и сложной работы, и взять на себя последнюю, по мнению Комиссии, может скорее всего Исторический Музей, обладающий наибольшими к тому средствами, при наибольшей близости этой задачи к общему заданию и природе именно этого Музея.

2. В отношении рукописей, на основании специальных докладов заведующего Отделом славяно-русских рукописей Музея М. Н. Сперанского и помощника заведующего Отделом греко-славянских рукописей А. Д. Седельникова, Комиссией было признано, что главное внимание Музея должно направляться на подбор тех материалов, которые представляют интерес в археологическом (в широком смысле), историко-бытовом и меморативном отношениях. Сюда относятся, главным образом, рукописи лицевые, украшенные, именные, датированные, рукописи в типических или своеобразных переплетах, а также заключающие в своем внутреннем содержании данные историко-бытового характера (в том числе и по вещественной стороне быта).

3. В отношении историко-бытовых материалов архивного характера, по заслушании специального доклада заведующего Отделом архива историко-бытовых материалов в Государственном Истори-

ческом Музее И. М. Тарабрина, Комиссия признала, что основной задачей Музея в этой области является собирание не государственных или дипломатических, но частно-семейных и частно-правовых документов, как-то: а) частноправовые документы (рядные и сговорные записи, купчие крепости, духовные завещания, торговые книги, росписи приданого и т. д.); б) личные и семейные архивы: письма, мемуары, дневники, записки, календари и месяцесловы с рукописными заметками и т. д.; в) различные объявления, воззвания, листы, описи строений, имущества и т. п. Оценивая архивные материалы подобного характера в первую очередь как предметы меморативного значения и памятники жизненных взаимоотношений, движений, настроений и бытовых особенностей различных социальных групп той или иной эпохи, Комиссия признала существенное значение их и как источников для уяснения времени, места и среды, в которых создавались или бытовали те или иные памятники вещественного быта.

4. Картографические и вообще историко-географические материалы (как-то: карты, планы, панорамы отдельных местностей, городов, селений и т. д., описания их, чертежи и пр.), на основании специального доклада заведующего Отделом исторической географии и картографии в Музее П. А. Незнамова, признаны Комиссией, как совершенно необходимые пособия при общем историко-экономическом изучении жизни народа, необходимо связанном с научной разработкой вопросов материального быта, не говоря уже о том, что весьма многие из тех же документов являются памятниками, в которых запечатлелись географические представления предыдущих поколений, в том числе—о данной стране, ее границах, природных и климатических условиях и т. д.

5. Наконец, в отношении книг, по заслушании специальных докладов заведующего Библиотекой Российского Исторического Музея К. С. Кузьминского и заведующего Отделением читального зала Ю. М. Соколова, Комиссия признала, что Музей должен ставить одной из своих задач собирание коллекций старинной русской книги, как памятника истории русской мысли и русского просвещения. В виду указанного, Музей, подбирая русские книги за XVIII и первую половину XIX вв. не должен ставить себе ограничений в отношении содержания этих книг, так как речь идет о том периоде, когда самая книга была еще сравнительно большой редкостью в России; с другой стороны, Музей, принимая в свои стены книжные коллекции частных собирателей, должен отчасти руководиться историко-бытовым подходом не только в отношении отдельных книг, но и в отношении к целым их

коллекциям частно-собирательского происхождения, сложившимся в определенной бытовой атмосфере: отдельные частные собрания, представляющие интерес в историко-бытовом отношении, как типические библиотеки представителей той или другой среды, могут и должны оставаться в своем прежнем составе, как показательные в вышеприведенном смысле. Что же касается книжных собраний Музея, преследующих подсобные, рабочие цели, то состав их, по мнению Комиссии, должен определяться целиком общими заданиями Музея, т.-е. быть приспособленным к целям изучения истории России, русского быта и археологии. При этом было указано, что общий характер и круг этих пособий не может быть определен заранее вполне точно.

Все означенные материалы и памятники, из коих некоторые могут иметь место, помимо Исторического Музея, также и в других аналогичных или родственных учреждениях (музеях, картинных галереях, библиотеках, архивах и т. д.), обязательно, по заключению Комиссии, должны в нем находиться, поскольку они могут быть использованы в соответствии с общей задачей данного музея; опасность параллелизма в этих случаях с другими из числа названных учреждений в корне устраняется вытекающей из основной природы Российского Исторического Музея специализацией в указанных выше направлениях как самого состава этих собраний, так и подходов к использованию их в экспозиционном и исследовательском отношении.

Что касается меморативно-исторического интереса, представляемого весьма многими памятниками собственно вещественного характера, так же как и значительным количеством иконографических, архивно-рукописных и т. п. материалов, то все эти меморативно-исторические коллекции, взятые в целом, помимо их общего бытового значения, имеют для музея также и весьма крупное особое значение: Российский Исторический Музей, освещающий в своих собраниях эволюцию исторической жизни народа, не может, конечно, оставить в стороне памятники, иллюстрирующие некоторые наиболее выпуклые моменты его истории или пригодные для характеристики крупных исторических деятелей.

Дальнейшим делом Комиссии было определение основных функций или разрезов деятельности Российского Исторического Музея, а также общего характера и необходимых элементов той обработки, которой должны подвергаться в Музее, все собираемые в нем памятники. В соответствии с обычными направлениями музейной работы и опытом самого Исторического Музея, эти функции формулированы были, как: а) собирание па-

мятников, б) хранение их и уход за ними (включая реставрацию и работу по научно-охранному учету коллекций—инвентаризацию, каталогизацию и т. д.), в) научная обработка, или иначе, историко-критический анализ памятников, выявляющийся в конечном результате в виде научных описаний коллекций и исследований о них, г) осуществление экспозиционных заданий и д) объяснение и популяризация экспонированных собраний.

В отношении научно-музейной обработки материалов Комиссия определенно признала не только право, но и обязанность научного персонала Музея, помимо обследования и описания, связанных с процессом инвентаризации, каталогизации и т. п., также производить и научно-исследовательскую работу—изучение и опубликование коллекций и отдельных памятников.

Исходя из тех же оснований, Комиссия признала желательность и необходимость выполнения музейным персоналом и других научных работ, связанных с общими задачами Музея, хотя бы эти работы и носили более широкий характер, чем изучение определенных музейных предметов или собраний, как таковых.

Вообще говоря, в отношении «вещественных» (в узком смысле) памятников (предметов обстановки, утвари, одежд и др.) Комиссия установила два основных направления их научно-музейной обработки: с одной стороны—изучение самих памятников, имеющее задачей определение материально-технической природы каждого из них и места им занимаемого в общей цепи развития предметов данной категории, т.-е. исследование памятников с точки зрения производственно-технической, художественно-стилистической и т. п., с выяснением бытового назначения (в нужных случаях), с проверкой исторической подлинности памятника и датировкой его в отношении времени, места и среды его изготовления; с другой—изучение не только по самим памятникам, но и по документам, иконографическим материалам и т. п. общих условий происхождения и бытования этого рода памятников (принадлежности их к местному производству, или же к предметам ввоза), их старинных наименований (исторической терминологии), вхождения их в обиход той или другой общественной группы, бытовых сочетаний с другими предметами обихода, способов и приемов бытового применения и т. п.—в целях выяснения подлинной бытовой жизни этих памятников в соответствующую эпоху и общего бытового уклада различных эпох. Если первое направление обнимает собою непосредственную работу над материалами Музея, то за вторым Комиссия признала, помимо самостоятельного научного значения, также значение теоретического

обоснования дальнейших экспозиционных построений в историко-бытовом разрезе.

Непосредственная научно-музейная обработка коллекций и выявление их историко-бытового характера и значения, с выполнением вытекающих отсюда специальных научных заданий приняты Комиссией и в отношении других собраний Музея; в частности Комиссия одобрила производство работ по составлению археологического словаря и словаря наименований частно-правовых актов, как особые направления на-ряду с основной работой в Отделе архива,—указателя портретов исторических лиц и изображений исторических событий в Отделе иконографии и т. д.

Также и применительно к книжным коллекциям Музея Комиссия наметила, имея в виду специальный характер их подбора и значение их как собраний, образующих Библиотеку Исторического Музея, выполнение ряда особых работ, с одной стороны, по изучению истории русской книги, а с другой—работ специально библиографического характера, недоступных или менее доступных другим научным библиотекам: этого рода библиографические работы в Библиотеке Музея должны, по мнению Комиссии, касаться круга вопросов, связанных с историей России и ее быта, археологией, изучением прикладного искусства и т. п. и быть приспособленными к целям практического содействия работам над материалами Исторического Музея.

Вместе с тем, Комиссия пришла к заключению в отношении Библиотеки Исторического Музея, что условия настоящего момента создают для этой последней необходимость взять на себя еще и дополнительное задание, выходящее за пределы ее первоначального плана. Библиотека Российского Исторического Музея, имеющая при себе особый читальный зал, уже давно пришла на помощь широким кругам читателей и высшим учебным заведениям г. Москвы, предоставляя им большую возможность серьезных занятий по специальности Музея, чем прочие библиотеки. В силу этой установившейся уже традиции, на-ряду с другими благоприятными условиями (в виде общего богатства книжных собраний Российского Исторического Музея, наличия специально-оборудованного помещения и т. д.), Библиотека Российского Исторического Музея может и должна взять на себя функции подсобной публичной библиотеки по представленным в ней отраслям гуманитарных знаний.

Обратившись затем к экспозиционным заданиям и планам Российского Исторического Музея, Комиссия (на основе особого доклада Г. Л. Малицкого) пришла к следующему построению.

Основную экспозиционную задачу Российского Исторического Музея, в прямой связи с его общей программой, Комиссия определила как последовательное изображение смены культур на российской территории и истории развития русского быта, как такового, по эпохам, в рамках тех культурно-исторических делений, схема которых изложена была выше.

В рамки этих экспозиционных разделов по эпохам должны входить, таким образом, памятники, разнородные по материалу и назначению, удовлетворявшие в свое время потребности как материального, так и духовного порядка. Таким образом, в основу основного экспозиционного плана Музея Комиссия положила, в соответствии с общими задачами и деятельностью его, широкий «культурно-исторический» принцип.

Каждый из этих экспозиционных разделов должен давать по возможности общую и вместе с тем разностороннюю картину быта определенной эпохи в его важнейших отраслях. (Примерный перечень тех категорий памятников частно-семейного и государственно-общественного быта, которые должны войти в подобное культурно-историческое построение для одной из эпох, именно для эпохи конца XVII и первой четверти XVIII вв., представлен был в специальном докладе Е. Ф. Корша.)

В изображении частно-семейного быта должна быть выяснена дифференциация бытового уклада эпохи по отдельным социальным группам; способы и степень этого выявления, неодинаковые для различных эпох, намечены в предыдущем изложении.

Общая бытовая картина каждой эпохи, подготовленная и проверенная всесторонним ее изучением, должна быть обоснована строго научным образом и содержать материалы, типические для данной эпохи или имеющие крупное меморативное значение. Вместе с тем, эта картина должна быть возможно более цельной, ясной, выразительной и удобообозримой, отнюдь не подавляя посетителя излишним внешним обилием экспонатов, в соответствии с основными требованиями современного музееведения.

Представляя в памятниках главным образом суммарную характеристику общего бытового уклада различных эпох, исторический смысл и значение которых должны быть подчеркнуты экспонированными в них меморативными памятниками, эти экспозиционные залы должны при общем строго научном подборе экспонированных материалов, преследовать также широкие просветительные цели — удовлетворение запросов не только специалистов, но и широких народных масс в деле ознакомления их с историческим прошлым.

Предметами экспозиции в этих залах должны являться подлинные памятники; вопрос о пользовании копиями (при условии, с одной стороны, необходимости включения известных памятников, из числа находящихся вне Музея, в том или ином виде в особую экспозиционную картину, а с другой — невозможности представить их в подлинном виде) признан нуждающимся в особом рассмотрении.

Вместе с тем, Комиссия пришла к твердому убеждению, что одним этим основным экспозиционным построением экспозиционная деятельность Российского Исторического Музея ограничиться не может. Исторический Музей должен ставить своей задачей не только экспозиционное воссоздание истории быта в характерных комплексах по эпохам и культурам, но также и систематическое выявление последовательного развития отдельных отраслей того же быта, как таковых.

Необходимость такого самостоятельного выявления эволюции отдельных отраслей быта и связанных с ними бытовых форм обусловливается полной невозможностью развернуть и показать историю быта во всем ее многообразии и полноте в экспозиционных залах по эпохам; к тому же, будучи включены в полном своем объеме в эти залы, накопленные Музеем материалы (по целому ряду категорий весьма обильные) загромоздили бы их в ущерб ясности и четкости общих экспозиционных картин.

Из двух экспозиционных принципов, выдвинутых теорией и практикой историко-бытовых музеев Западной Европы, наряду с культурно-историческим принципом, — художественно-технологического и историко-археологического, иначе «принципа бытового назначения», — Комиссия остановилась для этой дополнительной экспозиции на принципе «бытового назначения», как наиболее удовлетворяющем данным целям.

Указанное предпочтение «археологического» принципа принципу технологическому Комиссия обосновала в частности следующими соображениями: 1) категории бытового назначения — утварь, одежда, оружие и т. п., группируемые в более широкие отрасли быта (частно-семейный, общественно-политический и др.), являются естественными элементами, на которые разлагается понятие вещественного быта в его целом, почему это деление ближе всего отвечает основному заданию Российского Исторического Музея, как музея истории русского быта; 2) имеющаяся в виду дополнительная экспозиция по отдельным отраслям быта ближе всего должна удовлетворять целям историко-бытовых исследований со стороны посетителей Музея; 3) экспозиция по указанному принципу

отвечает и требованиям существующих историко-археологических научных дисциплин (нумизматики, церковной археологии и т. д.).

Этот второй ряд экспозиционных зал, удовлетворяя тем же требованиям выразительности и удобообозримости, как и залы по культурно-историческим эпохам, в силу своего более специального характера должен иметь, по мнению Комиссии, не столько популяризационный, сколько специально-научный уклон, а потому заключать не только основные типы тех или иных памятников в разные эпохи, но и их варианты и переходные формы, интересные, главным образом, для научных специалистов.

Указанное построение второго ряда экспозиционных зал не устраняет и применения принципа художественно-технологического, имеющего ввиду выявление истории отдельных производств и являющегося основным для музеев декоративного искусства, но лишь ставит его в подчиненное положение по отношению к принципу историко-археологическому, в смысле допущения художественно-технологического принципа лишь в пределах каждой из основных историко-бытовых категорий.

В соответствии с установленными задачами Российского Исторического Музея, характером самих собраний его и общим направлением работы этого Музея, Комиссией намечена была и схема подразделения Музея на Отделы (на основе проекта, изложенного в особом докладе Г. Л. Малицкого), в окончательном итоге принявшая следующий вид.

Составляя, в силу общего задания, единое целое, Музей в своей деятельности подразделяется на ряд научных Отделов. В целях согласования работ научных Отделов, родственных по составу памятников, характеру научно-музейной деятельности, экспозиционным задачам и т. п., Отделы эти объединяются в шесть основных групп (Разрядов):

I. Отделы, заключающие в себе археологические (в собственном смысле) коллекции и осуществляющие специальную их научную обработку и экспозицию по эпохам и культурам ¹. (Разряд археологический.)

II. Отделы, выполняющие теоретическую проработку вопросов бытовой истории, применительно к вещественным остаткам исторического быта, и общие планы экспозиции этих последних по эпохам. (Разряд исторический общий.)

---

¹) Начиная с IX века нашей эры «археологические» памятники в экспозиционном отношении объединяются в соответствующих залах с собственно-историческими памятниками, относящимися к тем же эпохам и научно обрабатываемыми в других группах Отделов.

III. Отделы, сосредоточивающие в себе хранение основной массы вещественных (в узком смысле) памятников исторического быта, производящие их непосредственную научно-музейную обработку и осуществляющие самостоятельную экспозицию своих коллекций по соответствующим отраслям быта в отдельности, наряду с выделением необходимых памятников в экспозиционные залы по эпохам, указанные выше. (Разряд исторический специальный.)

IV. Отделы, объединяющие в себе основную массу тех музейных материалов, которые являются не только бытовыми памятниками (в собственном смысле), но и источниками для изучения бытовой истории и необходимы Музею для всестороннего научного освещения «вещественных» памятников, т.-е. материалы иконографические, рукописные, архивные, картографические и отчасти печатные. (Разряд исторических источников.)

V. Отделы, обнимающие собою основные собрания книг, как печатных пособий для работы Музея, выполняющие библиотечно-библиографическую обработку этих собраний и обслуживание читателя. (Разряд исторических пособий—Библиотека.)

VI. Отделы, ведущие специальные работы по Музею в целом. (Разряд функциональный.)

Каждый из указанных Разрядов объединяет следующие Отделы:

I. Разряд археологический.

Отдел 1. Доисторической археологии (памятников палеолитической, неолитической и бронзовой эпох).

Отдел 2. Памятников греческих и римских колоний Юга России, памятников скифо-сарматских и одновременных с ними кавказских.

Отдел 3. Памятников эпохи переселения народов.

Отдел 4. Памятников кочевых народов Востока и Юга России.

Отдел 5. Славяно-финской археологии.

II. Разряд исторический общий.

Отдел 1. Памятников византийских.

Отдел 2. Киевской Руси (с IX по середину XIII вв.) и Волыно-Галицкой Руси (XIII—XIV вв.).

Отдел 3. Средней и Северной Руси (с IX по XV вв.).

Отдел 4. Московского государства (XV—XVII вв.), с особыми отделениями при нем: а) по Литовско-русскому государству (XIV—XVI вв.) и б) Украины (XVII—XVIII вв.).

Отдел 5. Истории русского быта XVIII в.

Отдел 6. Истории русского быта XIX в.

Отдел 7. Крестьянского быта XVIII—XIX веков.

Примечание: Отдел византийских памятников и Отдел крестьянского быта XVIII—XIX вв., помимо теоретической проработки вопросов бытовой истории, связанных с соответствующими памятниками, и планов экспозиции в указанных рамках, хранят и обрабатывают в научно-музейном отношении и самые коллекции, отвечающие наименованию этих Отделов.

III. Разряд исторический специальный

Отдел 1. Памятников архитектуры и обстановки зданий.

Отдел 2. Памятников домашнего обихода (посуда, приспособления для освещения, орудия домашнего труда и ремесла, игры, игрушки, музыкальные инструменты и т. д.).

Отдел 3. Памятников одежды, тканей и личных украшений.

Отдел 4. Памятников государственного и общественно-хозяйственного быта (монеты, печати, государственные исторические реликвии, предметы военного, административного и судебно-правового быта и т. д.).

Отдел 5. Памятников религиозно-церковного быта.

IV. Разряд исторических источников.

Отдел 1. Памятников историко-бытовой иконографии (позднее перечислен в III Разряд по соображениям практических условий работы).

Отдел 2. Рукописей греческих и славяно-русских и книг старой печати.

Отдел 3. Архива историко-бытовых материалов.

Отдел 4. Памятников исторической географии и картографии.

Отдел 5. Истории книги в России.

V. Разряд исторических пособий—Библиотека.

Отдел 1. Общего функционирования Библиотеки.

Отдел 2. Научной библиографии (по археологии, истории, бытовому искусству, истории литературы и вспомогательным дисциплинам).

Отдел 3. Читальный зал.

VI. Разряд функциональный.

Отдел 1. Теоретического музееведения (научно-справочный кабинет, ведущий работы по собиранию сведений о музейном строительстве и музейной жизни у нас и за границей, по составлению указателя музеев; указателя библиографии по музееведению, указателя иллюстративных материалов по музейному делу, по подбору музееведческой литературы и собиранию архивных и иллюстративных материалов того же порядка и по изучению и разработке вопросов теории и практики музейного дела, применительно к запросам Исторического Музея и его Отделов).

Отдел 2. Научно-технического обслуживания Музея (особый орган Музея по объединению и согласованию работ в области оборудования научных Отделов и музейной экспозиции, снабжению Отделов необходимыми техническими материалами для научных и показательных работ и др.).

Отдел 3. Популяризации музейных собраний (научно-просветительный орган Музея—по составлению пояснительных надписей к экспонированным коллекциям, организации экскурсий по Музею и руководству ими, организации эпизодических и цикловых лекций и т. д.).

Отдел 4. Ученый секретариат ¹.

(Сводка работ Комиссии, по поручению этой последней, выполнена Г. Л. Малицким).

---

¹ Отделы административно-хозяйственного и финансового порядка обсуждению в Комиссии не подвергались так же, как и схема руководства деятельностью Музея и другие вопросы административно-организационного (уставного) порядка.

СОБРАНИЕ РУКОПИСЕЙ И. Е. ЗАБЕЛИНА.

Старая традиция.

К десятилетию смерти И. Е. Забелина († 31 декабря 1908 г.) закончено было описание главной части его рукописного собрания, поступившего в Музей, согласно его воле, через дочь его М. И. Забелину.

Все собрание рукописей И. Е. Забелина по инвентарю, сделанному большею частью еще им самим, насчитывает 952 номера. На деле же число рукописей коллекции несколько иное: с одной стороны, в инвентарь рукописей внесены были И. Е. несколько старопечатных книг, отчасти с рукописными приписками, отчасти редких и близко примыкающих по своему содержанию и времени к эпохе преобладания у нас еще письменной книги (каковы номера инвентаря: 98—101, 131, 237, 242, 274, 295—304, 318, 325, 327, 402, 403, 564—всего 24 номера), с другой стороны, под одним номером записывались иногда связки, содержащие несколько различных по письму, иногда разнородных по содержанию рукописей (каковы: 121, 123, 243, 293, 344, 350, 612, 678, 721, 776, 803, 804, 810, 873, 895, 909, 910,—всего 18 номеров); под несколькими номерами не записано рукописей (№ 56 и 500), и наоборот—несколько рукописей не было занесено в инвентарь, тогда как они поступили в числе прочих в Музей (№№ 953—959), а потому внесены при приеме; наконец, одна рукопись (№ 515) не поступила в Музей. Таким образом, если исключить печатные книги, все собрание, по инвентарю, должно быть исчислено в цифре 975 номеров, считая в том числе каждую «связку» за один отдельный номер; на деле же эта цифра должна быть увеличена довольно значительно, приблизительно на сотню, если не более, (это особенно надо сказать, имея ввиду собрание документов: связки столбцов, тетради из отдельных архивов, иногда многотомные).

Для удобства описания богатств, находящихся в собрании

И. Е., согласно принятой в Музее системе хранения материалов, а также, на основании выработанного образованной при Музее на этот случай комиссией плана описания, все собрание рукописей И. Е. Забелина было разбито по его характеру и содержанию на три группы: 1) материал, представляющий старую традицию, преимущественно историческую вообще и литературную, обнимающую собой произведения исторической литературы древней Руси и произведения собственно литературные, до явлений специально XVIII в., 2) материал, представляющий новую традицию, т.-е. такие произведения, возникновение коих стоит в связи с новыми явлениями русской жизни XVIII и XIX столетий, и 3) материал чисто архивного свойства, т.-е. документы исторические, бытовые, юридические и т. п.

В первую очередь подверглись описанию рукописи первой группы, куда, по новому уже счету отдельных рукописей, вошло всего 702 номера, обнявших собою около 600 номеров инвентаря (точнее—597); не вошли в описание этой части собрания лишь три рукописи на иностранных языках (№№ 755, 795, 835 инвентаря).

На основании того же плана, выработанного музейной Комиссией, и согласно завещанию И. Е. Забелина (см. Отчет Музея за 25 лет, статья I) порядок описания этой части собрания был принят такой:

1. Описание внешнего вида рукописи: формат, материал для письма, время написания, почерк (или почерки, если их несколько), переплет.

2. Если рукопись датирована точно, или точно определяется время ее написания по каким-либо данным, а водяные знаки в ее бумаге неизвестны по общепринятым русским трудам о бумажных филигранях, знаки эти подробно указываются и описываются при описании внешнего вида рукописи.

3. Если рукопись имеет миниатюры, орнаментальные украшения (заставки, концовки, рисованные буквы, «полевые» украшения), они подробно описываются, характеризуются.

4. Если рукопись представляет особенности в языке, то они отмечаются кратко.

5. В постатейное описание состава рукописи с библиографическими указаниями входят: а) начало каждой статьи, б) ссылки на научную литературу, касающуюся содержания рукописи или отдельной ее статьи, если такая литература известна, в) указания на издание аналогичного текста, г) если текст, входящий в состав данной рукописи, издан, указание на это издание, д) указание,

если данная рукопись собрания была предметом изучения в науке, е) собственные замечания И. Е. Забелина о тексте, если таковые известны.

6. Записи на рукописи, если таковые имеются, приводятся полностью.

7. Замечания, о переплете, если он представляет особенности.

8. Описания отдельных рукописей располагаются в азбучном порядке заглавий рукописей, или находящихся в них самих, или устанавливаемых на основании научной литературы; если известно имя автора данного текста, то оно кладется в основание алфавитного порядка.

9. Рукопись, состоящая более, нежели из двух, статей различного происхождения, относится в число «Сборников», и описание ее помещается в соответствующем месте.

10. Однородные по алфавиту заглавия рукописи располагаются в описании по возможности в хронологическом порядке написания текстов.

11. Описание делается сжато, кратко, применительно к известным описаниям П. М. Строева (Описание рукоп. Общ. Ист. и Древн. Росс., рукоп. И. Н. Царского), согласно воле И. Е. Забелина.

По этому плану велось описание рукописей, главным образом, М. Н. Сперанским, приглашенным по желанию М. И. Забелиной Советом Музея, В. Н. Щепкиным, взявшим на себя описание художественной стороны рукописей (см. выше, п. 3), частью же М. А. Голубцовой, Г. Л. Малицким, Б. М. Соколовым, Ю. М. Соколовым, и С. Ф. Елеонским, приглашенными с согласия Совета Музея М. Н. Сперанским. Общая редакция описания поручена была тому же Сперанскому. По окончании описания рукописи указанной части собрания получили новую нумерацию согласно с установленным планом описания и принятую на практике в Отделе рукописей Музея ¹.

Такова внешняя сторона дела описания рукописей И. Е. Забелина. Ближайшее ознакомление с собранием дает возможность точнее характеризовать это замечательное собрание. Взятое в целом, оно по объему должно быть сочтено одним из крупнейших частных собраний рукописей, теперь в большинстве случаев вошедших в состав общественных древлехранилищ: уступая количе-

¹ Этой нумерацией пользуюсь далее в указаниях на отдельные рукописи. Закончено описание в мае 1917 года, начавшись с лета 1909 года, т.-е. проведено было в течение 8 лет с перерывами, при чем работа производилась преимущественно в часы занятий в Музее в особом помещении от двух до 3-х раз в неделю и не всеми сотрудниками одновременно.

ственно громадным собраниям Е. В. Барсова (до 3500 номеров), А. С. Уварова (до 3000 номеров) (оба поступили в Государственный Исторический Музей), менее уступая собранию В. М. Ундольского (теперь в б. Румянцевском Музее—до 2000 номеров), собрание Забелина ближе всего подходит к коллекции Н. С. Тихонравова (теперь также в б. Румянцевском Музее—до 700 номеров), с которым оно имеет отчасти сходство и по своему составу, представляя в то же время, конечно, и своеобразие в своей основе.

В объеме «старой традиции» собрание Забелина по древности списков отдельных произведений, вошедших в его состав, также близко к Тихонравовскому, а также и к Барсовскому: уступая им в отношении рукописей, писанных ранее XV века (большею частью на пергаменте)—таких в собрании Забелина нет—оно подобно большинству собраний, составлявшихся в 50-х гг. истекшего столетия¹, содержит списки преимущественно последующих веков. Но здесь же намечается и особенность собрания Забелина, вытекающая из самого характера научных воззрений бывшего владельца коллекции: следя в своих исторических работах эволюцию избранного для исследования явления, И. Е. и материал подбирал для этого, не стремясь только к приобретению данных для наиболее ранней стадии этого явления, а желая приобрести этот

---

¹ История составления рукописного собрания И. Е. Забелиным еще не достаточно выяснена за отсутствием в моем распоряжении точных данных, могущих, кстати сказать, скорее всего встретиться в неразобранных еще, поступивших в архивный Отдел Музея бумаг самого И. Е. Судя же по немногим указаниям косвенного характера, проникшим в печать, можно предположить, что начало собранию Забелина положено было еще в 40-х годах, в то время, когда И. Е. служил в дворцовом ведомстве, в архиве. Ввиду крайне ограниченных средств, которыми располагал тогда И. Е. (о своем житье и нравах того времени И. Е., будучи уже во главе Музея, охотно сообщал свои интересные воспоминания своим сослуживцам и посетителям, в том числе и пишущему эти строки), едва ли его собрание быстро возрастало, несмотря на относительную дешевизну и обилие рукописного материала на книжном рынке. Но в середине 50-х годов оно, повидимому, было уже значительно и известно в кругу исследователей: так можно думать потому, что А. Н. Пыпин, один из первых пользовавшихся рукописями собрания Забелина (см. «Очерк лит. ист. старинных повестей и сказок русских», СПб. 1858, стр. 21), уже указывает в цитатах №№ 67, 68, 69, 70, 73, 75, 82 рукописей собрания Забелина (см. стр. 102, 118, 197 и др. книги А. Н. Пыпина); те же рукописи под теми же номерами занесены и в инвентарь собрания. Повидимому, к середине 50-х годов в собрании было по крайней мере до сотни рукописей, особенно, если допустить, что рукописи чисто литературного содержания, (а таковы использованные А. Н. Пыпиным) не составляли предмета предпочтительного для собирателя. Почти в то же время (у того же Пыпина) начинаются указания и на собрание Н. С. Тихонравова—еще черта, роднящая собрания двух современников-москвичей коллекционеров.

материал для освещения явления и до поздней его поры, в то же время следя по этому материалу за теми изменениями, которые обуславливаются временем самого списка, как отражение воззрений на это явление именно во времени; в этом он опять-таки сближается с Н. С. Тихонравовым, убежденный в том, что, в силу закона о переживании старины, и очень поздний список может сохранить след и очень ранней поры состояния факта. Потому-то в собрании Забелина мы находим то или иное произведение не только в значительном количестве списков, но и в списках не только сравнительно раннего времени, но и очень позднего, как это и увидим ниже. Это обеспечивало исследователю полноту и разносторонность в изучении явления. Действительно, если в собрании Забелина рукописей старше XV века нет, то за то списки отдельных произведений простираются, при том в значительном количестве, вплоть до середины XIX столетия.

В количественном отношении рукописи Забелина распределяются так: к XV веку относится 7 рукописей; к XV—XVI—2; к XVI—38; к XVI—XVII—5; к XVII—124; к XVII—XVIII—29; к XVIII—361; к XVIII—XIX—11; к XIX—125. Как видно из перечня, на долю XVIII и XIX веков падает почти пять седьмых всех рукописей (из 702 номеров—497). Это характерным образом отличает собрание И. Е. от других, составлявшихся приблизительно в то же время: собрания Ундольского, Барсова и даже Тихонравова дают незначительное количество списков этих поздних веков, особенно последнего. В этом отношении собрание Забелина сближается более всего с собраниями позднего сравнительно времени, каковы: А. А. Титова (ленинградская Публичная Библиотека— в нем 4500 номеров) или А. А. Вахромеева (Государственный Исторический Музей), где из общего числа 1115 рукописей также значительное число приходится на тексты поздние.

Но при всем сходстве с этими собраниями, коллекция Забелина имеет иное объяснение: тогда как значительное количество поздних рукописей в этих последних собраниях обусловлено самым поздним временем деятельности собирателей, когда более ранняя рукопись стала уже значительной редкостью на книжном рынке (подобралась), а поздняя поднялась в цене и в глазах собирателя, ученый кругозор коего углубился на значение рукописного памятника, изобилие поздних по времени рукописей в собрании Забелина находит себе объяснение в приведенных выше соображениях о научных взглядах и методах Забелина, а также в отсутствии у него «любительско-антикварной» точки зрения, столь присущей собирателям старины: он, начавши собирание руко-

писей в 40—50-х гг. прошедшего столетия, когда погоня за «древнейшими списками» еще могла дать положительные результаты (как показали собрания, напр., Царского, Уварова, Хлудова и др.), мог с успехом конкурировать с собирателями того времени: ясно, что И. Е. в этом, как и в других случаях, идя самостоятельно, опережает многих из своих современников-собирателей. Можно попытаться объяснить, хотя бы и предположительно, эту особенность его коллекции и из другой стороны самобытного ученого облика И. Е.: он был, прежде всего, глубоким знатоком и убежденным историком русского быта; не даром под его талантливым пером этот русский быт в прошлом оживал со всей его красочностью, во всей полноте, заставляя и читателя переноситься и переживать старое время, которое воскрешал перед ним историк. Конечно, лучше многих сам И. Е. умел наблюдать жизнь в немых документах прошедшего, умел ценить, находить место мельчайшим бытовым явлениям на общем фоне старой жизни. Это наглядно подтверждает и его собрание: в него попадала не только рукопись, которая, как увидим, говорила своим текстом что-либо о прошлом, как произведение этого прошлого определенного времени, но и рукопись, которая сама, как предмет, была памятником в бытовом отношении: иногда, даже не редко, мы в собрании найдем рукопись, содержание коей не представляет, на первый взгляд, интереса в бытовом отношении для того времени, когда она писалась, напр., очень распространенную, сделанную с печатного какую-нибудь службу богородице; но рукопись эта имеет на себе переплет, обклеенный оригинальной, современной ее написанию тисненой бумагой с интересным, характерным для этого времени рисунком... и она приобреталась для собрания, как ценный материал не только для истории переплета, но и для истории промышленности, художественных вкусов того времени. Еще более подчеркнет именно эту сторону интересов собирателя другая категория рукописей, по содержанию сравнительно мало интересная, часто встречающаяся иногда даже в печатном виде, но нашедшая себе доступ в собрание Забелина: это—рукописи, несущие в себе записи бывших владельцев, их читателей, иногда заносивших свои впечатления и замечания на пустых листах или местах свободных от текста, на корках переплета; таковы, напр., «Воинский артикул» XVIII в. (№ 28) с рядом записей, старообрядческие «Вопросо-ответы» того же времени (№ 47), евангелие XVI в. (№ 61), апостол XV в. (№ 19), «Завещание св. апостол» XVIII в. (№ 136), «Ирмологий» XVII в. (№ 172), XVIII в. (№ 174), Каноны XVIII в. (№№ 206, 207), сборник второй половины

XVIII в. (№ 541), Минеи служебные XVI в. (№№ 276—281), Молитвослов XIX в. (№ 286), Азбуковник XVIII в. (№ 17) и др.

Конечно, еще более получает освещения с этой точки зрения состав собрания по самому содержанию рукописей, вошедших в него помимо указанных причин: здесь основная точка зрения историка русского быта, понимаемого им широко и разносторонне, нашла себе полное выражение; целые категории письменных памятников, являющихся важными источниками для истории русского быта, представлены в собрании с большой полнотой и иногда даже с роскошью; между собранными здесь текстами видное место занимают и памятники общеисторического характера, каковы подбор летописных текстов, описаний путешествий, исторических повестей и т. п.

Весьма характерно, что и в последней группе памятников по самым их спискам собрания можно уследить то же преобладание интереса к бытовой старине у собирателя. Как видно из оставленных И. Е. на самых рукописях следов изучения им приобретенных рукописей в виде карандашных помет, подчеркиваний, убеждаемся, прежде всего, в том, что И. Е. внимательно, подчас от доски до доски, прочитывал с карандашом в руках купленную рукопись, подчеркивая в ней то, что приковывало, останавливало его внимание: эти-то пометы показывают, куда направлено было это внимание: это—почти исключительно выражения старого текста, относящиеся к быту: название того или другого предмета обихода (как это бросается в глаза, например, в большой Кормчей XVII в. № 236), бытовая русская терминология, иногда сведение о какой-либо черте старинного быта (как, например, в замечательном ярославском по происхождению сборнике XVII в. № 443). Собравши вместе все подобные отметки, мы могли бы получить богатый материал для археологического словаря древней Руси. Но это наблюдение над работой И. Е. по рукописям имеет, повидимому, значение и по отношению к нему лично: здесь, в этом настойчивом внимании к языку рукописи, именно с бытовой его стороны, лежит, кажется, ключ к несравненному стилю, которым И. Е. излагал в своих мастерских трудах бытовую историю Руси: именно, путем такого чтения вживался он настолько в подлинную старину, что ее же словами с большим художественным умением рассказывал читателю нашего времени о ней в своем «Быте русских царей и цариц».

Одной из сторон русской жизни, которая, как известно, всю жизнь интересовала И. Е., была история русского искусства: и она нашла себе выражение между прочим в его собрании, но

главным образом не в той его части, которая теперь более или менее разобрана, а в части «архивной»; здесь же, помимо подбора иконописных подлинников (№ № 388—395), эта сторона быта представлена лицевыми рукописями, отчасти рукописями с орнаментом. Лицевыми рукописями собрание Забелина не богато: всего в нем пришлось насчитать только 11 номеров, а именно: 8, 16, 17, 18, 21, 86, 287, 289, 495, 499, 503; несколько больше число рукописей орнаментированных. Но за то и среди этих немногих «украшенных» рукописей есть замечательные: такова давно (уже со времен Ф. И. Буслаева—в его «Очерках» изд. в 1861 г.) известная в науке «забелинская» лицевая «Александрия» середины XVII в. с 230 миниатюрами в тексте и на отдельных страницах (это—№ 8 собрания): они представляются довольно интересными по композиции: грубоватый, небрежный с чертами народного искусства их рисунок восходит к недурным оригиналам той же школы, что и лицевые «Индикопловы» XVI века (напр., Уваровский); в то же время в рисунке (изображение коней, скачущих в карьер, ракурс) отмечается влияние Запада. Сюда же следует отнести два списка XVIII в. лицевого Апокалипсиса (№ № 17 и 18), из коих первый отличается сложностью композиции, но в то же время простотой рисунка, уже затронутого тем же влиянием Запада; второй, близкий к поморской манере, дает свободный рисунок в духе искусства XVIII века. В лицевом Житии (с 56 миниатюрами пером по прорисьям карандашом) Евфросинии Суздальской (нач. XIX в.—№ 86) видим отзвуки еще XVI века, может быть, еще Макарьевской школы. Чем объяснить столь небольшое количество лицевых рукописей в собрании, сказать определенно трудно; причина этого лежит, скорее всего, в редкости этого рода рукописей на книжном рынке вообще, а также, в зависимости от этого, в большой их дороговизне, так что приобретение их в значительном количестве едва-ли было по средствам такому не богатому собирателю, каким был И. Е. Забелин.

Наконец, прежде чем перейти непосредственно к характеристике собрания Забелина по составу и содержанию, следует для его оценки, так сказать, внешней добавить несколько слов, указавши на значение его для палеографической дисциплины: как собрание, обнимающее собой письменность преимущественно XVI—XIX веков, оно дает многочисленные образцы письменности этого времени: полуустава (сравнительно не много), скорописи (очень много), подражательного полуустава и почерков позднего времени (в значительном количестве); следует напомнить, что XVIII век письменности особенно богато представлен в собрании

(около 400 номеров); а это придает ценность собранию с палеографической точки зрения. Наибольшая же ценность в этом отношении падает на тот же век, если обратить внимание на наиболее показательный и потому ценный материал, даваемый точно датированными рукописями: тогда как для XVI века в собрании мы имеем таких рукописей только две (1548 и 1564 гг.), для XVII—только три (1603, 1665, 1698 гг.) и для XIX—только 5 (1802, 1809, 1823, 1853, 1854 гг.), для XVIII века мы имеем целых 28, начиная с 1703 года и кончая 1798 г., при чем эти даты дают отчасти новый материал для истории бумажных филиграней¹.

Состав собрания рукописей Забелина представляет большое разнообразие, но в то же время объединен одной общей идеей: это—памятники преимущественно исторические и историко-бытовые; памятники иного характера—литературные, религиозные, дидактические, церковные и др.—также иногда обильно представлены в собрании, но, ясно, подчинены также этой основной мысли, руководившей собирателем, поэтому такого, если так можно выразиться, систематического подбора не представляют, хотя при том широком понимании быта, которое отличало И. Е. в его ученых трудах, они являются естественным дополнением памятников исторических и бытовых в собственном смысле слова. Собранные, притом иногда в целом ряде списков, памятники эти имеют и самостоятельное значение для специалиста в иной области, напр., для историка литературы, историка культуры вообще. Не даром, напр., еще в 50-х годах собранием Забелина уже пользовался А. Н. Пыпин в своем известном «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских», а в конце прошедшего столетия Х. М. Лопарев в своем издании русских паломников (особенно Трифона Коробейникова) и многие другие. Слабее других областей исторического и историко-литературного ведения представлены памятники церковной в узком значении слова литературы, хотя и они не отсутствуют, попав в собрание, как мы видели, по иным причинам (записи, переплеты и т. п.).

Разбивши все собрание на группы по характеру содержания списков, сюда вошедших, состав собрания мы можем представить приблизительно в таком виде².

¹ Привожу перечень номеров датированных рукописей: XVI век — 277, 663; XVII — 21, 120, 448; XVIII — 31, 45, 53, 56, 101, 129, 136, 147, 148, 156, 177, 182, 195, 197, 199, 225, 232, 242, 265, 284, 322, 406, 413, 594, 610, 613, 624, 648, 673, 685; XIX—51, 104, 314, 386, 601.

² Не имея в виду исчерпывающей полноты в этом отношении, указываю, с обозначением соответствующих номеров, наиболее выдающееся.

I. Священное писание и его толкование в том или ином виде представлено лишь единичными экземплярами: два евангелия (61, 62), три Апостола (XV в. № 19, XVI в. № 20, 1602 г. № 21), два Апокалипсиса толковых, оба лицевые, XVIII в. (17 и 18), Псалтири два списка (один XVI в., Максика Грека, 372 и 373), список Псалтири гадательной (374). Сюда же можно отнести и список исторической Палеи с летописцем (XVIII в., 316).

II. Богослужебная письменность также не богато представлена в собрании; сюда относятся: отдельные списки Акафистов [4 (исключительно русским святым), 5, 6, 7], три Ирмология (один XVII в., 172, 173, 174 интересный по записям), Канонник (XVI и XVII в., 205), отдельные Каноны: один XVI в. (208), другие позднее (206 с записями, 207), довольно много Миней служебных (старшая XVI в. 275, 276—281, последняя с интересными записями), Молитвословы XVII и XVIII вв., частью с лицевыми изображениями (282—287, 289—298, 634, 635), три Октоиха (305, 306 (XVI в.), 310), два Требника, один XVI в. (659), другой XVII в. (660), несколько Триодей, из коих старшая XV в. (662—667), Трефолой (661), Служебники (XVI в. 631, 639).

III. Каноническая литература: Грамота Афанасия Холмогорского (62), Катехизисы (все XVIII в., 209, 210), Кормчие две (XVII в., 235, 236), из коих одна замечательна по полноте и своеобразию состава, Стоглав в списке XIX в. (646).

IV. Церковно-уставная литература; сюда можно отнести: календари, особенно любопытные по записям и заметкам исторического и бытового характера (203, 204), Месяцеслов XVII в., также с записями (301), Пасхалии (317, 318), Святцы (593—598), из них особенно замечательны так наз. «Городецкие», 1737—1744 гг., содержащие подробную летопись Городца¹, Синодики (599, 601).

V. Учительная литература, как тесно связанная с бытовой историей, довольно разнообразно представлена в собрании: Богословие (нач. XIX в., 33), Вертоград света (44), Вопросы Иоанна Кариофила (45, 46), Диалогизм, Диалог (оба XVIII в., 53, 54), Добродетели вместилище (55), Златоструй (XIX в., 159), общего с известным древним «Златоструем» ничего не имеющий, несколько Златоустников, начиная с XVI в. и до XVIII в. (160—166), Измарагд XVII в. (169), Ильи Минятия поучения (170), Исаак Сирий (XV в., с заставками, 175), Крины сельные (282, список 1778 г.), Лествица (XVI в., 258, 259), соч. Максима Грека в сп.

¹ Судя по вложенным в рукопись листкам, писанным рукой И. Е., он, кажется, начал обрабатывать их для статьи.

XVIII в. (273), Матица жемчужная (XVII в., 274), «Небо новое» Галятовского (XVII в., 303), соч. Дмитрия Ростовского (619, автограф).

VI. Церковно-историческая литература в одной своей части—русских житиях—делает собрание само одним из выдающихся с этой стороны; богат этот отдел и сказаниями об иконах (видимо, ими особенно дорожил собиратель, как содержащими в себе исторический материал вообще). Из житийных сборников общего характера следует отметить: Патерик азбучный (319), Лимонарь (253), подбор Прологов XV—XVI в. (363—370)¹. Повестей об иконах (преимущ. богородичных) собрано значительное количество отдельных списков: Казанской (330), Тихвинской (617, 335), о разных иконах богородицы (607, 608, 697), Курской (612), Толгской (615), Федоровской (628), Грузинской (629), Ахтырской (694), Одигитрии (695), Ярославской (696), Югской (701).

Отдел житий обнимает собой свыше 55, как отдельных списков их, так и сборников житийных (67—132); он, видимо, особенно старательно подбирался И. Е., стремившимся приобрести жития не только возможно большего числа преимущественно русских святых, но и по несколько списков одного и того же жития; дополнением к этому отделу служат сборники смешанного состава, где также не мало отдельных житий (перечень этих последних ниже). Вот список житий этого отдела: а) отдельные жития:

Адриан Пошехонский, 67.	Дмитрий Ростовский, 85.
Александр Ошевенский, 68.	Евфросиния Суздальская (спис. лиц.), 86.
Александр Свирский, 69, 70.	Зосима и Савватий Соловецкие, 87, 88.
Алексей, божий человек, 71 ² .	Иларион Суздальский, 89.
Алексей схимник (XIX в. в Москве), 72.	Иоанн Богослов, 90 ² .
Андрей Юродивый, 73, 74 ² .	Иоанн Предтеча, 91 ² .
Антоний Римлянин, 75.	Кирилл Новоезерский, 92, 93, 94.
Антоний Сийский, 76.	Константин, Михаил, Федор Ярославские, 95.
Варлаам и Иоасаф, 77.	Мария Египетская, 96 ² .
Варлаам Хутынский, 78, 79.	Митрофаний Воронежский, 97.
Василий Блаженный, 80.	Михаил Тверской, 98.
Василий Новый, 81 ² .	Никола Чудотворец, 99.
Геннадий Костромской, 82.	
Даниил Переяславский, 83, 84.	

¹ Из одного из них (369), И. Е., как известно, извлек дотоле не бывшее известным с именем автора сочинение кн. Андрея Боголюбского (см. „Арх. Изв. и Зам“. 1895 г. № 2—3).

² Занесены сюда как весьма популярные на Руси святые; так же и ниже.

Никон патр., 100—104 (все пять списков—соч. Шушерина). Нил Столбенский, 105. Сергей Радонежский (по Димитрию Рост.), 109. Юлиания Вяземская, 110. б) В житийных сборниках: Леонтий, Игнатий Исидор, Петр, Авраамий, Иаков, Иоанн Власатый—Ростовские, 111; Иоанн, Логгин, Вассиан и Иона, Елеазар Анзерский—Соловецкие, 112; Зосима и Савватий Соловецкие, Александр Свирский, 113; Игнатий и Димитрий Вологодские, 120, 130; Ксенофонт и Мария, Мария Магдалина, 125; Сергей и Никон Радонежские, 117; Стефан Пермский, Ефросин Псковский, 114; Филипп митрополит, Герман Соловецкий, 115, 118; Дионисий, Евфимий Суздальские, Симеон Юрьевецкий, Арсений Комельский, Савва Звенигородский, Евфросин Псковский, 126; Димитрий царевич, Варвара муч. 128; Онуфрий Вел., Конон Исавр., Дорофея дева, Василий Кесарийский, 127; Михаил и Арсений Тверские, 16, 129, 131; Ферапонт Белозерский, Мартиниан Белозерский, Макарий Желтоводский, 119; Козьма Яренгский, Нил Столбенский, 121; Константин, Михаил, Федор Ярославские, Петр и Феврония Муромские, 122; Феодора, Андрей Юродивый, Киприан и Юстина, 124; Евфросиния Суздальская, Федор, Давид, Константин Смоленские, Макарий Желтоводский, Антоний Сийский, Артемий Веркольский, 132; Кирилл Белозерский, Кирилл Новоезерский, 123.

VII. Из памятников христианской легенды в собрании отметим: Беседу трех святителей (XVIII в., 32), Епистолию о неделе (63, 64), Сказание о богородице (603), о Валтасаре (604), об Иуде (609), о кончине мира (611), о животворящем кресте (618).

VIII. Из иноземной и русской полурелигиозной, полумирской, преимущественно также легендарной литературы заслуживают внимания: ряд списков «Звезды пресветлой» (146—150, 153, 154), «Великого Зеркала» (151, 152, 153—158), из коих один (151, конца XVII в.) имеет в себе до тысячи глав, принадлежит т. о. к числу самых обширных и встречающихся очень не часто, «Римских деяний» (58, 59, 60, один из них XVII в.).

IX. Среди памятников дидактического характера заслуживают упоминания: Апоффегмата (22, к. XVII в.), Беседа от отца к сыну о злобах женских (29, 30, 31, один из них XVII в.), Домострой (56, 57, один список 1778 г., другой—новая копия со сп. Царского).

X. Из литературы учебной и научной находим между прочим: Азбуки (1, 2, 3, одна конца XVII в.), Букварь (34), Азбуковники (14, 15, 16), Геометрия (48), Грамматика (50, 51), Идея грамматики мусикийской Дилецкого (168), Изыскание садовое Гартмана (171), Космография Меркатора (237, 238, 240, 241),

Космография Ботера (239), Луцидарий (255, 256, 257, старший сп.—XVII в.), Проблемата Аристотеля (259—262, старший сп.—XVII в.), Пропись немецко-русская (нач. XVIII в. 371), Арифметика (24—27), Книга о девяти музах (Н. Спафария, список XVII в., 214).

XI. Из числа суеверных, отчасти апокрифических, писаний можно указать: заговоры и загадки (137—140), книжку гадательную (XVIII в., 213), Сонник (641), Сон богородицы (642), Свиток Иерусалимский (643), Планетники (321, 324).

XII. Довольно значителен отдел старинной беллетристики, мирского чтения; сюда относятся повести: об Оттоне (325), Аделаиде Африканской (326), Аристее и Телазине (327), о Бертольде (на румынском языке, с русскими приписками, 328), Бове (329), Семи мудрецах (334), Соломоне (два списка, один лицевой¹, 336, 337), Добродетельная Сицилианка (602), Арзас и Размира (185), Брунцвик (186), Василий матрос, Петр—Златые ключи (187), Евдон и Берфа (188—190), Ипполит и Жулия (191), Кземинда (192), Клеон и Размира (193, 194), Сусанна (в стихах, 195), Францель Венецианский (197, 198), о трех купцах (198), о молодце и девице (299), Жизнь Карла Орлеанского (66). Сюда же следует отнести «Историю о взятии Иерусалима и Цареграда» (199, 200), «Историю о Трое» (201), наконец,—шесть списков «Александрии» (8—13), из них первый лицевой, упомянутый выше. Большинство повестей дано в списках XVIII века.

XIII. Естественно, крупный отдел в собрании должны были составить произведения специально исторического характера; их мы и находим в значительном подборе; сюда относятся прежде всего: пять летописцев общего характера (260—264), Летопись Дмитрия Ростовского (265), Книга Степенная (228, 229, одна из них XVII в.), Летописцы Степенные (268, 269), Стрыйковский (271), затем: Записки Матвеева (141, 142), Крекшина (143—145, 272, 366), Летописец Соловецкий (266, 267), История Авраамия Палицына (176—178), История Московская (179—180), История Казанская (181, 183), История Сибирская (184), Манкиева «Ядро» (702). Из отдельных исторических памятников и материалов следует отметить: жизнеописания Петра Великого (разные)—четыре списка (65, 106, 107, 108), Разрядные книги (221—223, все XVII в.), Книги родословные (224, 225, обе XVIII в.), Журналы 1768—71 гг. (134, 135), челобитные: старца Авраамия (старообрядца, 689), Соловецкая (690); отдельные статьи исторического харак-

¹ Рисунки из этого списка воспроизведены Н. С. Тихонравовым в „Летописях русской литературы и древности“, IV (1862 г.).

тера: Перенесение мощей царевича Дмитрия (356), Сказания о Мамаевщине (331, 605), о Псковско-Печерском монастыре (332), о Печерской церкви (613). Наконец, в собрании есть два больших Хронографа, оба XVII в. (677, 678) ¹.

XIV. Выделяется группа путешествий и описаний стран: Проскинитарий Каллуды сп. XVIII в., (375), Хождение Трифона Коробейникова (376—379, один XVII в.), старца Леонтия (380), Василия Полозова (382), Описание Китая (Спафариево, 331).

XV. Для истории искусства, в частности для иконографии, в собрании имеем ценный подбор иконописных подлинников, начиная с XVI в. ² и кончая XIX в. (338—345); из них один (334) замечателен по полноте и оригинальности; кроме того, отметим редкий «Устав стенному письму» в списке XIX в. (671).

XVI. Среди памятников и материалов правовой и, главным образом, бытовой истории обращают на себя внимание: «Регул охотничий» нач. XVIII в., (410), двухтомный список «Уложения» царя Алексея с новоуказными статьями (669), Военский Артикул 1715 г. (сп. XVIII в., 28); особенно полон подбор Лечебников, Травников, книг хозяйственных; так: «Вертоградов прохладных» имеем пятнадцать списков (35—43, 138, 245—246, 247—252); в них особую ценность в глазах И. Е. представляли, кажется, дополнения, заключающие в себе всевозможные хозяйственные рецепты, заметки; некоторые из них соединены с «Травниками»; сюда же причислим: Книгу о водках (сп. XVIII в., 212), Книги памятные (лечебники, хозяйственные рецепты, 217, 230, 231, 411. 412), Книги поваренные (XVIII в., 218—220), Травники (651—658).

Специально старообрядческой литературы И. Е., повидимому, не собирал, хотя у него и попадаются такие писания, каковы, напр., «Вопросы и ответы старообрядческие» (47, приобретенные, кажется, скорее ради записей в рукописи) ³.

Для полноты общей картины собрания можно указать на отдельный список XVIII в. «Комедии о блудном сыне» (233).

Но самую богатую численно и ценную по содержанию группу рукописей составляют *сборники*, тянущиеся на пространстве от XV и до XIX века включительно. Их в собрании 177—цифра, редко

¹ Сюда же можно причислить русский перевод „Государства Русского“ Флетчера (49), видимо, приобретенный еще в то время, когда издание его в Общ. Ист. и Др. находилось под запретом.

² Старший из списков (338) принят в варианты в „Древнейшем иконописном подлиннике, новгородской ред.“. (Сборн. Общ. др.-русс. искусства, М. 1872 г.):

³ Еще старообрядческие сочинения встречаются среди сборников, см. ниже.

встречающаяся в частном собрании, особенно если принять во внимание общее число рукописей собрания (семьсот); в этом отношении с И. Е. Забелиным мог конкурировать разве только В. М. Ундольский. Эта громадная серия сборников наглядно показывает еще раз справедливость наблюдения, сделанного уже давно историками русской литературы, что русская литература среднего периода в значительной степени развивается в форме сборников, которые совмещают в себе наиболее популярное, любимое чтение, характеризуют литературные вкусы читателя и содержат часто на своих страницах наиболее ценные произведения того или другого времени, той или иной среды. Забелинское собрание сборников позволяет продолжить это наблюдение: руководясь им, можно думать, что эта традиция старшего периода сохранила свою силу и значение и позднее: вне круга «аристократической» печатной литературы с ее новым западно-европейским направлением, наша литература средних и низших классов грамотных людей продолжала пользоваться излюбленной формой сборника (конечно, рукописного), в ней сохраняет непрерывность старой литературной традиции и при новых условиях; потому в сборнике XVIII века мы найдем много, и даже больше того, что характерно еще для предыдущего столетия; часто и самый сборник целиком перенес в XVIII век содержание XVII века, а иногда доносит это содержание и до XIX века.

Об этом, как сказано, наглядно дает возможность судить коллекция И. Е. Забелина. В ней сборники по векам распределяются так: к XV веку относится один сборник (415), к XVI—4 (421—424), к XVII—40 (425—463, 474), к XVII—XVIII—16 (464—473, 475—480), к XVIII—88 (481—568), к XVIII—XIX—8 (569—576), к XIX—15 (577—591). Среди разнообразных статей этих сборников встретим почти все те (преимущественно небольшого объема) произведения, с которыми мы имели дело уже в виде отдельных списков, а сверх того, и много иных, при том подчас весьма ценных.

Представляемый ниже обзор содержания большей части забеленских сборников, с указанием или общего характера того или иного из них, или наиболее важных и показательных статей каждого из них, с очевидностью подтверждает справедливость оценки научного значения этой части рукописного богатства, столь чутко и умело собиравшегося историком быта. Особенно должны быть любопытны эти наблюдения над составом сборников в связи со временем написания каждого из них: следя за отдельными произведениями в сборниках, мы можем проследить иногда и судьбу каждого из этих произведений, а также—следя за общим харак-

тером ряда сборников, где эти произведения встретились—изменение вкусов, литературных и общественных, бывших владельцев и читателей этих сборников.

XV век.

415. Кирилл Туровского поучения, Мучение ап. Петра и Павла (апокриф), Мучение архидьякона Стефана (редкая, также, м. б., апокр.), Чудеса Николы (очень популярная статья), Житие Моисея Угрина (из Печерского Патерика), из Синайского Патерика (выборка), Житие кн. Михаила Черниговского.

XVI век.

416. Собрание слов в духе «Златоустника», отчасти из него и взятых, «Сказание о Константине граде и о святых мощах...»—неизвестный доселе памятник паломнической литературы, стоящий в связи с Путешествием в Царьград Антония Новгородского (ок. 1200 г.), «Беседой о святых и достопамятностях Цареграда» и Путешествием Стефана Новгородца (XIV в.); Хождение Даниила игумена—своеобразная обработка старого текста, оставшаяся неизвестной издателям и исследователям «Хождения».

417. Слово Климента Славянского на Успение богородицы, Слово о законе и благодати митр. Илариона (XI в.).

418. Чудеса Николы, Прение Христа с дьяволом (апокр.).

419. Стословец Геннадия патр., Хождение Авраамия Суздальского, Описание Святогорских монастырей, Духовная грамота митр. Алексея, Запись о приходе в Москву с Афона в 7069 (1561) году.

420. Собрание слов в типе «Измарагда».

XVI—XVII век.

422. Златоустник в соединении с Измарагдом.

423. Сборник житийный: ж. Антония Римлянина, Деяния ап. Филиппа (апокр.), Страсть Бориса и Глеба (Иакова мн.), ж. Ефросинии Суздальской, ж. Михаила Черниговского, ж. Иоанна Новгородского (Пахомиево), Похвала арх. Михаилу и Гавриилу (Климент Славянского).

424. Также житийный сборник, частью дополнялся в XVIII в.: ж. Авраамия Чухломского (редкое), ж. Георгия Кратовского (болгарск. муч., житие составлено при Макарии митр.), ж. Петра и Февронии Муромских, ж. Макария Желтоводского.

XVII век.

425. Космография Меркатора и др. статьи того же характера.
426. Сборник «Ростовский» житийный: жития местных святых.
427. Родословие русских князей (от Августа кесаря), Хождение Трифона Коробейникова, Книга о Сивиллах, Сказание о пленении Трои, «Сын церковный», из жития Прокопия Устюжского.
429. Сказание об Езопе, его басни.
431. Беседа трех святителей (апокр.), Хождение Трифона Коробейникова.
432. Летописец вкратце Никифора патр., Вопросы Господу на Фаворской горе (апокр.), Сказание об Агапии (апокр.).
433. Толковая Палея (выборка из нее), Сказание о белом клобуке, из Хождения Трифона Коробейникова.
434. Космография (76 главная), житие Юлинии Лазаревской.
435. Повесть о Казанском царстве, Космография, Прение с Лаврентием Зизанием, Повесть об Азове 1641 г., Сказание об Индейском царстве, Слово о бражнике, Повесть о Димитрии Басарге.
436. Стоглав (полный, очень исправный текст), Устав кн. Владимира, Повесть Симеона Суздальского о Флорентийском соборе, Прение Панагиота с Азимитом, отрывок из так. наз. «Иудейского» хронографа (выборка из того сборника, который известен под именем Архивского хронографа; до сих пор известен был только еще один текст—Виленской Публичной Библиотеки), Сказание Епифания о пути в Иерусалим, таблицы разных видов «литорей» (тайнописи), Статейный список посольства к цесарю Максимилиану 7084 (1576) г.
439. Сказание о белом клобуке, Сказание о шапке Мономаха, Сказание о Софии Новгородской, житие Петра и Февронии Муромских.
440. Сказание о Мамаевщине.
441. Синодик.
443. Сборник «Ярославский»: очень много бытового, наблюдений составителя (XVII в.) над суевериями и обычаями обывателей.
444. Повесть о хмеле, Статейный список посольства к Максимилиану 7086 (1588) г.
445. Повесть о Цареграде, Хождение Даниила игумена, житие Василия Нового.
446. Житие Гурия и Варсонофия Казанских, Сказание о явлении Сергея Радонежского Арсению Галасунскому, Сказание Авраамия

Палицына, Повесть о двенадцати снах Мамера царя, Домострой.

447. Повесть о снах Мамера царя, Хождение Трифона Коробейникова, Хронограф 1-й редакции (выборка из него), Вопросы-ответы евангельско-канонического характера.

448. Сборник 1698 года: житие Зосимы и Савватия Соловецких, Повесть об Удоне Магдебургском, Повесть о бесноватой жене Соломонии (из ж. Прокопия Устюжского).

449. Учение знамения крюкового пения, книга «Фитник» (по церковному пению).

451. Хронограф 2-й редакции (из него), От Старчества, житие Максима Грека, Хождение Авраамия Суздальского, Слово о Спасовом образе св. Софии Новгородской (Ласкарево), Новый летописец, Послание еп. Василия о земном рае, Сказание о флоренском соборе (Симеона Суздальского).

452. Страсти Христовы, житие Нифонта, статьи из Пролога.

453. Космография, Сказание Мефодия Патарского (апокр.), сказания из «Звезды пресветлой», Вопросы-ответы, собрание богослужбных чинов.

454. Из «Никодимова евангелия» (апокр.).

455. Великое Зерцало (из него 111 глав), Устав кн. Владимира, Повесть о Щиле.

456. Житие Прокопия Устюжского, Иерусалимский свиток (апокр.), из Великого Зерцала (отдельные главы), из жития Александра Свирского.

457. Житие митр. Филиппа, ж. Александра Свирского, Иерусалимский свиток, Слово о написании Псалтири, из Повести о Варлааме и Иоасафе, Сказание о Вавилонском царстве.

458. Из «Учительного евангелия» (К. Транквиллиона, но по великорусски), из жития Павла Обнорского, «Крины сельные», Повесть о бесе Зерефере, Сказание о Макарии Римском.

459. Из Хронографа 3-й редакции, житие митр. Филиппа, Сказание о Сибирской земле (Саввы Есипова).

460. «Хроник Псковский».

461. Из Хождения Трифона Коробейникова.

463. Сборник житийный; жития: Федора Смоленского, Симеона Столпника, Григория Пелшемского, Летописец Московский, житие Саввы Сторожевского, О начале Воскресенского мон. в Соли Галицкой, ж. Евфросинии Суздальской, Перенесение мощей Лазаря, ж. Сергия Обнорского, ж. Михаила Черниговского, Повесть об Удоне Магдебургском, ж. Юлиании Лазаревской, Сказание о Казанской иконе богородицы, Чудо Иоанна и Прокопия Устюжских

(о Соломонии), ж. Геннадия Костромского, ж. Артемия Веркольского, ж. Филиппа митр., ж. Макария Желтоводского, ж. Авраамия Городецкого, ж. Кирилла Новоезерского.

XVII—XVIII век.

464. Из Хождения Трифона Коробейникова, Повесть о белом клобуке, из Хронографа, из Кормчей, Моление Даниила Заточника (текст краткий, поздней редакции) ¹.

465. Сказание об Иуде предателе (Иеронимово), отрывки из Грамматики (правописательной), Сказание о Тихвинской иконе, Чудо Прокопия Устюжского о Соломонии.

466. «Тропник» папы Иннокентия в переводе Кассиана Гозвинского, Сказание о двенадцати пятницах, из Патерика Печерского, из «Феатрона» (Иоанна Максимовича), Свиток Иерусалимский.

467. Луцидарий, житие Петра и Февронии Муромских, Сказание о белом клобуке.

468. Страсти Христовы, Слово Евсевия о сошествии Христа во ад (из Златоустника).

469. Страсти Христовы, Повесть о Варлааме и Иоасафе, Житие Антония Римлянина, ж. Варлаама Хутынского (Пахомиево).

470. Арифметика, из Синописа Гизеля.

471. Сборник «Тверской»: в нем масса местных записей.

472. Соловецкая челобитная, Книга о Сивиллах, из жития Макария Желтоводского, Сказание о Вавилоне граде, Указ патр. Филарета о «белорусцах».

473. Хождение Даниила игумена, Хождение Трифона Коробейникова, из Проскинитария Арсения Суханова, Сказание Василия о земном рае.

474. Повесть кн. И. А. Хворостинина ², Новый летописец русский.

476. Сказание о Димитрии Иоанновиче (3-я ред.), Сказание об Андрее Критском, житие Кирилла Новоезерского, ж. Алексея, человека божия (из «Анфологиона»).

480. Из «Пчелы», Беседа 3-х святителей (апокр.), Вопросы-ответы, из Зиновия Отенского на ересь Косого ³.

¹ Текст издан в Чтениях Общ. Ист. и Др. Рос. 1913 г.; там же более подробное описание сборника.

² Это — второй из известных экземпляров; до сих пор печаталась «Повесть» (Русск. Ист. Библ., т. XIII) по единственному известному списку (б. П. М. Строева, ныне Ленингр. Публ. Библ.); забелинский экз. восходит к такому же неполному прототипу, что и изданный.

³ Сборник писан в XVII в., дополнялся в XVIII и XIX веках.

XVIII век.

481. Из жития Корнилия Псковско-Печерского.
484. Сборник «монашеский».
485. Сборник «старообрядческий»; здесь между прочим: челобитная старца Авраамия, Сказание Феодора о протопопе Аввакуме.
486. Службы Боголюбской иконе богородицы, житие Артемия Веркольского (ред. 1619—1627 гг.), Служба по случаю победы под Полтавой.
488. (рукопись 1714 г.). Страсти Христовы, из Хронографа 2-й ред., Сказание Ивана Пересветова о Турском Махмете.
489. (рукопись частью 1714 г.). Страсти Христовы, Космография, Сказание о Вавилонском царстве.
490. Выборка из книг св. писания ветхого завета, Стословец Геннадия, Откровение Мефодия (апокр.), Повесть о гордом царе Аггее, Сказание о Толгской иконе богородицы, Мучение Кирика и Улиты, Синодик, из «Пчелы».
491. «Зерцало богословии» (Транквиллиона).
492. Сборник житийный; здесь между прочим: Чудеса Герасима Вологодского, Преставление Авраамия Ростовского, из жития папы Григория (о его рождении), ж. Павла Обнорского, Дионисия Глушицкого (из Пролога), ж. Прокопия Устюжского, ж. Димитрия Вологодского, Хождение Авраамия Суздальского (отрывок), Сказание о Печерском Нижегородском монастыре, житие Игнатия Вологодского, Сказание о начале Каменноостровского монастыря. В конце сборника много записей разного времени.
493. Святцы (пис. 1718 г.), Книга о российских святых, перечень лиц, погребенных в Моск. Донском мон., из Хронографа, из Повести Авраамия Палицына, Расчет денежных выдач духовенству.
494. Житие Ириарха Борисоглебского (на Устье-реке), Мучение Кирика и Улиты.
495. Сборник лицевой: О Тивериадском море (редкая апокр. статья), Епистолия (Откровение) ап. Павла (апокр.), от «Пчелы», из Синописиса, из Максима Грека (выписки), История Давида царя, Откровение Исаии (апокр.), Сказание о белом клобуке.
496. Слово о злых женах (перевод с польского 1677 г.), из Максима Грека, о брадобритии, из Беседы 3-х святителей (апокр.), житие Антония Римлянина, о чуде Новгородской иконы (6677 г.).
498. Повесть об Аполлоне Тирском, Повесть о царевиче Кипрском Вельяме.
499. Сборник лицевой: 35 рисунков, взятых из лубочных листов; житие Моисея Угрина, Сказание о хитрости женской, жития Печер-

ских святых, Сказание о войне и смерти, Сказание об Агапии (апокр.), Сказание о Вавилонском царстве.

500. Повесть об Удоне Магдебургском (из В. Зерцала), Повесть о Петре и Кассандре, Повесть о Долторне, Сказание о Шемякином суде, Интермедия о Гаере, Повесть о Петре Златых ключах.

501. Сборник «исторический»: Сказание о Казанском царстве, из Хронографа, Сказание о убиении царевича Димитрия.

502. Прение живота со смертию, статьи из Великого Зеркала, Повесть о снах Мамера царя, Родословия князей и бояр.

503. Сборник лицевой (рисунки и вклеенные гравюры): Вещания ангеловы богородице, Сказания об иконах: Казанской, Грузинской, Смоленской, Владимирской и др., Прение живота со смертию, повести из В. Зеркала, из Измарагда, Записки Крекшина, Хождение Трифона Коробейникова (из него), из Летописца Нижегородского, Повесть об Оттоне кесаре, Беседа отца с сыном о женской злобе.

504. Страсти Христовы, из Синописа, О рождении Никона патр. (соч. Шушерина).

505. Из Патерика Скитского, Стослов Геннадия, Беседа 3-х святителей (из нее), народная загадка, Сказание о белом клобуке, из «Александрии».

506. Житие Иосифа Прекрасного, ж. Василия Нового, Сказание о Печерской иконе Успения.

507. Луцидарий, О расстоянии городов (Андрея Виниуса), из Хождения Трифона Коробейникова, Вопросы-ответы, Сказание о белом клобуке, из Шестоднева Василия В., из Беседы трех святителей.

508. Житие Варлаама Пинежского, Видение Исаии (апокр.), Сказание о белом клобуке, из Беседы трех святителей.

509. «Цвет (Крин) сельный», Луцидарий.

510. Главы из В. Зеркала, Повесть о гордом Аггее, загадки, Сказание об Иуде (Иеронимово), из Повести об Акире премудром (поучение к Анадану).

511. Сборник «иноческий».

512. Из катехизиса, Изречения из соч. Димитрия Ростовского, из Хождения Трифона Коробейникова, из жития Зосимы Соловецкого, из ж. Антония Римлянина, Повесть о взятии Царьграда турками, ж. Петра митр., Притча о слепце и хромце (Кирилла Туровского), Алфавит духовный (из него), Откровение Мефодия Патарского, из жития Варлаама Хутынского, ж. Димитрия Ростовского «новоявленного», Повесть о кн. Данииле Александровиче Московском, Слово о Мелхиседеке (так наз. Афанасиево), Сказание о Спасовом образе (Ласкарево), из Духовного регламента.

513. Житие Василия Блаженного, ж. Моисея Угрина и других печерских угодников.

514. Гранограф, Списки патриархов Московских.

515. Из «Пчелы», Повесть о царице Динаре, Повесть о двенадцати снах Мамера царя, Беседа отца с сыном о злобах женских, «Тестамент царя Василия», Стослов Геннадия.

516. О зачатии и рождении Петра В. (записки Крекшина).

517. Луцидарий, из Повести о Варлааме и Иоасафе, Притча о душе и теле (из Синодика), Вопросы на горе Фаворской (апокр.) Вопросы Антиоха и ответы Афанасия. «Азбука покаяния», Стослов Геннадия.

518. Лечебник, житие Фоки.

519. Житие Ириарха Борисоглебского, Повесть об Иуде (Иеронимова), Статьи из Пролога (жития святых ростовских), из Кормчей, из соч. Димитрия Ростовского.—Самый сборник писан в Ростове, около 1745 г.

520. Записки Крекшина, Журналы Петра В., из «Феатрона».

521. Записки Крекшина, Журналы Петра В.

523. Сборник «канонический»—выписки из печатной Кормчей.

524. География, Повесть о Басарге, Сказание о зачатии Отроча мон. (в Твери), Мучение Никиты (апокриф), статьи из В. Зерцала.

525. Житие Геннадия Костромского, статьи из В. Зерцала, житие Стефана Махрищского, Служба Артемию Веркольскому.

526. Из Физиолога, Повесть об отпадении латынян.

528. «Старообрядческий» сборник с виршами и псалмами.

529. Из Новгородской летописи (поздней, чуть ли не с печатного), Оракул Мартына Задеки.

530. Из Печерского патерика, Сказание о Соломоне, статьи из Пролога.

531. Прение ап. Петра с Симоном волхвом (апокр.), о милостивом Созомене и другие статьи из Прологов.

532. Повесть о Феодоре и Павле Борисоглебских на Устье-реке (редкая), Сказание об Иверской иконе, Сказание об иконе Корсунской, Толгской, житие Кассиана Углицкого (грека).

533. О молитве Иисусовой, из Катехизиса, Беседа богородицы к св. Василию, Соловецкая челобитная.

534. Страсти Христовы, Сказание об Одигитрии, О возрастах человеческих, житие Петра и Февронии, Мучение Федора Тиропа (апокр.), Сказание о Толгской иконе, из Слов Димитрия Ростовского, Беседа на горе Елеонской (апокр.), Сказание об Иуде (Иеронима).

535. Сказание об Агапии (апокр.), Сказание о Георгии и змие (апокр.), статьи из Пролога, Откровение Исаии (апокр.), Сказание об Иуде (Иеронима), чудо Николы о срацыне.

536. Сборник «светских» повестей: Арзас и Размира, Адольф Лапландийский, Чечетка, Лафарий и Маргарита, О попе Саве (сатира), Сказание о вере, О куле и лисице, О ерше, «Глухой паспорт», О Соломоне, Об Аггее гордом, Сказание о птицах, Петр Златые-ключи, Оттон и Олунда, Семь мудрецов, Сказание о богатырях: Илье, Потоке (старые записи былин), Фрол Скобеев.— Этим замечательным сборником отчасти уже пользовались ученые: А. Н. Пыпин, М. М. Мурко и др.

537. Об иконе богородичной (Владимирской), Сказание об иконах: Казанской, Тихвинской, житие Антония Римлянина, ж. Петра митр.

538. «Тропник» в переводе К. Гозвинского, В. Зерцало (из него), статьи из Пролога, О бесноватой Соломонии (ж. Прокопия Устюжского).

539. Проповеди второй половины XVIII в.

540. Житие Аркадия Новоторжского.

546. Повесть о хмеле, сказка об ерше.

547. Сказание о кн. Данииле Александровиче Московском.

548. Былина об Илье Муромце, Повесть о гаере.

549. Сказание о крестном древе, Сказание о 12 пятницах, из «Пчелы».

550. Вирши о масленице.

551. Из Летописца Соловецкого, из ж. Варлаама Хутынского (Видение Тарасия), Повесть о крестном сыне.

552. Из «Зерцала умозрительного», из «Гранографа».

553. Пасхалия зрячая, из Арифметики.

554. Сон богородицы, Епистолия о неделе, Сказание о 12 пятницах.

555. Повесть о гордом Аггее, статьи из Синодика.

556. Повесть о Басарге, Сон богородицы, Сказание о 12 пятницах.

557. О колокольне Ивана Великого в Москве.

558. Правила монашеские, Епитимейник.

559. Жития Николы Кочанова и Федора, юродивых Новгородских,

560. Житие Филиппа митр., из «Первоевангелия» (апокр.), ж. Димитрия Солунского, из ж. Германа Соловецкого, Сказания об Иверской иконе, о Ватопеде (из соч. Максима Грека), из Степенной книги, Об «аллилуйе», двоеперстии, имени Иисусове.

561. Мамаевщина (4-й ред.), из «Лествицы духовной».
562. Слово Палладия мниха о страшном суде, статьи из В. Зеркала.
563. Сказание о Владимирской иконе, из Хождения Трифона Коробейникова, Свиток Иерусалимский.
564. О брадобритии и о табаке, из Катехизиса, из «Пчелы», из Беседы трех святителей, Беседа отца к сыну о женской злобе, статьи из Пролога.
565. Из «Руна орошенного».
566. Луцидарий, статьи из В. Зеркала, из книги «Пандока».
567. Тайнопись, Луцидарий, образцы писем.
568. Выписки из Прологов, Слово Козьмы пресвитера на Богомилы.

XVIII—XIX век.

570. Кулинарные рецепты.
571. Сказание об Иуде (Иеронима), Сказание о гусаре, выписки из старопечатных книг.
572. Стихотворное переложение спалмов XVIII в., Проловеди XVIII в.
573. Покаяние Скитское, Слова аввы Дорофея, различные каноны святым, из Пролога, Помянник.
574. Предание Нила Сорского (Устав и другие статьи), чудеса Казанской иконы.

XIX век.

575. Повесть о Поленционе, из жития Петра В. (Крекшин), Сказание о Григории-папе, Жарты, Прение христианина с жидовином, Повесть о Савве Грудцыне.—Сборник, судя по записям, идет из Твери.
577. Сон богородицы, Свиток Иерусалимский, Хождение богородицы по мукам.
578. Сборник «старообрядческий»: Правила Федосеевцев, Каким святым какие даны благодати.
580. Главизны Филофея Синайского и другие переводы Паисия Величковского.
581. Житие папы Сильвестра и др. (все—из Минеи Димитрия Ростовского).
582. Из «Шестокрыла» (?), из Травника, заговоры.
583. Стихи об Адаме.
584. Из В. Зеркала, из «Мира с богом», о нюхании табаку (из Дмитрия Ростовского).

585. Сказание об Иуде (Иеронима).

586. Прение поморцев с поповцами.

587. Житие Василия Блаженного, житие. Сергия и Германа Валаамских.

588. Сон богородицы, Свиток Иерусалимский, Сказание о 12 пятницах.

589. Из Апокалипсиса, из Беседы трех святителей (апокр.).

590. Епистолия о неделе, Сон богородицы, Сказание о 12 пятницах.

591. Сон богородицы, Свиток Иерусалимский, Сказание о 12 пятницах.

Приведенный, довольно обширный, перечень значительно расширяет содержание первой части собрания: он дает не только еще ряд произведений, имеющих в нем и в отдельных списках, но представляет также и тексты, которых в отдельном списке не оказалось. Это последнее обстоятельство, как можно было заметить из того же перечня, касается, прежде всего, того Отдела, который и так богат в собрании И. Е. Забелина—житийной, при том русской литературы, затем—хождений во св. землю; много дают сборники дополнений и к сказаниям об иконах, повидимому более других интересовавших собирателя, надеявшегося найти в них более бытового материала. Есть среди статей сборников и несомненные редкости, каковы: Повесть кн. Хворостинина (474), отрывок из «Архивского» Хронографа (436), Сказание о Цареградских святынях (416), старые записи былин (536, 548) и др. Но ценность этой группы рукописей, следует повторить, не в редкостных текстах, а в подборе самых сборников, по которым шаг за шагом можно следить за старой традицией вплоть до XIX века, в подборе списков отдельных произведений, дающем возможность следить их литературную историю чуть не до наших дней; напр., Сказание о белом клобуке по одним сборникам дает до десяти списков, Беседа трех святителей—около того же числа, Трифона Коробейникова—свыше десятка и т. д. Иные произведения, видимо, упорно сохраняли свою популярность со времени своего появления, в XVII веке и до середины XIX, каковы, напр., тот же Трифон, усердно списывавшийся еще в конце XVIII, века, или Сон богородицы—до половины XIX в., рассказы из Великого Зеркала—также, и т. п. В области житийной литературы по отношению к отдельным житиям можно наблюдать то же самое, напр., если возьмем жития митр. Филиппа или Петра.

В заключение обзора приведем дополнительный список житийной литературы по сборникам, как того отдела, который, видимо,

сам И. Е. Забелин стремился составить с возможной полнотой и разнообразием списков. Так, здесь находим или цельные тексты, или отдельные их части:

Аркадий Новоторжский—540	Кассиян Углицкий—532.
Антоний Римлянин—423, 469, 497, 512, 537.	Корнилий Псково-печерский— 481.
Авраамий Городецкий—463.	Моисей Угрин—415, 513, 499.
Авраамий Чухломский—424.	Михаил Черниговский — 415, 423, 463.
Авраамий Ростовский—492.	Макарий Желтоводский—424, 263, 472.
Александр Свирский—456, 457, Артемий Веркольский—463, 486.	Максим Грек—451.
Борис и Глеб—423.	Никола Кочанов, Федор Новго- родск е—559.
Варлаам Хутынский—460, 512, 551.	Петр и Феврония Муромские— 424, 439, 467, 534.
Варлаам Пинежский—508.	Прокопий Устюжский—427, 456, 463, 492, 448, 465, 533.
Василий Блаженный—513.	Павел Обнорский—492.
Георгий Кратовец—424.	Павел и Федор Борисоглеб- ские—532.
Гурий и Варсонофий—446.	Петр митр.—512, 537.
Григорий Пельшемский—463.	Печерские святые—499.
Геннадий Костромской—463.	Сергий Радонежский—446,
Герасим Вологодский—492.	Стефан Махрицкий—525.
Герман Соловецкий—560.	Савва Сторожевский—463.
Дионисий Глушинский—492.	Сергий Обнорский—463.
Димитрий Ростовский—512.	Филипп митр.—457, 459, 463, 560.
Ефросиния Суздальская—423, 463.	Юлиания Лазаревская — 434, 463.
Зосима и Савватий—548, 512.	Федор Смоленский—463.
Игнатий Вологодский—492.	
Иринарх Борисоглебский — 494, 519.	
Иван Большой-колпак—444.	
Иона митр.—463.	
Иоанн Новгородский—423, 446.	
Кирилл Новоезерский—476, 493.	

Разумеется, в заметке, поставившей себе целью только в общем ознакомить с собранием И. Е. Забелина и приводящей указания, главным образом, лишь как материал для такой общей характеристики собрания, материал, представляемый самим собранием, далеко не исчерпан: такие исчерпывающие указания может дать только полное описание рукописей, составленное по руководству самого собирателя. Но и в этом общем очерке, надо надеяться, отразилась с достаточной полнотой личность великого знатока

и исследователя русского бытового прошлого: его широкий взгляд на понимание быта и его истории, его глубокое чувство этого отошедшего в вечность быта, но все еще связанного многими нитями с нашим временем—это нашло свое отражение в подборе материала, введенного И. Е. в свое собрание. Но самая широта и глубина исторических взглядов Забелина сделали то, что его собрание будет служить не только историкам быта, но и всем, интересующимся научно русским прошлым.

М. Н. Сперанский.

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАШКА ИЗ МИКУЛИНА ГОРОДИЩА

С 1850 г. стала известна в литературе серебряная чашка, найденная вблизи села Миккулина Городища, Смирновского уезда, Тверской губ. Описание чашки и ее описание было издано А. А. Мартиновым в издании «Историческое искусство в России» (М., 1860 г., стр. 25, с рисунком). С тех пор чашка является во всех исторических искусствах и археологиях в 75 лет не только в отечественных, но и в иностранных руках. Чашка в 1880 г. описана в «Галерее древностей» г-на. Келлером и Келлером, изданы эти описания в 6-м выпуске по галерею, но могли использоваться только рисунком в издании Мартинова и в тексте Сперанского. Чашка при этом, что в тексте «Историческое искусство», стр. 25, чашка принадлежала кавказскому князю Миккулину, но в действительности было в руках Миккулина из Городища.

Последнее изложение о чашке в печати появилось в 1914 г. в статье А. Н. Пономаревой «Село Миккулина Городища в его древности», изданной в журнале «Славянский вестник», № 4. Из этого вытекает, что в 1913 г. журнал «Славянский вестник» опубликовал статью в с. Миккулина, изданная в 1913 г. в журнале «Славянский вестник», но там не было рисунка чашки, а только описание. В статье в с. Миккулина в 1913 г. в журнале «Славянский вестник» заключать, что чашка в настоящее время находится в руках князя Миккулина, но чашка в настоящее время находится в руках князя Миккулина. Чашка в 1913 г. в журнале «Славянский вестник» была описана в с. Миккулина, изданная в 1913 г. в журнале «Славянский вестник», стр. 20, чашка была в руках князя Миккулина. Чашка, как мы видим, была издана в журнале «Славянский вестник» в 1913 г. в журнале «Славянский вестник», стр. 20, чашка была в руках князя Миккулина. Чашка в 1913 г. в журнале «Славянский вестник» была описана в с. Миккулина, изданная в 1913 г. в журнале «Славянский вестник», стр. 20, чашка была в руках князя Миккулина. Чашка в 1913 г. в журнале «Славянский вестник» была описана в с. Миккулина, изданная в 1913 г. в журнале «Славянский вестник», стр. 20, чашка была в руках князя Миккулина. Чашка в 1913 г. в журнале «Славянский вестник» была описана в с. Миккулина, изданная в 1913 г. в журнале «Славянский вестник», стр. 20, чашка была в руках князя Миккулина.

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАШКА ИЗ МИКУЛИНА ГОРОДИЩА.

С 1850 г. стала известна в литературе серебряная чашка, найденная в осыпи вала села Микулина Городища, Старицкого уезда, Тверской губ. Снегирев описал чашку и его описание было напечатано А. А. Мартыновым в издании «Памятники древнего художества в России» (М. 1850 г., стр. 26, с рисунком). С тех пор чашка исчезла из глаз историков искусства и археологов и 75 лет не появлялась, находясь в частных руках. Когда в 1899 г. авторы «Русских древностей», гр. Толстой и Кондаков, издавали этот памятник в 6-м выпуске их труда, то могли воспользоваться только рисунком в издании Мартынова и текстом Снегирева. Замечу при этом, что в тексте «Русских древностей», стр. 150, чашка правильно названа чашкою, под рисунком же подписано «Серебряное блюдо в церкви Микулинского Городища».

Последнее известие о чашке в печати появляется в 1914 г. в статье Л. Погожевой «Село Микулино Городище и его древний собор», напечатанный в журнале «Светильник», № 4. Из нее мы узнаем, что в 1913 г. автор, собирая материал для статьи, отправилась в с. Микулино, надеясь найти чашку в ризнице собора, но там ее не оказалось; автору сообщили, что в соборе о чашке ничего не слыхали и т. д. Из приведенной литературы можно заключить, что чашки в ризнице собора никогда не было. Что же касается места находки и хранения, то сведения об этом очень не ясны; повидимому, она попала в руки тогдашнего владельца с. Микулина, Н. Г. Головина, который, по словам Л. Погожевой (указанное сочинение, стр. 20), нашел чашку в древнем микулинском валу. Головин, как мне кажется, имел антикварные склонности к собиранию древностей, что можно отчасти заключить из 2-го дополнения к «Описанию древних русских монет», Черткова (М. 1838 г.), посвященного описанию монет удельного периода собрания Головина; между прочим, при описании (стр. 13) медной

микулинской монеты, Чертков говорит, что пуло было найдено крестьянами в развалинах Микулина Городища, принадлежащего Головину.

Головин считал себя потомком микулинских князей: одна из дочерей предпоследнего князя Микулинского, княжна Ирина Андреевна была замужем за стольником Я. Н. Головиным, его предком¹. Погожева письменно обращалась к дочери Головина Ольге Николаевне Пономаревой по поводу чашки, та ей ответила, что отец умер в 1865 г., и за полвека она забыла о тех предметах, которые были у отца, и помнит только блюдо с изображением Ивана Грозного. В последнее время чашка, по слухам, находилась в руках антиквара, от которого была приобретена одним частным лицом, уступившим ее в конце 1925 г. Историческому Музею в Москве (№ 57474).

Чашка имеет полусферическую форму с правильной окружностью и с невысоким поддоном (см. табл.); диаметр ее 11,7 см., высота 3,5 см., вес 98 гр. (около 23 зол.). Поверхность тесно покрыта чеканкою: восемь овальных клейм в обрамлениях, напоминающих согнутый, не вполне сомкнутый, прут с загнутыми концами; в 4 клеймах видим стилизованные листья растений, в других—крылатые символы евангелистов с книгами. Надписей у изображений нет, кроме символа евангелиста Луки: над тельцом вычеканы вглубь греческие буквы Λ и Χ. Значение букв мне не понятно. Пространство между клеймами заполнено орнаментальными завитками с «ананасами» и дельфинами. Поле канфаренное. В середине, среди 4 кругов: бусового, из стилизованных листьев аканфа, гладкого и из свернутых жгутом древесных листьев, отчеканена мишень, немного возвышающаяся со дна, с конным изображением скачущего вправо великомученика Георгия, прокалывающего копьем в пасть упавшего на спину крылатого дракона. Георгий одет в короткую рубаху с плащом на плечах, у плаща бахрома и подкладка, на ногах высокие мягкие сапоги, вокруг головы нимб. На лошади, вместо седла, небольшое покрывало, стеганое в клетку; узда, паперсь и стремя грубо, но отчетливо выработаны; хвост лошади завит в петлю. По сторонам головы Георгия, на прямоугольных дощечках, резана вглубь греческая надпись ΑΓΝΟΣ ΓΝΟΡΓΙ; в первом слове первые 3 буквы, во втором первые 2 буквы связаны в лигатуры.

Изображение Георгия очень грубо, трактовка фигуры великомученика и лошади безжизненны и сухи; лучше исполнены символы евангелистов.

Исподняя сторона чашки имеет те же изображения, что и

на лицевой, но вглубь и в обратную сторону, только надпись около головы Георгия разнится по начертанию букв с надписью лицевой стороны и сделана не резьбою, а чеканкою: АГНО (последняя буква О вынесена над строкою) ГНОГИ; в первом слове первые 3 буквы связаны в лигатуру, во втором—первые 2 и последние 2 связаны в лигатуру; буква Р, кажется, пропущена (см. табл.).

На той же исподней стороне, по бокам голов 4 дельфинов, вычеканена вглубь следующая русская надпись: КНВЛКГНО РГНГА, т.-е. кн(язя) в(е)л(и)к(аго) Гиоргия; буквы ЛК и ГН связаны в лигатуры².

В какой стране сделана чашка, к какому времени она относится и какое было ее назначение—вот вопросы, которые возникают, глядя на нее. Не будучи компетентным в вопросах стиля, не решусь утвердительно сказать, какой национальности был мастер, сделавший чашку. Снегирев считает ее византийской работой, авторы «Русских древностей» умалчивают о стиле чашки, но датируют ее временем не позднее XV в. При первом взгляде на чашку, несколько сухой чеканный орнамент напоминает басму наших иконных окладов. Византийского стиля я в нем не нахожу, наоборот—на меня он производит впечатление западной работы эпохи Возрождения. Не могу указать на аналогичные по орнаменту памятники серебряного чеканного дела XIV—XV вв. как русских собраний, так и иностранных по печатным изданиям, поэтому приходится обратиться к другим памятникам орнаментального искусства скульптурного, но не живописного характера. Среди памятников басменных можно указать на басму царских врат XVI в. в новгородском Софийском соборе, сфотографированных И. Ф. Барщевским; на басме видим тот же, что и на чашке, мотив орнаментации в не вполне сомкнутом овале, концы которого загибаются во внутрь. Очень сходна с орнаментом в овалах на чашке деревянная резьба на дверцах царского места 1571 г. в том же соборе; на той же резьбе видим «ананасы», как на Микулинской чашке (см. снимки у Барщевского и на копии царского места в Историческом Музее). Нельзя также обойти таких памятников, находящихся в Москве, как порталы Благовещенского собора в Кремле. Глядя на прекрасную скульптурную орнаментацию их, нельзя не признать общего характера орнамента, как на порталах, так и на чашке. Храм собора постройки 80-х годов XV в., но порталы, ведущие в него, сделаны, вероятно, в XVI в. при Грозном, одновременно с постройкой галереи, тем не менее, скульптурный орнамент дает прекрасные образцы орнаментальных

украшений эпохи Возрождения. Исполнение его относят к итальянцам. В частности, особенно поражает сходством круг на чашке вокруг мишени в виде стилизованных листьев аканфа с пояском из таких же стилизованных листьев на порталах собора. Чуждые русскому искусству изображения дельфинов, но обычные на Западе в эпоху Возрождения, видим на откосах порталов.

Все эти наблюдения наводят меня на мысль, что чашка—произведение иностранного мастера, исполнившего орнамент в стиле Возрождения. Сделана ли она на Востоке, Западе или в России—сказать не могу. Русская надпись как будто говорит за то, что чашка сделана в России, но также возможно, что надпись вычеканена уже после того, как чашка была привезена в Россию.

Мнение Толстого и Кондакова относительно ее датировки не позднее XV в. не противоречит моему мнению, которое я основываю на русской надписи исподней стороны чашки. Я обращался к проф. А. С. Орлову, который, на основании палеографических признаков букв, отнес надпись к XV веку. Сравнивая буквы надписи на чашке с буквами на монетах XIV—XV вв., я нашел много сходного между теми и другими, в чем можно убедиться при просмотре таблиц в следующих изданиях, с наиболее отчетливыми рисунками: «Русские монеты до 1547 г.». (М. 1896 г.), табл. VIII и сл., гр. И. И. Толстой «Монеты вел. князя Василия Дмитриевича», во II т. Зап. нумизм. от. РАО и С. И. Чижова «Дроздовский клад» (Птб. 1922 г.).

Для какой же цели была изготовлена чашка или, вернее, чему она служила? Религиозные сюжеты заставляют думать, что сосуд принадлежал к богослужебным, но мне неизвестно, употреблялись ли в старину подобные сосуды в православном богослужении; не было их, повидимому, и в католических храмах, по крайней мере я не нашел подобного сосуда в труде Rohault de Fleury «La messe», где собран значительный материал по католическому богослужению.

Чашки, аналогичные по форме с Микулинской, находим во многих собраниях. В издании Археологической комиссии «Восточное серебро» (СПБ. 1909 год): на табл. XLI, LXIX, LXXIX, C, CII, CIII, CVII, CVIII, CXIII, CXIV, CXXVII и др. дан ряд изображений чашек, по форме сходных с Микулинской; все они происходят из восточных губерний, Сибири, Северного Кавказа, Крыма, Тургайской обл.; но судить по ним о нашей нельзя, так как ни одна не имеет религиозных изображений; только на одной чашке Оружейной Палаты (Опись № 2042) чеканкою изображены 12 апостолов с начальными буквами имен по-славянски, а на шести-

угольной мишени видим черневое изображение агнца с хоругвью. В издании *Chef's d'oeuvre d'orfèvrerie ayant figuré à l'exposition de Budapest*, вып. 4, изданы три серебряные чашки; одна из них с чеканными изображениями птиц: петуха, аиста, совы, павлина, сирина и фантастической птицы; на мишени травной орнамент; кругом резана славянская надпись, которую я прочитал так: «Ис тоя БЪ (Богъ?) слово плътию явесе роду члскому (человѣческому)».

Другая надпись, находящаяся на исподе чашки, не снятая на таблице, гласит, судя по французскому переводу, что чашка сделана Гинка (Hinka) в 7082 г. (=1574 г.) при императоре Селиме (султан Селим II). Изделие чашки может быть отнесено к славянским землям или к Молдавии. Остальные две чашки, снятые на таблице, персидской работы.

Одна серебряная чашка с высоким поддоном из собрания Исторического Музея, повидимому, кавказского изделия, представляет для Микулинской чашки интерес по имеющемуся на ней чеканному изображению тельца, близко напоминающему крылатый символ евангелиста Луки на Микулинской чашке.

Весь материал, который я просмотрел, заставляет думать, что происхождение сосудов, сходных по форме с нашею чашкой, восточное. Может быть, и Микулинская чашка, если не происходит из ближнего востока, то сделана на манер восточных сосудов.

Здесь остановлюсь на тех приемах для объяснения характерных признаков предметов, которые употребляли составители описей в XVI и XVII вв. Для нас интересно не упоминание материала, из которого сделан описываемый предмет, а описание его формы. Прием характеристики употреблялся такой: если предмет по своей форме был чужд обычному русскому изделию, то писалось, что он сработан «на такое-то дело», т.-е. упоминалась та страна, где выделывались подобные предметы; например, при описании ворворки, шарика на шнуре над вотолкою кисти, если ворворка серебряная (делали шелковые, жемчужные и проч.) и сработана в стиле литовских ворворок, то писалось «на Литовское дело». Если же предмет привезен из Литвы, например, паперсь, узда, похви (части конского убора), то писалось «Литовского дела». Про сабли, изготовляемые в Москве, писалось «Московского дела» или «Московского выкова»; но если сабельные полосы выковывались по какому-либо чужеземному образцу, то писалось: «на Литовское дело», «на Турское дело», «на Угорское дело» и т. д. или же «на Кизылбашский выков», «на Немецкий выков», «на Угорский выков». При описании художественного предмета, исполненного в стиле чуждом русскому серебрянику, отмечалось в стиле

какой страны он сделан; например, в описи пожитков Бориса Годунова значится три чарки «на Волоское дело», т.-е. «на Валашское дело», под каким нужно понимать Молдавское изделие, так как с Молдавией, начиная с Иоанна III, были частые сношения, при чем Молдавия именовалась Волохами. В рукописной описи Троицкой лавры 1641 г. упоминаются чарки без полок (чашки) с именем царя Ивана Васильевича «на Мисюрское дело»; в Музее б. Троице-Сергиевой лавры их сохранилось от времени Грозного несколько, все они по форме сходны с Микулинской чашкой. Не указывает ли это на восточный характер формы подобных сосудов, в числе их и Микулинской чашки? Мисюрскою назывался египетский или арабский шлем, имевший вид черепа шелома без остrokонечного верха; изображение мисюрок дано у Савваитова в его «Описании старинных русских утварей» и т. д. на таблице, рисунки 71 и 72. Дополню в заключение, что при описи предмета, по форме похожего на знакомый всем обычный предмет, то описывался так: например, если пуговица походила на грушу, то писалось «на грушевое дело», если на жолудь—«на желудевое дело», на миндаль—«на миндальное дело» и т. д.

Родительный падеж в русской надписи на чашке говорит, что она была собственностью великого князя и находилась, вероятно, в его хоромах, но не была вкладом великого князя, которого авторы «Русских древностей» называют вкладчиком: в этом случае был бы указан храм, куда жертвовалась чашка. Если чашка находилась в личном владении великого князя, то едва ли могла служить владельцу, как столовая посуда, по религиозному характеру ее изображений. Но в быту высшего сословия, гражданского и духовного, древней Руси существовал один обычай, в котором мог быть допущен сосуд такого же характера, как Микулинская чашка: во время обедов, конечно, официальных, пили во славу богородицы и во здравие государя, святейшего патриарха чашу, читалась при этом «чаша», т.-е. текст установленной молитвы; таких текстов сохранилось несколько: 1) чаша царя Ивана Васильевича с царицею Марьей Темрюковной, 2) чаша митрополита Макария, 3) чаша царя Бориса Годунова и 4) чаша царя Михаила Федоровича⁴. Об этом обычае говорится в статье Снегирева «Заздравная чаша»⁵ и у И. Е. Забелина в «Домашнем быте русских царей», М. 1915 г., ч. 2-я, стр. 32—33. Материальные памятники, освещающие этот обычай, дошли до нас следующие: в Оружейной Палате (Опись №№ 695 и 697) сохранились две серебряные с позолотою братины с вырезанными на них надписями, гласящими, что в одну повелением царя Алексея Михайловича вливается

«Богородицына чаша», а в другую по тому же повелению вливается «святейшего патриарха чаша». Третья братина (№ 696) однородная по технике с двумя упомянутыми, носит только имя и титул государя, как и на остальных двух, но назначение ее не указано; в оглавлении 2-й части, кн. 2, Описи Оружейной Палаты, на стр. VII, братина эта значится для «государевой чаши»; догадка автора «Описи», по-моему, очень вероятна ⁶.

Когда пили во здравие государя, то возглашалась «чаша»; приведу выдержки из «чаши» царя Ивана Васильевича: «Дай Бог здрав был царь государь наш князь великий Иван Васильевич, самодержец всея России на многи лета и с его благоверною царицею, великою княгинею Марьею». Далее перечисляются оба сына и оба брата «и с боярами и с христоролюбивым воинством и с доброхоты и со всеми православными христианы». Затем следует молитвенное обращение к богу, чтобы бог подал государю, чего у Господа бога желает..., чтобы избавил все православие от латынства, бесерменства и от врагов видимых и невидимых..., чтобы рука царя государя высока была над всеми супостаты и т. д. По окончании «чаши» глаголят единогласно: «Сотвори, Господи, по милости твоей и даруй многое благоденство царю нашему».

Молитва-чаша напоминает многолетие. Позднее «чаша государева», по объяснению А. С. Орлова, перешла в тост. Обычай провозглашения «чаши» существовал с отдаленных времен: в XI в. св. Феодосий Печерский, восставая против злоупотребления за трапезой тропарных (сопровождаемых пением тропаря) чаш, допускает только три чаши: во славу Христа, богоматери и во здравие великого князя ⁷. В Соловецком монастыре употребление горячих напитков воспрещено было пр. Зосимою, но впоследствии, по примеру других монастырей, ввели употребление заздравной «чаши» при царских именинах и других торжествах. После трапезы настоятель поднимал чашу и говорил: «Дай, Господи, дабы государь наш (титул) и проч. на многи лета здравы были» и т. д. По всему вероятно «чаши» возглашались у представителей царской власти и у высших представителей духовенства при торжественных случаях. Павел Алеппский описывает, повидимому, церемонию с чашею при встрече патриарха Макария с Севским воеводою; он пишет: сначала пили стоя здравицу за их патриарха: после молитвы за него (т.-е. Никона), потом за царя и всех его приближенных (Путешествие патр. Макария, вып. 2-й, стр. 122). Собрание Исторического Музея хранит две чаши, которые могут быть приурочены к тем сосудам, которые употреблялись при возглашении «чаши»: одна медная, в форме чашки, с надписью «братина Соло-

вещного монастыря», другая серебряная такой же формы с кольцом для привески; по венцу ее резана следующая надпись: «Сія чаша келейная преосвященнаго Трифилия митрополита Нижегородскаго и Олатырскаго строена лѣта 7207 (=1699) году» и т. д. Возможно, что известная чара Оружейной Палаты (№ 2106) черниговского князя Владимира Давыдовича, первой половины XII в., также принадлежала к числу той посуды, которая подавалась на торжественных пирах для возглагошения «чаши» о здравии князя.

Упомянутые мною два сосуда — Соловецкий и митрополита Трифилия, разнятся по форме от обеих братин Оружейной Палаты, которые, замечу, не совсем сходны с установившимся типом братин: обе братины Оружейной Палаты скорее напоминают чашки с поддоном, диаметр их отверстия несколько шире и выпуклость тулова, сравнительно с отверстием, менее (см. изображения на табл. 187 «Описи»). Но едва ли братина была обязательным образцом при возглагошении «чаши», сосуд мог иметь и другую форму. Если допустить, что форма сосуда для «чаши» была необязательна, то и чашка вел. князя Георгия могла служить при возглагошении «чаши» на пиру у великого князя.

Может быть, чарки с надписью: «Чарка добра человѣка пить изъ нее на здравье хваля Бога и моля про господарево многолѣтное здравие» имеют отношение к «чаше»; из таких чарок могли пить приглашенные к царскому столу при провозглагошении «чаши государя».

Высказанное мною предположение о назначении перечисленных сосудов, в числе их и Микулинской чашки, сосудами при возглагошении заздравной «чаши» на официальных пирах я не отстаиваю, тем более этот вопрос новый, к тому же веских доказательств я пока не нашел, но не помещаю нашу чашку в число столовой посуды исключительно по религиозному характеру изображений на ней, которые пригодны только к обрядам полурелигиозного характера, как возглагошение «чаши», или же как сосуд для св. воды при окроплении вел. князя в его хоромах при молебствии по какому-либо случаю. Чаша играла роль также при прощании. В патриаршей летописи, в повести о житии вел. князя Михаила Александровича Тверского, рассказано⁸, что вел. князь перед смертью собрал трапезу, по окончании которой «испивъ ко всѣмъ сущимъ на обѣдѣ», начал прощаться и просить у всех прощения, подавая каждому из своей руки чашу и, поцеловав, говорил: «прости мя и благослови». Таким образом, здесь мы видим какой-то прощальный обряд с чашею.

Остается рассмотреть вопрос, кто был великий князь Георгий,

владелец чашки? Находка ее в с. Микулине Городище, древнем Микулине, стольном городе удельного княжества Микулинского, связывает ее с великим княжеством Тверским, уделом которого был Микулин, доставшийся в половине XIV в. Михаилу Александровичу, впоследствии великому князю Тверскому, отказавшему перед своею смертью в 1399 г. «два городка Микулины» младшему сыну Федору⁹. Великого князя Георгия, судя по месту находки чашки, надобно искать в княжестве Тверском между великими князьями Тверскими XV в.; среди них был Юрий (Георгий) Александрович, следовательно ему одному возможно отнести чашку, но этому, мне кажется, препятствует его слишком кратковременное княжение: он княжил всего 4 недели и умер, по словам летописи, 26 октября 1425 г. от мирового поветрия¹⁰. В такое короткое время, да еще при моровой язве в Твери едва ли могла быть сделана надпись на чашке. Летописец¹¹ под 1425 г. так повествует об эпидемии: «А съ Троицына дня моръ великъ бысть на Москвѣ, а пришел отъ Нѣмецъ во Псковъ, а оттолѣ въ Новгородъ Великий и во Тверь и на Москву доиде, и на всю землю Рускую; по всѣх мѣстѣх моръ бысть великъ зело». Других великих князей с именем Георгия в Твери не было.

Обращаясь к другим княжествам северной Руси, находим великого князя Георгия Московского, брата Ивана Даниловича Калиты, убитого в Орде в 1326 г.; но первая четверть XIV в. кажется мне слишком ранним временем для чашки, судя по стилю орнамента на ней. Имя Георгия (Юрия) носил второй сын Дмитрия Донского. Он получил от отца по духовному завещанию Галич, Звенигород и Рузу, поэтому, как удельный князь, не имел титула великого князя. После смерти в 1425 г. своего старшего брата Василия Дмитриевича, вел. князя Московского, Георгий начал борьбу со своим племянником Василием Васильевичем за московский стол, т.-е. за право на великое княжение. В сражении между племянником и дядею в 1433 г. Василий Васильевич был разбит и бежал, Георгий занял московский стол и таким образом достиг звания великого князя. В следующем 1434 г. умер Георгий Дмитриевич, и московский стол занял его старший сын Василий Косой, но братья не признали его великим князем, и он бежал через месяц, а Василий Васильевич опять занял Москву.

Памятником великого княжения на Москве в 1433—1434 гг. Георгия Дмитриевича остались его монеты с титулом великого князя, при чем имя его на монетах писалось не Георгий, а Юрей¹².

Здесь необходимо обратить внимание на титулатуру на монетах, так как титул у русских владетельных князей имел большое

значение в XIV—XV вв. Значение титулатуры особенно ясно видно на монетах двоих князей, живших одновременно и носивших одинаковые имена и отчества: Василия Дмитриевича, вел. князя Московского, и Василия Дмитриевича Кирдяпы, князя Суздальского. И тот и другой чеканили монеты. До издания «Русских монет в 1547 г.» (М. 1896 г.) монеты обоих князей приписывались одному Василию Дмитриевичу Московскому, хотя на одних монетах надпись гласит «печать княжа Васильева», на других «князь великий Василий Дмитриевич»; прежние авторы не обращали внимания на титулы на монетах. Вел. князь Василий Дмитриевич, занимая московский стол по праву, никогда не титуловался просто «князем», следовательно монеты с титулом князя должны принадлежать другому и, кроме Василия Кирдяпы, другого князя с этим именем в XIV и начале XV в. не было. Таким образом, благодаря титулатуре на монетах, являющихся в этом случае официальными документами, пришлось разделить всю массу монет с именем Василия на два княжества: Московское и Суздальско-Нижегородское и ввести в нумизматику Василия Кирдяпу, неизвестного до этого времени всем занимающимся монетами доцарского периода.

Соловьев, в «Истории России» (кн. 1-я, стр. 1155), посвятил несколько строк титулатуре, опираясь на письменные документы, не касаясь нумизматических памятников, на которые в то время не обращали никакого внимания. Он пишет: «Мы видели, что прежде (т.-е. ранее XIV в.) князь был общим неотъемлемым названием для всех членов Рюрикова рода, а старший в этом роде князь назывался великим, при чем мы видели, что название великий князь придавалось иногда и младшему в роде просто из учтивости, от усердия пишущего к известному князю. В описываемое время (XIV—XV в.) на севере, при ослаблении родовой связи, родового единства, при стремлении князей к особности, мы должны ожидать, что явится много князей, которые в одно и то же самое время будут величать себя названием великих, и не обманываемся в своих ожиданиях: князья Московские носят это название по праву, обладая постоянно старшинством Владимирским, но в то же самое время называют себя великими князья Тверские, Рязанские..., наконец, видим, что по-прежнему и те младшие удельные князья, которые в официальных памятниках никогда не смеют называться великими, в памятниках неофициальных из учтивости величаются этим названием: так св. Кирилл Белозерский в духовной своей называет великим князем удельного Можайского, Андрея Дмитриевича»¹³.

Приведенный текст из труда нашего историка напечатан также гр. Толстым в его монографии «Монеты вел. князя Василия Дмитриевича»¹⁴, где он отрицательно относится к моему определению монет с надписью «печать княжа Васильева», приписанных мною, на основании титулатуры, Василию Кирдяпе, но не Василию Дмитриевичу Московскому. Толстой пишет (стр. 32), что в то время титулатуры не были так твердо установлены и не имели такого значения как позже и, приведя далее упомянутую выписку из труда Соловьева, говорит, что из слов историка видно, насколько титулование в древней Руси было запутано и мало устойчиво. Не буду повторять моих возражений гр. Толстому, напечатанных в III томе «Нумизматического Сборника», стр. 171—184, но прибавлю, что запутанности у Соловьева нет никакой; историк определенно говорит, что титулование в официальных документах строго различалось у князей, а преувеличение титула встречалось в документах неофициальных, подобных духовному завещанию св. Кирилла Белозерского.

После сказанного возникает вопрос, к каким памятникам должно отнести монеты: к официальным или неофициальным? Без сомнения, к официальным, так как монеты, хотя и отдавались на откуп чеканиться денежникам, все же по существу были княжескою регалиею, чеканились от имени князя, поэтому должны считаться официальными документами. Конечно, денежники или, вернее, резчики монетных матриц, иногда ошибались в титуле, например, на одной монете вел. князя Бориса Тверского, где он назван просто князем, что мною указано гр. Толстому, но эти ошибки являются каплями в море.

Таким образом, Георгий, заняв Московский стол, настолько почувствовал себя крепко сидящим на нем, что считал легальным чеканить монеты с титулом великого князя и следовательно был признан великим князем Московским. Если помещение титула великого князя на монетах было признано легальным, хотя полученного захватом, а не по праву, то тем более Георгий Дмитриевич мог на любом предмете титуловаться великим князем, в данном случае, на чашке, и, следовательно, титул великого князя не может служить препятствием считать сосуд принадлежащим Георгию, великому князю Московскому.

Еще яснее выступает значение титула на монетах сына Георгия—Дмитрия Шемяки: заняв московский стол после ослепления Василия Васильевича в 1446 г., он выпускает монеты двукименные: на одной стороне отчеканено имя вел. князя Василия, на другой—вел. князя Дмитрия¹⁵. Приведенный пример по-

казывает, какое значение имела титулатура у русских князей в удельную эпоху.

В заключение выскажу свои соображения о судьбе чашки, т.-е. как она попала в Микулин, будучи собственностью великого князя Московского. Сын Георгия Василий Косой, как я выше сказал, после смерти отца через месяц бежал из Москвы. О событиях 1434 г. летописи дают некоторые, довольно, впрочем, скудные, подробности: Василий Косой известил своих братьев о смерти отца и о занятии им великокняжеского стола, на это братья ответили Косому: «Аще не восхотѣ Богъ, да княжить отецъ нашъ, а тебѣ и сами не хотимъ»¹⁶, и послали Василию Васильевичу, бывшему тогда в Нижнем-Новгороде, приглашение итти на великокняжеский стол. При приближении к Москве Василия Васильевича и братьев Косого, Косой забрал золото и серебро, казну отца своего и городской запас и бежал через Ржеву в Великий Новгород, где пробыл полтора месяца, и оттуда пошел в Заволочье; по дороге разграбил берега Мсты, Бежецкий Верх и самое Заволочье. Из Заволочья Косой перебрался в Кострому и начал готовиться к походу на вел. князя Василия Васильевича, с которым встретился недалеко от Ярославля на берегу р. Которосли, где был разбит и бежал в Кашин, откуда изгоном пошел к Вологде на заставу (гарнизон) великого князя, перехватал там княжеских воевод и ушел на Кострому. Я привел эти подробности, чтобы указать, что золото и серебро Георгия Дмитриевича было взято Косым, в числе серебра могла находиться и чашка, которая, во время странствования Косого по княжеству Тверскому, была им занесена в Микулин, и там утеряна; хотя о Микулине не говорится в этом случае в летописи, но я это высказываю, как предположение.

Приведенные в статье соображения, вызванные рассмотрением вопросов о Микулинской чашке, позволили мне сделать следующие выводы: чашка работы не византийской, а изделие иноземного мастера, исполнившего орнамент в стиле Возрождения; по форме может быть названа «на мисюрское дело». Время ее изготовления я отношу к началу XV в. Владелец чашки вел. князь Георгий—или Тверской Георгий Александрович, или Московский Георгий Дмитриевич, вернее последний. Назначение чашки не храмовое, а домашнее: ее могли употреблять или для св. воды при окроплении, или как сосуд при возгласении «чаши» за трапезой великого князя. Оставлены мною без рассмотрения вопросы: об изображении Георгия с иконографической стороны и о греческой надписи около головы великомученика.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

1. Из статьи Л. Погожевой узнаем, что автор первого издания, так называемой „Микулинской летописи“, был Н. Г. Головин (у. с. стр. 8).
2. Эта сторона чашки описана Л. Погожевой неверно: изображение на мишени она называет ангелом. Впрочем, может быть, автор хотела обозначить под словом ангел патрона великого князя — св. Георгия.
3. См. „Памятники древне-русского искусства“. Изд. имп. Академии Художеств. Вып. I-й. СПб. 1908 г., стр. 14—15.
4. Подробности мною заимствованы из исследования А. С. Орлова „Чаша государевы“, напечатанного в „Чтениях Общ. Ист. и Древ.“ Пользуюсь отдельным оттиском (М. 1913 г.).
5. Напечатана в „Полицейской газете“ 1848 г. № 45, откуда перепечатана Бартеневым в „Русском Архиве“ 1909 г. № 6.
6. См. статью В. А. Никольского „К вопросу о формах и происхождении древне-русской братины“, в Сборнике Оружейной Палаты (М. 1925), стр. 73 сл.
7. А. С. Орлов, у. с., стр. 25.
8. П. С. Р. Л., XI, стр. 180.
9. П. С. Р. Л., XI, стр. 180; Борзаковский, „История тверского княжества“, стр. 26—28, 173.
10. Борзаковский, у. с., примечания, стр. 119, примечание 409-е.
11. П. С. Р. Л., XII, стр. 3.
12. См. „Русские монеты до 1547 г.“ №№ 709—712.
13. Акты историч. I, № 32.
14. Зап. нум. отд. РАО т. II, вып. 3 и 4.
15. См. „Русские монеты до 1547 г.“, стр. 137, №№ 719—721
16. П. С. Р. Л., т. XII, стр. 20.

Февраль 1926 г.

А. Орешников.

ОРНАМЕНТИКА НА ЧАШКЕ ИЗ МИКУЛИНА ГОРОДИЩА.

В сложных вопросах стилистического провенанса предметов художественной промышленности главнейшее место принадлежит *орнаментике*.

Орнамент микулинской чашки двойной—растительный на боковых площадях и лицевой на внутренней стороне днища. Первый представлен исключительно мотивами стилизованного аканфа—побегами, бутонами, листьями и пышными комбинациями этих элементов в виде букетов. В промежутках между медальонами извивается дракончик с чешуйчатым телом, которого, однако, можно считать и дельфином, с условно трактованным глазом и пастью.

Все отдельные элементы аканфа рисованы мягко, закругленно, прямых острых линий и углов нет, преобладание криво й является характерной чертой мастера чашки.

Этой чертой—удивительно мягкой трактовкой именно аканфового побега—микулинская чашка примыкает к образцам раннеготической торевтики, где господствует мягко моделированный аканфовый завиток с закругленными плоскостями и концами, которые всегда искусственно несколько удлиняются и свертываются внутрь.

Этим моментом собственно и ограничивается формальная близость нашей аканфовой орнаментики к западно-европейским образцам, так как в отношении композиционном приходится учитывать здесь сильнейшие восточные реминисценции, принцип объединения разных растительных мотивов и элементов в одну массу, стержнем которой является пышный букет, розан самых разнообразных очертаний, нередко диссонирующий своей линией с формами, напр., персидской или арабской фаянсовой посуды. Очень рано этот прием был воспринят западом и пышно расцвел там с XV в., отразившись и в русском искусстве XVII—XVIII веков.

Обращаясь к отдельным элементам аканфowego орнамента нашей чашки, приходится сказать, что мастер дал ряд очень старых мотивов, которые отчасти дают возможность разгадать стилистический провенанс.

Бордю́р на мишени с Георгием по рисунку представляет какой-то аканфовый элемент, о чем говорит его нижнее плотное обрамление с листовным узлом—мотив, известный нам по раннеготическим формам аканфа с узлами: нашу форму можно сопоставлять с более реалистической, напр., на Дармштадтском диптихе и в Евангелиаре св. Медара в Париже X в. В византийских образцах XI—XII вв. этот мотив встречается в той-же роли бордюра очень часто: такова, напр., стеатитовая иконка св. Николая собр. Г. Шлюмберже¹. Особенно часто пользуются им византийские мастера в эпоху XIV—XV вв. Несомненно, микелинская форма гораздо ближе к указанной византийской, чем к современным ей западно-европейским.

Бордю́р внутри мишени с Георгием имеет стружкообразный вид и в такой компановке довольно легко разгадывается, как абрис половины аканфowego листа. В наиболее ясно выраженной форме мы встречаем его на византийских памятниках, напр., на известном Парижском авории XII—XIII в.: наш более стилизован и приспособлен к заполнению промежутка между жгутом и фигурой Георгия.

Так, растительные мотивы нашей орнаментики определяют ее хронологический диапазон XII—XV вв. Что касается собственно провенанса стилистического и культурно-исторического, то в разобранных элементах мы имеем формы и западно-европейские, и византийские поздней эпохи.

Фигурная орнаментика нашей чашки—изображение Георгия—вносит более определенности в экспертируемый предмет.

В иконографии Георгия Победоносца намечаются два периода: до XII в. и после XII в. В первом периоде превалирует изображение Георгия в обычном типе византийской статуарной пластики, столь зависимой от поздне-эллинистических форм, с ярко выраженным спокойствием и эпической мерностью.

Наибольшей экспрессивностью, живостью движения отмечены изображения Георгия XIV—XV вв. в восточно-византийском искусстве, в связи с общим подъемом искусства эпохи и теми новыми веяниями, какие стояли пред ним. Искание реалистических черт, участие отдельных фигур в общем движении композиции, подчинение ей всей иконографической структуры—вот отличительные

¹ L'épopée bysantine, t. III, p. 85.

черты этой эпохи XIV—XV вв., воспринятые и так называемым искусством «новогреческим». Эта струя рафинированного италянизма через Далмацию проникла на берега Босфора и сквозь призму константинопольских мастеров отразилась по берегам Средиземноморского бассейна, захватив южно-балканские страны и отразившись рефлексом в древней Руси.

Несмотря на стилистическую кустарность, наше изображение Георгия иконографически нельзя отнести к первому периоду—до XII в., а только ко второму. Мастер очень удачно замкнул всю композицию около момента удара копьем, подчинив ему все детали трех разных фигур—Георгия, лошади и змия. Вздрыбившаяся лошадь, с поднятым хвостом, развевающийся над крупом плащ, приподнятое правое плечо с занесенной рукой, сжавшей копье, конвульсивно свернувшийся змий—все это говорит о целостном движении композиции, о той напряженной энергии, которая только и понятна в такой именно передаче. Это впечатление не разбивается ни одной деталью, композиция вполне закончена и выразительна.

Ясно, что этими чертами наша композиция удаляется в сторону самого близкого совпадения с стилем именно XIV—XV в., когда известная экспрессивность связывалась и с другой художественной чертой мастерства—реализмом.

В одежде Георгия нет тех ранне-византийских традиционных деталей, какими обычно отмечались композиции XII—XIV вв. Вместо панцирной рубашки с кожаными рясками от пояса, поножами и налокотниками, мы имеем простую матерчатую рубашку с таким же поясом, кожаные сапоги без металлических обойм. И, в связи с этим, засученные рукава, для большей свободы движения, естественно акцентированные складки, красиво заброшенный движением правой руки плащ, у которого показана даже исподняя часть, по фактуре отличная от лицевой, меховая опушка по борту плаща и, наконец, завязанный узлом хвост лошади и совершенно и с т о р и ч н ы е стремяна,—все это говорит о том сильнейшем стремлении к реализму, которое является одним из признаков эпохи. Форма стремени, дающая в вертикальном сечении равнобедренный треугольник, неизвестна среди русских и с к о н н ы х, зафиксированных памятниками иконописи, миниатюры и пр. Здесь обычны стремяна в виде треугольника из довольно толстого дрота, круглого и граненого, оставляющего свободной всю ногу.

Наша форма стремян, как и широкое на стеганной подслодке седло, закрывающее почти весь круп лошади, известна нам из западно-европейских памятников XIII—XIV вв. И, наряду с этим,

мы встречаем ее на памятниках болгарских, XIV—XV вв., связанных с школой знаменитых Асений. Так, на одной миниатюре Ватиканской «Летописи Манассии», изображающей «Русски плен еже на болгары», у одного всадника мы видим графически проецированные стремяна той-же самой формы.

Историчность подобных мотивов и форм для Болгарии и вообще Балканских стран указанной эпохи вполне допустима и фактически может быть пояснена частыми сношениями болгар и в более раннюю эпоху с западно-европейскими соседями и постоянно просачивавшимися к балканским народам западно-европейскими культурными отзвуками чрез Далмацию и вообще до Адриатике. Мы, к сожалению, еще не знаем точно исторической этнологии балканского полуострова, его исторических костюмов, но несомненно, что в их общей конфигурации сказало свое слово и средневековое рыцарство, на что не раз обращал внимание покойный Н. П. Кондаков.

Эту историческую проекцию можно продолжить, исходя из особенностей костюма Георгия. На нем совсем простая матерчатая рубашка с засученными рукавами и такой-же матерчатый пояс. Конечно, с точки зрения строгой византийской иконографии, определенного иератизма типа, это является прямым нарушением византийского канона, которого константинопольский мастер не мог бы допустить в отношении Георгия, воина прежде всего: традиция создала для него совершенно особый наряд с броней, налокотниками и пр. И конечно, засученных рукавов тот-же константинопольский мастер, в широком смысле, не мог дать, так как это было бы определенной профанацией.

Такая вольность допустима в отношении мастера провинциального, реалиста в лучшем смысле слова, для которого самый сюжет Георгия Победоносца мог служить лишь определенной канвой для выражения своих художественно-бытовых концепций именно в стиле местных художественных традиций. Это могли быть и балканские страны, и собственная Греция, и Кипр, и Александрия и т. д., но это—не Константинополь. Аналогии к таким «вольностям» у нас есть: таковы, напр., деревянные двери XIII—XIV в. из Охриды, где все воины-мученики на конях представлены в таких-же обыденных непарадных рубашках, а у одного можно видеть даже и засученные рукава...

Однако, я не решился бы в этих особенностях видеть только болгарский провенанс, как в отношении стремян: там для меня провенанс более несомненный. В указанном же случае этот провенанс приходится принимать значительно шире, применительно

к термину «новогреческий», обнимающему собою, как известно, средиземноморский бассейн в рамках не ранее XV века.

Таким образом, на основании беглого знакомства с формально-стилистической структурой «микулинской» чашки можно прийти к следующим выводам.

В ее орнаментике имеется целый ряд западно-европейских мотивов и элементов, известным образом стилизованных, упрощенных, но в определенной схеме именно художественного рисунка и композиции, как их понимал мастер восточник, византизированный резчик и скульптор, умевший перерабатывать столичные мотивы в менее сложной форме. Грек из Афин, из грецизированных областей Южной Италии, гравер с Балканского полуострова, работавший в стиле знаменитой школы болгарских Асений, создавшей такие великолепные в художественно-стилистическом отношении образцы, как Ватиканская «Летопись Манассии», псалтырь Томича нашего Исторического Музея, Рыльские и Слепченские резные двери Софийского музея и т. д.— вот тот территориальный диапазон, из которого мог быть автор нашей чашки.

При современных научных данных археологического порядка, когда изучение памятников собственной Греции и Балканского полуострова только еще начато, не сделано никаких выводов, так как не выяснены черты самой исторической этнологии этих стран, и не накоплено достаточно археологического материала, точно определить национальность стиля нашей чашки, кроме условного пока термина «ново-греко-славянский», невозможно. Это именно тот стиль, который процветал и характеризует художественную промышленность позднего средневековья, т. е. конца XIV и всего XV вв., по преимуществу народов средиземноморского бассейна.

Н. Протасов.

АМУЛЕТЫ „ЗМЕЕВИКИ“ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

В Государственном Историческом Музее хранится сто шестнадцать привесных амулетов, называемых в науке „змеевиками“, которые, во-первых, принадлежат собственно музейскому собранию (были куплены Историческим Музеем или подарены ему), во-вторых, поступили в Музей из других собраний, как-то: Московского Университета, б. Румянцевского Музея, А. С. Уварова, П. В. Зубова, П. И. Щукина, Е. Е. Егорова и др. Большинство этих змеевиков—подлинные; на долю коллекционерских копий и подделок относится лишь одна четверть всего их количества. Около одной трети подлинных змеевиков Музея в основе должно датировать временем от XII—XIII вв. до XV века, но экземпляры их, судя по признакам изготовления, могут датироваться частью и позднее. Змеевики, в основе относящиеся ко времени позднее XV в. (напр., киотцы), также в большинстве имеются в поделках еще более позднего времени. За исключением одного каменного (яшмового) змеевика, все экземпляры Музея—литые из металлов: меди, серебра, олова, а также из сплавов этих металлов. Кроме каменного змеевика, серебряная обойма которого—поздняя, все музейские экземпляры имеют сверху прилитые ушки, в виде простой, иногда граненой петли, или двух петель, между которыми помещается качающаяся мочка-оглавие, с горизонтальным сквозным отверстием. У некоторых змеевиков эта мочка-оглавие прилита к самой медали и неподвижна. Петли частью разрушены, мочки отсутствуют. На сохранившихся петлях есть узоры, на мочках, неподвижных и качающихся, иногда изображен „Нерукотворенный Спас“ („св. Убрус“). У змеевиков складных, состоящих из двух самостоятельных половин, есть петли и внизу; и верхние и нижние их петли служат для скрепы обеих половин. Форма музейских змеевиков преимущественно круглая и киотовидная; четыре змеевика имеют вид арки, опирающейся на прямоугольник, один змеевик—грушевидный и один—семиугольный.

Характеристика и классификация змеевиков, имеющих отношение к экземплярам Исторического Музея.

В преобладающем большинстве случаев змеевики имеют двусторонние изображения. Исключением являются: круглый медный змеевик из собрания Д. И. Прозоровского, эллипсоидный Монфокона и два каменных эллипсиса, хранящиеся в Готе. Все они изображены у Толстого¹ под №№ 25, 26, 27 и 28. У первых трех змеевиков на одной стороне имеется греческий заклинательный текст, на другой же—змеевидная композиция²; у последнего змеевика только одна сторона занята—змеиным гнездом с греческим заклинанием истеры. Сюда же относится свинцовый круглый змеевик Эрмитажа № 910/3 (провенанс—Константинополь), близко подходящий по тексту и змеиной композиции к № 26 Толстого. Предполагаем, что эллипсоидных змеевиков в России не было—по крайней мере, их доселе не находили на ее территории—и что они относятся к более древней эпохе. Среди змеевиков с двусторонним изображением имеются и такие, у которых каждое изображение помещается на отдельной пластинке, соединяющихся затем общим ушком, точнее—входящими одна в другую петлями сверху и снизу составной медали. Примером такой формы змеевика может служить составная круглая медаль Даля, с Федором Стратилатом на одной пластинке и с змеиным гнездом на другой (Толстого № 19). В Археологическую Комиссию поступила в 1887 г. лишь одна половина такого точно медного круглого складного медальона, именно—со змеиным гнездом, найденная в Самарской губернии при паханье (Толстого, стр. 1, 23, табл. XVI № 3)³. Половина такого же круглого составного змеевика, носящая на себе изображение Федора Стратилата, ошибочно помещена в каталоге собрания древностей А. С. Уварова (IX отдел) не в подотделе „наузов“, не среди змеевиков, а в подотделе „икон металлических“ (стр. 76, № 159, рис. 55). А. И. Анисимову принадлежит

¹ Обозначение наше „Толстого“ подразумевает статью И. И. Толстого „О русских амулетах, называемых змеевиками“. Пользуемся ее отд. оттиском из «Зап. Русск. Археолог. Общ.», т. 3, СПб. 1888 г.

² Не включаем сюда медный змеевик, найденный в м. Корсуни, Киевской губ., на одной стороне которого человеческое лицо с 10 змеями, а на другой—греческое X в. заклинание истеры в 6 строках: изображения его мы не видали (Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках, в. 3 и 4, К. 1891 г. Н. Петров „О происхождении и значении так наз. змеевиков“, стр. 18).

³ Медная копия этого составного медальона находится в собрании П. И. Щукина № 2997—Исторического Музея.

односторонняя круглая медная медаль XIII—XIV в. с изображением Феодора Стратилата, изданная им при статье „Реставрация фресок церкви Феодора Стратилата в Новгороде“ („Старые годы“, февраль 1911 г., фототип. таблица после 46 стр.). Думаем, что и эта медаль Анисимова есть одна из сторон составного змеевика. Змеевики с Федором Стратилатом привлекают особое внимание потому, что в плетении их змеиного гнезда читаются буквы, из которых слагается загадочный термин: **ДЪНА**. Восьмиугольный вид такого змеевика изображен у Толстого под № 20 по воспроизведению Прозоровского; семиугольный вид изображен в каталоге Уварова (ошибочно среди „икон“, № 158, стр. 76, рис. 54), но это только одна половина складного змеевика, носящая на себе изображение Федора Стратилата. И Уваров и Анисимов именуют эти половинки змеевика—„энколпионами“.

Итак, преобладающее большинство змеевиков имеют двусторонние изображения: с одной стороны иконное, с другой—змеиное гнездо. Первый вид изображения не отличается от типов, встречающихся на иконах-образах, в том числе и на тельных. Среди коллекций Исторического Музея нам попадались привесные, в большинстве случаев, металлические односторонние образки, изображения которых совершенно соответствуют тем, какие находятся на змеевиках, напр.: богородицы с младенцем, Никиты, избивающего беса, „лона Авраамова“. У этих образков задняя сторона пустая. Но для некоторых экземпляров возникает вопрос: исконно ли она пустая, или с нее счищено змеиное гнездо? Решение этого вопроса важно в бытовом отношении. В собрании Исторического Музея есть два экземпляра тождественного змеевика, медного, крупного, аркой (И. М. № 571/Д¹ и Уварова № 351, стр. 100 и рис. № 82 и 83 на стр. 101). С одной стороны на нем—богородица с младенцем, окруженная иконными поясными фигурками в 9 гнездах, с другой стороны—в киотовидной рамке змеиное гнездо в круге, над которым Федор Тирон убивает змея. Этот киотик со змеями и Тироном просто впаян в пустую сторону иконы, что служит одним из доказательств обращения иконы в змеевик и косвенно подтверждает мысль обращения змеевика в икону. В Уваровской коллекции есть иконы с сюжетом „Лона Авраамова“: экземпляры прорезные (№ 155, 156) и непрорезной (№ 157); судя по рис. 53 на стр. 75 Уваровского каталога, у про-

¹ „И. М.“ в настоящей статье значит: собственно музейское собрание Исторического Музея; все номера при И. М. и при собрании Щукина взяты нами из рукописных инвентарных перечней, имеющих в Историческом Музее.

резного экземпляра петли-ушки имеются и сверху и снизу, т.е. у него была пристегивающаяся вторая половина. На непрорезном экземпляре на задней стороне изображено „Распятие с предстоящими“. В собрании П. И. Щукина № 2964 такое же сплошное „Лоно Авраамово“ на обороте не имеет никакого изображения. В собрании же собственно Исторического Музея у № 572/Д на обороте непрорезного „лона“ впамя киотовидный змеевик, со змеиным гнездом в круге и Тироном над ним. В виду этого, остается неизвестным, была ли на утраченной пластинке Уваровского прорезного „лона“ змеиная композиция или иконное изображение.

Вопрос о том, специально ли для змеевиков komponировались иконные изображения, решается не просто. Если принимать во внимание и такие амулеты с заклинанием, которые, хотя и не имеют собственно змеиного гнезда, но в том или ином виде изображают змеевидного гада, то, как будто, иконный сюжет демоноборцев на этих амулетах сконпанован специально для них. Имеем в виду изображения греческих амулетов, найденных вне России, в статье G. Schlumberger: „Amulettes Byzantins anciens destinés à combattre les maléfices et maladies“ (в „Revue des Études Grecques“). Если брать только медали с змеиным гнездом, притом найденные в России, то большая часть их иконных изображений несомненно сконпанованы не специально для змеевиков. Специально сделанными для змеевиков изображениями мы склонны считать пять иконных: 1) изображение двух симметрично стоящих святых монахов, между которыми вверху находится мечевидный знак. Этому-то знаку мы приписываем демоноборное значение, считая его символом заклинательных амулетов. 2) Поясная фигура святого в круге, с мечевидным знаком над ним (Тверского музея № 2225, Толстого № 23). 3) Изображение двух всадников, главного — копыеносца и служебного ему, как-будто не воина. Соотношение фигур таково, что может заставить поискать для объяснения текст литературный, который заключал бы указание на демоноборчество двух именно, близких между собою персонажей, как, например, это и сделал М. И. Соколов. 4) Иконное изображение Федора Тирона, убивающего змея, помещаемое вверху или внизу круга со змеиным гнездом. Это иконное изображение имеет вид дополняющего змеиную композицию и частью от нее зависящего. Так, круг, в котором помещено змеиное гнездо, перерезает ноги Тирона или изменяет их направление; затем—вообще сцена Тирона со змеем отодвинута к стороне, чтобы дать место надписи, размещенной в зависимости от круга со змеиным гнездом. 5) Дополнительное же по смыслу изображение Тирона, убивающего змея копьем, которое

проходит через извивы змеиной композиции на поздних медалях XVIII—XIX века.

Выше мы упомянули мечевидный знак между двумя монашескими фигурами, а также над святым Тверского змеевика. Этот знак состоит из обращенного вниз короткого желобчатого клинка, рукоять которого защищена двойным эфесом так, что эфес с рукоятью образуют точное подобие буквы **Ж**. По мнению И. И. Толстого, этот „меч“ указывает „на связь наших змеевиков с Апокалипсисом, или скорее на влияние его (т.-е. Апокалипсиса) на первоначальных изобретателей их“, именно: „меч“ этот живо напоминает по форме своей исходящий из уст сына человеческого (Ап. I, 16) в изображении, находящемся на табл. I труда проф. Буслаева (Свод изображений из лицевых Апокалипсисов, изд. Общ. Любит. Др. Письм., СПб. 1884 г.). По приложенному Толстым рисунку Апокалипсического меча сходства его в форме с „мечом“ змеевиков не наблюдается: он имеет обычное перекрестье рукоятки, правда, загнутое вверх, но не двойное. Но дело идет собственно не столько о форме, сколько о пояснении знака цитатой из Апокалипсиса, о зависимости от Апокалипсиса. Нам кажется, что мечевидный знак на змеевиках можно толковать и иначе, сближая его, например, с некоторыми изображениями на византийских амулетах. Разумею медный посеребренный филиктерий, купленный Шлюмберже в Смирне. Эта медаль имеет на одной стороне изображение конного змеборца в нимбе, а на другой, между прочим, человеческий глаз, поддерживаемый или угрожаемый двумя львами, в который направлено сверху три кинжала, с рукоятью без эфеса. Судя по одной из круговых легенд медали, она имеет значение „печати Соломона, отгоняющей всякое зло от того, кто ее носит“. Вот с кинжалами, направленными в глаз, который Шлюмберже считает „дурным глазом“, мы и сближаем мечевидный знак наших змеевиков, считая его символом обороны против всякого зла. (G. Schlumberger, *Amulettes Byzantins anciens destinés à combattre les maléfices et maladies*, p. 74 и 75).

Обратимся к самостоятельным иконным изображениям, т.-е. к занимающим отдельную сторону змеевиков. Чаще всего мы здесь видим поясное изображение богородицы, с младенцем на правой или на левой руке, при чем фигура младенца то склоненная, принаикающая к матери, то прямая или почти прямая. Если фигура на правой руке и принаикает, то в дальнейшем эту композицию для краткости называем „Умилением“. Тип „Умиления“ помещается чаще всего на змеевиках с греческой надписью XI—XII в. и на змеевиках с русской надписью не старше XV в. Тип с мла-

денцем на левой руке, но приникающим, встречаем также и на древнем змеевике (Толстого № 15, табл. XVII № 2; Уварова № 347, рис. 76 и 77 на 98 стр.) и на поздних, не ранее XV в. Младенец выпрямленный, на той или другой руке, встречается чаще всего на поздних змеевиках, хотя он изображен таким на правой руке и на Белгородском золотом змеевике (XI—XII в.) с греческой надписью. Очень редко поясное изображение богородицы „оранты“, с воздетыми по бокам руками, то без младенца (И. М. № 42873—до XV в.), то с младенцем на лоне (Толстого № 14—века XV). Из Христова цикла на круглых змеевиках изображаются два сюжета: „Крещение“ и „Распятие“, каждое с предстоящими, т.-е. из трех фигур. „Крещение“ встречается на змеевиках чаще „Распятия“; у крещенского сюжета известно два отличающихся резко типа: на одном у большеголового Христа руки симметрично распростерты книзу и колени повернуты влево (Толстого № 17, ошибочно сочтено за „Распятие“), на другом—у Христа правая рука прижата к бедру, левая простерта вперед книзу, а колени обращены вправо (Толстого № 18). Кроме того, у этих типов есть и версии. У „Распятия“ тип один (Толстого № 16). В виду того, что букв на этих змеевиках нет, трудно установить их дату. Следует, однако, принять во внимание, что змеевик с „Распятием“ И. М. № 1227 найден в кургане между вещами не позднее XIII в. Это, должно быть, старейший среди известных экземпляров с „Распятием“ и „Крещением“ (к тому же он красно-медный). Экземпляр с „Крещением“ И. М. № 43648, схожий с № 17 Толстого, датирован в „Отчете“ Музея за 1906 г. XII—XIII в.; повидимому, здесь требуется снижение даты, напр.,—просто XIII в.? И это снижение относится к самому типу изображения; а желто-медный экземпляр № 43648, вероятно, и того позднее. Как бы то ни было, возможно змеевики с „Распятием“ и „Крещением“ отнести в основе ко времени до XV века. „Лоно Авраамово“ в виде змеевика вещь очень редкая, нам известен один только экземпляр—арковидный, желтомедный, с буквами века XV (И. М. № 572/Д)¹.

Перейдем к изображениям святых. Очень часто, и с наиболее

---

¹ Из цикла ветхого и нового заветов в собрании И. М. нет изображения „Вседержителя“, которое вообще известно лишь на одном змеевике XIV века, находящемся в музее б. Троице-Сергиевой Лавры: „Панагия-змеевик, трапецевидная. Высота с оглавием 8,4. Серпентин, обложенный золотом. Резьба по камню. Вседержитель—с лицевой стороны и голова медузы—с оборота. № 21“. („Искусство XIV и XV веков. Каталог наиболее выдающихся произведений этой эпохи в музее б. Троице-Сергиевой Лавры“. Изд. 2. 1924 г., стр. 12). Приношу благодарность А. Н. Свирину за присланный им оттиск с этого змеевика.

древней поры, на круглых, металлических змеевиках помещается фигура архангела Михаила, с мощными опущенными крыльями, то в полный рост, то поясное. Изображение в рост есть уже на древнейших змеевиках, притом—золотых, относимых ко времени не позднее XII в., именно на „Черниговской гривне“ (Толстого № 1, фототип. табл. XV, № 1) и на экземпляре Казанского Университета (Толстого № 2). Судя по надписям и остальных змеевиков с арх. Михаилом, известных И. И. Толстому (№№ 3—6), они не заходят за эпоху русских уставных почерков, т.-е. за XIV век. Типов—два: архангел то держит лабарум свободно, то втыкает его древко в пасть дракона (в другой руке—держава). Есть версии. Из поясных изображений, повидимому, архангела Михаила, не отмеченных у Толстого, в Историческом Музее имеется два разных, оба—с копьем, повидимому, накое у правого плеча фигуры, и без надписей (И. М. № 44054 и Уварова № 374). Музейский маленький экземпляр датирован в „Отчете“ за 1907 г. так: „змеевик византийского дела XI века“ (стр. 18, рис. 4). Экземпляр Уваровский, крупный, А. С. Уваров считал „произведением XV в.“, а иконописцы по типу фигуры относят к XIII в. Изображение Федора Стратилата на круглых, складных, довольно редких змеевиках—„энколпионах“, судя по надписям (Толстого № 19), датируется не позднее XIII в.; то же изображение—на многоугольных экземплярах, должно быть, позднее. Поясное изображение неизвестного святого (с бородой) на змеевике Тверского Музея № 2225, литом „из бронзы или серебра очень низкой пробы“, судя по греческой надписи, может быть и ранее XV в. Автор „Описания Тверского Музея“ (М. 1888 г., стр. 115) относит этот экземпляр к XII в. Изображение это тем интересно, что над кругом, в который включена фигура святого, находится мечевидный знак, характерный для композиции из двух симметричных монахов. Два святых монаха, изображаемые на змеевиках в рост, имеют между собою вверху упомянутый мечевидный знак, а внизу крест на ступенчатой Голгофе. Греческая круговая надпись на иконной стороне такой медали может относиться и к XII в., но русские именные колончатые надписи на внешнем поле фигур, кажется, значительно позднее, позднее и монограммные надписи по бокам креста. В виду тесноты поля, колончатые уставные надписи с самого начала были нарезаны нечетко, нечетко были нарезаны и монограммные надписи у креста. И те и другие то совсем пропадали, стирались (частью намеренно), то возобновлялись по догадке репродуктором или владельцем змеевика (напр., Толстого № 24, фототип. табл. XVII, № 3—монограммы XV в.; Щукина

№ 2999, колончатые надписи заменены строчными, но по линии колонн, почерк тоже не старше XV в.). Имена этих святых, вследствие неразборчивости колончатых надписей, устанавливаются не без труда. Так, на серебряном вызолоченном экземпляре Рязанской Архивной Комиссии В. Н. Щепкин предложил читать имена апостолов-братьев Филиппа и Андрея (Археолог. Известия и Заметки, изд. Моск. Археол. Обществом, т. VI, М. 1898 г., стр. 133), но он имел в распоряжении лишь снимок с очень плохой фотографии; а гр. А. А. Бобринский на самом подлиннике того же змеевика разобрал: **АКЪЗМ** и **АМНАН**, т.-е. Кузьма и Дамиан (А. А. Бобринский, „Несколько неизданных змеевиков“, отд. оттиск из Записок Русского Археологического Общества, по отд. слав. и русск. археологии, т. X, СПб. 1898 г., стр. 7). Что симметрично поставленные святые монахи представляют собою на змеевиках, в русском их употреблении, Кузьму и Дамiana, подтверждается и ясной надписью, правда, позднейшей, на экземпляре Щукина № 2999. Вариантов этого змеевика три: 1) с круговой греческой надписью и большеголовыми святыми (напр., Толстого № 24, фототип. табл. XVII № 3); 2) с греческой же надписью и узколицыми святыми—наиболее частый вариант (каталога Уварова № 383, рис. 98 на стр. 107), и еще 3), с круговой русской легендой, на упомянутом рязанском змеевике, которую В. Н. Щепкин относит к XIII веку (подобий в Историческом Музее нет). Существуют круглые змеевики (не отмеченные Толстым) также с парными святыми, именно русскими—Борисом и Глебом. В Историческом Музее их имеется три экземпляра: № 7251 (колонч. надписи: **БРС** и **(ГЛ?)Б**), № 55214 (колонч. надписи: **БРС** и **ГЛБ**) и № 41938 (колонч. надписи: **ДВД** и неразборчивая, д. б. „Романъ“). По типу букв, надписи не позднее XIV в. Каждая из этих фигур держится одной рукой за середину креста, водруженного между ними, подобно тому, как это изображается на иконах Константина и Елены, начиная еще с XII века. Змеевик с двумя всадниками (Толстого № 21, Уварова № 385) по типу фигур—старо-византийский; что это за всадники, решают разно. Толстой видит здесь „изображения Федора Стратилата и Федора Тирона (?“; Уваров рассуждает так: „надписей имен нет, но, по сравнению с подобными изображениями, встречаемыми в русской иконографии, мы имеем право считать их или за св. Федора и Димитрия, или за князей Бориса и Глеба“. На какие именно изображения русской иконографии ссылается Уваров, не знаем. Что касается каталога древностей его собрания, то под № 220—222 металл. икон здесь значится: „свв. Глеб и Борис... в воинском облачении,

в высоких острых шапках: Глеб—со знаменем, Борис—с мечом, верхом на тяжелых конях, идущих шагом. По сторонам надпись имен. Фон прорезной“ (стр. 83, рис. № 65 на стр. 82). По направлению коней—в одну, общую сторону, эта икона сходна со змеевиком Толстого № 21, Уварова № 385. Святые на конях, идущих навстречу друг другу, изображены на деревянной панагии Уварова № 108; есть ли здесь именные надписи, на цинкографии Уварова (рис. 25) разобрать трудно. Уваров же прямо называет этих всадников Георгием и Димитрием. Для полноты еще упомянем о каменной иконке Уварова № 53, где вырезаны два пеших воина рядом, с надписью имен—Георгий и Федор Стратилат. Внешний, передний всадник змеевика,—безбородый курчавый воин в нимбе, с копьем, несколько напоминает всадников-змееборцев Уваровской панагии № 108; всадник, едущий рядом с первым позади его фигуры, имеет бороду, но не держит оружия. Если бы это был воин, то присутствие бороды позволяло бы нам счесть его за Федора Стратилата. Но на змеевике бородатая фигура не имеет воинских признаков и, кроме того, поворотом своей головы и головы своего коня в направлении к молодому воину свидетельствует о каком-то своем подчинении ему, или о беседе с ним. Несколько похож на конного воина нашего змеевика всадник-змееборец, изображенный на греческом амулете Шлюмберже, купленном в Смирне и названном в надписи вокруг всадника печатью Соломона (**СФРАΓΙΣ СОЛОΜΟΝΟΣ**). На другой стороне Смирнского амулета круговая надпись читается так: **ΦΕΥΓΕ ΜΕΜΙΣΜΕΝΙ СОЛОΜΟΝ СЕ ΔΙΟΚΙ СΙΣΙΝΝΙΟС СΙΣΙΝΝΑΡΙΟС**. т.-е. „беги, презренная, Соломон тебя гонит“ (или—„пусть Соломон тебя гонит“), Сисинний Сисиннарий“ (G. Schlumberger, *Amulettes Byzantins anciens*, p. 74—75). Всадника-змееборца, с безбородой головою в нимбе, Шлюмберже считает Соломоном, позою напоминающим Георгия, а имя Сисинния-Сисиннария относит к владельцу талисмана,—последнее, должно быть, ошибочно. Кто именем конный св. юноша нашего змеевика (Толстого № 21, Уварова № 385), определить с достаточным основанием не можем: он воин, копыеносец, но не змееборец. Может быть, это и Соломон, простоволосый, как на Смирнском амулете. Но вот второй всадник змеевика, бородатый и безоружный—не есть ли св. Сисинний, изрекающий в беседе с Соломоном свое заклятие? Приведем также толкование М. И. Соколова, может быть, еще более вероятное. „Неизвестно (пишет М. И.), почему Д. И. Прозоровский признает во всадниках Федора Тирона и Федора Стратилата. Но Федор Тирон и Федор Стратилат, насколько мы знаем, изо-

бражаются обыкновенно тяжело вооруженными пешими воинами. Нельзя ли в двух скачущих всадниках признать изображение преследующих диавола Сисинния и Синодора, которые в легендах изображаются всадниками?" (М. И. Соколов, „Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками“ Ж. М. Н. Пр., 1889 г. июнь, стр. 361). Несмотря на все эти предположения, не следует однако оставлять без внимания старую догадку Прозоровского, повторенную Толстым—хотя и со знаком вопроса. Мнение Прозоровского, по которому всадники змеевика означают Федора Тирона и Федора Стратилата, находит себе поддержку в изображении на византийской иконе XI или XIII в., которая хранится в отделе христианских древностей (Museo Christiano) Ватикана. У переднего всадника здесь надпись: **Ο ΑΓΙ. ΘΕΟΔΩΡΟΣ Ο ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΗΣ**, у заднего: **Ο ΑΓΙ. ΘΕΟΔΩΡΟΣ Ο ΤΥΡΩΝ**. Композиция и все детали поз совершенно соответствуют нашему змеевику с той только разницей, что на иконе оба всадника безбородые и оба воины, так как и задний из них вооружен копьем (Гр. А. С. Уваров, Сборник мелких трудов, т. I, М. 1910, стр. 219 и 220: „Образцы Византийского и Русского Иконописания“, фототип. табл. ХСVIII, № 144)¹. Показание Ватиканской иконы обессиливается, однако, тем, что по подлинникам Федор Стратилат должен изображаться с бородой; поэтому можно думать, что имена Ватиканской иконы поставлены художником произвольно. Полному отождествлению персонажей иконы и змеевика мешает также отсутствие копья у заднего всадника на змеевике. О Борисе же и Глебе здесь и думать нечего, так как, прежде всего, фигуры змеевика по внешности чисто византийские и простоволосость их обеих не идет к типам Бориса и Глеба, обычно изображавшихся в княжих шапках. Тип у рассматриваемого змеевика один и версий не имеет.

Есть еще одно иконное изображение на змеевиках, именно приурочение которого не вполне ясно. На круглом экземпляре И. М. № 43649 (рис. 3 на стр. 22 „Отчета“ И. М. за 1906 г.) изображена, повидимому, женская поясная фигура с воздетыми на груди дланями, между которыми не то складка одежды, не то крест. Буквы около фигуры не поддаются чтению. Составитель „Отчета“ И. М. за 1906 г. толкует это изображение так: „Параскева, млада, со крестом“, и относит змеевик к XI—XII веку (стр. 23). Подобное изобра-

¹ Подобное изображение двух молодых конных воинов—святых, но с неразборчивой греческой надписью имен, есть еще на обломке каменной круглой пластинки, найденной в Херсонесе и хранящейся в Византийском отделе Исторического Музея.

жение есть еще на круглом змеевике, хранящемся в Византийском отделе И. М., также с неразборчивой надписью: справа от фигуры как будто **Θ**. По мнению Н. Д. Протасова, тип фигуры можно отнести к Византийскому X веку. Такой же иконный тип на круглом змеевике изображен в каталоге Ханенка (в. II, № 325), при чем по сторонам изображения ясно читается **MP ΘΥ**. На грушевидном змеевике Щукина № 3030 по сторонам подобной фигуры, с воздетой на груди левой дланью, но с крестом в правой, читается: **ΒΑΡ ΒΑΡ**; почерк века XIII. Знаменитый круглый яшмовый змеевик И. М. № 19726 (Толстого № 22) носит на себе резное изображение семи спящих отроков Эфесских, при каждом из которых вырезана круглая лунка, с чертой над нею (тыквенный сосуд для воды и посох?). Примитивность фигур, однообразие их поз зависят здесь, вероятно, от небольшого поля медали и от неподатливости материала, расположение же фигур—от круглой формы змеевика; но во всяком случае техника резьбы замечательна. Продолговатый прямоугольный камень с семью спящими отроками (каждый в круге) и с заклинательной надписью по боковым сторонам, купленный Бобринским на Сухаревском рынке в Москве и происходящий будто бы из Вятской губернии, представляет собой несомненную подделку, произведенную на основании данных нашего змеевика, опубликованных в печатных статьях Филимонова, Прозоровского, Толстого (№ 22) (см. А. А. Бобринский „Несколько неизданных змеевиков“, стр. 4, № 2). Иконные композиции с семью покоящимися фигурами вокруг Христа, изображенными не на змеевиках, в каталоге Уварова названы: „Христос и труждающиеся“ (стр. 15, № 25) и „Спящие отроки Ефесские“ (стр. 60 и 61, № 48); последний сюжет Уваров считает прототипом первого (стр. 16 и 17). Весьма важно, что на литой складной иконке Уварова № 48, именно на задней ее части изображены Сисиний и архангел Сихаил (стр. 61, рис. 35). С этим можно сблизить круглый греческий образок, изданный du-Cange'ем в 1745 г., на котором семь покоящихся безыменных фигур расположены в гнездах вокруг архангела Михаила (или Сихаила?), побивающего палицею скорченные фигуры, в присутствии безыменного святого, которого М. Н. Сперанский считает Сисинием (М. Н. Сперанский „О змеевике с семью отроками“, стр. 59, рис. 7). Другими словами: сюжет спящих отроков Эфесских на привесных, следовательно, и на тельных медальонах и в Греции и в России связывался с борцами против нечисти, избивающими и заклинающими ее. А это в свою очередь делает понятным, почему такой сюжет изображался и на змеевиках в собственном смысле, каковы: греческий змеевик Неаполи-

танского Национального Музея № 1521, отмеченный М. Н. Сперанским, и яшмовый змеевик И. М. № 19726 (Толстого № 22). Материал змеевика И. М. № 19726—темно-зеленая яшма с красными пятнами—роднит его с яшмовыми „абраксасами“ и Мэстрихтским змеевиком, изданными Кингом (С. W. King. „Antique gems and Rings“, v. II, London 1872, стр. 46, табл. VIII—гностич. „абраксасы“; „The gnostics and their remains, ancient and mediaeval“, London 1864, стр. 119; Толстого, стр. 50—Мэстрихтский змеевик), а также с Византийскими камнями-иконками (Babelon, Catalogue des camées, 1907, стр. XIV и 179 и след.)¹. Резьба углубленным рельефом также роднит его с „абраксасами“². В виду этого высказываем предположение, что змеевик И. М. № 19726 был выполнен по русскому заказу из византийского материала и в мастерских Византии, по крайней мере в той своей части, которая содержит одни изображения, сделанные, на наш взгляд, искуснее букв, начертанных притом иным способом³. По начертаниям букв исследователи относят яшмовый змеевик к XIII веку, по крайней мере. В коллекции Уварова под № 387—390 значатся „две пары снимков (из гуттаперчи и цинка) с древней византийской филиakterии с изображением св. Георгия и семи змей, расположенных... колесом вокруг человеческой головы“ (стр. 108, без рисунка). Этого змеевика мы не видали в И. М., но предполагаем, что змеи вокруг человеческой головы изображены на иной стороне медали, а не на той, где изображен Георгий. Что змеевики с изображением конного Георгия, поражающего копьём гада, су-

¹ „Le jaspe sanguin ou héliotrope, qui, chez le Byzantins et à l'époque de la Renaissance, était recherché, a cause de ses taches rouges, pour la gravure des sujets où le sang devait jouer un rôle, comme la Crucifixion, la Mater dolorosa, saint Sébastien ou d'autres martyrs... Un bon nombre de ces camées avaient des vertus prophylactiques et servaient d'amulettes (XIV). № 333 из этих Визант. камей на гелиотропе имеет поясное изображение благословляющего Христа; камень окружена серебряным ободом с надписью XIII в.: Sortilegis vires et fluxum tollo cruoris. Не был ли назначен и № 19726 И. М. против кровотечения? Относительно местонахождения *jaspe sanguin* академик А. Е. Ферсман сообщает: „В России гелиотроп известен на Кавказе, в Армянском нагорьи, но особенно интересны его местонахождения по Аргуни“ („Драгоценные и цветные камни России“, т. I, Пгр. 1922 г.).

² Собственно, термин „резьба“, в приложении к изображениям яшмового змеевика Исторического Музея, не вполне удовлетворителен; это скорее—точка на станке, притом сделанная искусной рукой привычного мастера.

³ Зеленая яшма мало известна в русских средневековых поделках иконного типа. Я, по крайней мере, знаю только еще одно указание, что в Новгороде есть „панагия из зеленого камня, на которой вырезаны 7 молящихся фигур с изображением над ними Спасителя и надписью: „семи отроць в ефесехъ“. В. П. Ласковский. Путеводитель по Новгороду. Н. 1910 г., стр. 26.

ществуют, видно, например, по греческому круглому змеевику Эрмитажа, интвент. № 914/6. К иконным изображениям змеевиков более позднего времени, позднее XIV века, а может быть, и XV-го, во всяком случае не ранее того периода XV века, когда уставный почерк был окончательно изжит, относится довольно сложная композиция, представляющая собою избиение Никитою дьявола, в виде очеловеченной собаки. Композиция этого изображения на змеевиках собственно одна,—та же, что и на иконах в тесном смысле, напр., Уварова № 234 (стр. 84 и рис. 67 на стр. 83). Версий этого изображения несколько.

До сих пор мы говорили о, так сказать, „самостоятельных“ иконных изображениях на змеевиках, точнее—о таких изображениях, которым отведена целиком одна из сторон амулета. Теперь скажем об иконных изображениях, дополняющих змеиную композицию, то-есть помещенных на той стороне амулета, где находится гнездо змей. Здесь изображается только Федор Тирон, поражающий отдельного от змей дракона копьем. Типов этого изображения три: 1) Федор с драконом над кругом, заключающим змей; 2) Федор с драконом под таким кругом; 3) Федор, поражающий дракона сквозь змеиную композицию. У первых двух типов версий несколько. На другой стороне змеевиков с Тироном изображены или богородица с младенцем или Никита с собакой-дьяволом. Надписи с той и другой стороны таких змеевиков свидетельствуют о полууставном времени, то-есть относятся в основе к эпохе не ранее XV в., говорим—в основе, реальное же их исполнение на всех таких змеевиках говорит о XVII, XVIII и даже XIX веках.

Перейдем к типам змеиной композиции. Эти типы можно разделить на два рода: 1) змеи расположены около человеческой фигуры; 2) около человеческой головы. Человеческая фигура имеет признаки, позволяющие считать ее женской (безбородость, груди). Женскою, повидимому, надо считать и человеческую голову (безбородость). У того и другого рода человеческое лицо изображается то миловидным, то страшным. Человеческая фигура имеет то эстетический облик, то отталкивающий, то пластически выраженный, то схематизованный до последней степени графического примитива. На всех змеевиках змеи не только расположены около, но, так сказать, сросшены с человеческой фигурой или головой, которые в большинстве случаев помещены в центре. На некоторых змеевиках человеческая фигура сверх того касается руками змеиных туловищ, или держит последние. Есть человеческая фигура змееножная и есть фигура с ногами, не переходящими в змей (в последнем случае—это собственно

голова, к которой приставлены линейные руки и ноги). Змеи также выражены в разной степени скульптурности и пластики. Змеиные головы и туловища то растушеваны наподобие чешуи, то сглажены. Змеиные головы частью ясно драконовидны, точнее — напоминают хищного зверя с ушами, и этой своей „геральдической“ формой могут свидетельствовать о культуре, где эта форма возникла или преимущественно выражалась. Собственно драконовидны все змеиные головы наших амулетов, только в разной степени выразительности. Например, на некоторых змеевиках сглажена загнутость верхнего конца пасти, пропали уши и т. п. Змеиная композиция с человеческой головой или фигурой имеет виньеточную форму, в которой части расположены симметрически, хотя и в разной степени художественной симметрии, при чем эта симметрия предполагает внешнее обрамление змеиной композиции окружностью. Позволяем себе высказать мнение, что ни один из типов, или версий даже, змеиной композиции амулетов не носит на себе черт славянского происхождения. Эта композиция идет из более древних очагов средиземноморской культуры. Соединение иконных сюжетов с змеиным гнездом произошло также не на славянской почве; можно допустить только, что некоторые детали иконных типов и их версий носят на себе следы зависимости от эпох, например, русского искусства. Сказать решительнее: все образцы для русских змеевиков были получены из Византии, при чем намечаются, повидимому, две пока эпохи перехода, гранью между которыми является XV век.

Змеиная композиция с змееножной женской фигурой имеет 4 типа, подразделяемые нами на версии:

I. Тип „мощный“ — „Черниговской гривны“, то-есть, тип, который наиболее пластично выражен в 1-й из четырех своих версий — на золотом змеевике XI—XII века, известном у описателей его под именем „Черниговской гривны“. На лицевой стороне этого экземпляра — арх. Михаил в рост, впрямь, с лабаром и державой. 1) Змеи здесь с мощными туловищами, головы у них ясно драконовидны. Их чешуйчатые туловища имеют продольную борозду посредине. Женская фигура с миловидным лицом имеет короткий бюст, который непосредственно продолжен змеиными туловищами с 8-ю драконовыми головами. На месте рук — еще две драконовые головы. 2) Пластичность змеиной композиции Черниговской гривны хорошо воспроизведена в несколько меньшем размере на серебряном змеевике Толстого № 24 (табл. XVII, № 3), с двумя большеголовыми монахами-святыми на лицевой стороне. Здесь только туловища змей намеренно оставлены нерастушованными. На всех почти

змеевиках с двумя узколицими монахами-святыми¹ и на змеевике Толстого № 4 с арх. Михаилом, опускающим лабарум в пасть дракона, совсем та же змеиная композиция целиком лишена растушовки. Такая же нерастушованная композиция, как на змеевиках с узколицими святыми, изображена на греческом змеевике Прозоровского, имеющем на лицевой стороне заклинание вместо иконного изображения (Толстого № 25). На змеевике Тверского Музея с иконным изображением неизвестного святого под мечевидным знаком (Толстого № 23) та же змеиная композиция, но с остатками растушовки на змеиных туловищах. 3) Мощный и пластичный тип змеиной композиции отражен несомненно одинаково на двух золотых змеевиках еще меньшего размера, чем серебряный Толстого № 24: разумею змеевики — по провенансу — Белгородский (Толстого № 12, фототип. табл. XVI, № 1) и Смоленский (Толстого № 13, фототип. табл. XVI, № 2). На лицевой стороне обоих этих змеевиков богородица с младенцем на правой руке. 4) Еще в более уменьшенном и сглаженном виде (может быть, от употребления) мощный тип змеиной композиции Черниговской гривны отражен змеевиками: Толстого № 5 с арх. Михаилом, опускающим лабарум в пасть дракона; Исторического Музея № 44054 с поясной фигурой, должно быть, того же архангела, с копьем у правого плеча; Исторического Музея №№ 7251, 41938 и 55214 с Борисом и Глебом на лицевой стороне.

II. Тип „облегченный“ Черниговской гривны, то-есть, тип по композиции тот же, что на золотой „Черниговской гривне“, но туловища змей тоньше, головы их утратили звериный характер

¹ Выше мы говорили о змеевике Рязанской Архивной Комиссии с двумя монахами-святыми на лицевой стороне, определенными в боковых колончатых надписях, как „Кузм(а)“ и „(Д)амиан“. Круговая легенда лиц. ст. здесь не греческая (начало „трисвятой“ песни), как на всех вариантах этой версии, а русская: + III ПОМОЗН РЯБУ СВОЮМОУ ЯНДРЪОВИ. Совершенно такая же по содержанию надпись читается, как верно заметил Бобринский, на оборотной стороне крупного змеевика, изображенного у Толстого под № 3 (стр., 16) и Уварова № 378 (рис. 96, на стр. 106). Змеиная композиция Толстого № 3, Уварова № 378, принадлежит к иному типу „серповидному“, VI-му по нашему счету. Не утверждая какого-либо взаимоотношения между этим змеевиком, имеющим на лицевой стороне арх. Михаила, и Рязанским, с двумя монахами на лицевой стороне, мы только обращаем внимание на русское молитвенное именное воззвание, вместо обычного греческого афоризма „трисвятой“ песни. Если взглянуть в самые фигуры святых-монахов, то они тоже необычны, не то широколобы, не то представляют собой уширение узколицих голов. Поставлены фигуры в такой близости между собою, что не осталось достаточного места ни для мечевидного знака, ни для Голгофы с крестом. В виду этих признаков, мы считаем Рязанский змеевик русским подражанием.

и, кроме того, над центральной человеческой головой, потерявшей миловидность, прибавлено еще две змеиных головы, отвечающих своим расположением двум змеиным головам, заменявшим на „Черниговской гривне“ руки человеческого бюста. „Облегченный“ тип помещается на змеевиках крупного размера (диаметром в 7 см. и около того) с „Умилением“ на лицевой стороне. Версия одна, вариантов несколько, см., напр. Толстого № 7—10, рис. на 18 и 19 стр. и фототип. табл. XV № 3, и каталог Уварова № 350, рис. 80 и 81 на стр. 100.

Следует заметить, что короткий бюст человеческой фигуры выявлен вполне лишь на золотой Черниговской гривне; он еще заметен на серебряном змеевике Толстого № 24, а затем в остальных отражениях композиции Черниговской гривны он почти или совершенно исчез.

III. Тип безобразной змееножной женской фигуры, держащей каждую рукою по змеиному туловищу. Этот тип имеет две основных версии. 1) Все части изображения мощны. Человеческая голова большая, круглая, над нею непосредственно столбик; груди не намечены только, как на Черниговской гривне и отражениях ее типа, они — длинные и висят; ноги переходят в змей от своего естественного разделения, то-есть у фигуры есть не только бюст; змеиные головы ясно драконовидны. Все это выполнено грубо, как бы намеренно не отделано, растушовка лишь намечена. На лицевой стороне — богородица с младенцем на левой руке. См. Толстого № 15 и фототип. таблицу XVII № 2; Уварова № 347 и рис. 76 и 77 на стр. 98. 2) Все части змеиной композиции утонены и ослаблены, скульптурная округлость приплюснута, на человеческой голове также столбик, но сама голова книзу уже, змеиные головы утратили драконовидность. На некоторых экземплярах змеиные туловища прочерчены продольной бороздкой. Других следов отделки нет. Эта версия встречается на змеевиках, которые имеют на лицевой стороне изображение „Крещения“ (Толстого № 17 и № 18, Уварова № 386) и, повидимому, „Распятия“ (куржанный змеевик И. М. № 1227). 3-я версия — „упадочная“ — принадлежит змеевику Толстого № 14, на котором с лица изображена богородица „оранта“ с младенцем на лоне. Человеческая фигура, с лицом узким книзу, руками касается змеиных туловищ; она опущена очень низко, так что змеиное продолжение ног оторвано от промежности и помещено около бедер, змеи вьются в беспорядке; столбик над головой исчез; растушовки нет (см. Толстого № 14, Уварова № 372). 4-я версия — вензелевидная — может, пожалуй, считаться типом IV, а именно:

IV. Тип — вензелевидный — состоит из такого плетенья змей, которое как-бы образует очертания змееножной человеческой фигуры, притом держащей, или касающейся змей. В верхней части — безобразная человеческая голова, кругловатая и лысая, как у типа III-го. Змеиные туловища тонки и прочерчены продольной бороздкой, тощие змеиные головы несомненно утратили драконовидность. Мы предположительно здесь видим отражение типа III-го. Вензелевидный тип помещается на змеевиках с иконным изображением двух всадников. См. Толстого № 21 и Уварова № 385, рис. 99 и 100 на 107 стр.

Автор Уваровского каталога при описании № 347 говорит, что А. С. Уваров „в изображении... фигуры со змеями видит подражание древним титанам“ (стр. 98 и 99). Во всех описанных типах змеиновидные ноги у женской фигуры действительно заканчиваются не хвостами, а драконовыми или змеиными головами, подобно античным изображениям титанов. Эта особенность настолько характерна, что обратила на себя внимание такого впечатлительного наблюдателя, как Тургенев ¹.

Змееножная фигура на амулетах встречается с очень давнего времени. Приведем, прежде всего, так называемые „абраксасы“ (каменные, эллиптической формы), на которых божество, имеющее петушиную или ослиную голову, стоит на змеевидных ногах, частью оканчивающихся змеиными головами (Antique Gems and Rings by C. W. King, vol. II, London 1872, tabl. VIII, — Gnostic — Ἀβραξάς, № 2 — 6; М. И. Соколов „Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками“, М. 1894, стр. 54 отд. оттиска из I вып. Трудов Слав. комиссии Моск. Археол. Общества). У одного из абраксасов, имеющих на одной стороне описанную змееножную фигуру, на другой — изображена человеческая фигура с головой шакала, которая держит в правой руке змея (Соколов, стр. 54 — 55). Фигуры абраксасов, змееножная и держащая змея, судя по одежде, представляют мужское существо. Но мы

¹ Описывая горельефы III в. до нашей эры с фронтона алтарей Зевса и Паллады, имеющие сюжетом борьбу богов с титанами, детьми Геи, Тургенев, видевший эти горельефы в Берлинском музее, пишет: „Кстати заметить, что почти у всех гигантов ноги заканчиваются змеиными телами, не хвостами, а телами, головы которых также принимают участие в битве: Зевсовы орлы их терзают — уцелела одна змеиная широкая, раскрытая пасть, захваченная орлиной лапой“ („Пергамские раскопки“, 1880 г.). Гигант, с ногами, переходящими в змеиные туловища, оканчивающиеся змеиными головами, изображался и на камнях греко-римской эпохи — I в. до нашей эры (см. Gisela M. A. Richter. The Metropolitan Museum of Art. Catalogue of engraved gems of the classical style. New York, MCMXX, табл. 52, № 210 и стр. 129).

знаем от античности и женскую фигуру, которая притом имеет змей, исходящих от висков, снизу от прически, и, кроме того, держит по змее в каждой руке. Разумеем здесь эллипсоидную гемму из халцедона, ионийской работы, найденную в Керчи вместе с сосудами V века до нашей эры. На этой гемме изображена четырехкрылая горгона в быстром беге, со змеями на голове и в руках, по симметрической паре на каждом месте (*Comptendu de la Commission... Archéologique pour l'année 1860. Atlas. S.-Pb., 1861, t. 4, f. 6*). Это изображение уже довольно близко к типу III композиции змеевиков, выключая только то, что на гемме, как и на абраксаках, фигура одета, а на змеевиках — голая. Еще для нас важнее изображение на конском золотом налобнике из кургана „Цимбаловой могилы“ (раскопки И. Е. Забелина близ села Большой Белозерки, Мелитопольского уезда, Таврической губ.). Найденные здесь налобники украшены изображением женского божества в типе персидской Артемиды, одежда которой оставляет руки обнаженными. Человеческое тело божества внизу расходится двумя ушастыми, рогатыми драконами, змеиные туловища которых симметрично загнуты к каждой из рук богини. Она и держит эти драконовы головы за рога. Ниже тело богини опять расходится двумя ушастыми грифонами, змеиные туловища которых также симметрично загнуты; еще ниже в той же композиции — пальметка с двумя перевивающимися побегами вниз, в виде змей с реальными змеиными головами. Прямо на голове богини, на волосах, поставлен чашевидный предмет, по терминологии Н. П. Кондакова „калатос“, из которого идут вверх два симметрично извивающиеся побега, увенчанные пальметкой („Русские древности в памятниках искусства, изд. гр. И. Толстым и Н. Кондаковым“, в. II: „Древности скифо-сарматские“, Спб. 1889 г., стр. 115 и 116, рис. 99).

Здесь, очевидно, мы имеем дело с филактерием, изображение на котором — по умноженности змеев-драконов, по симметрии их гнутых фигур, по держанию их руками женской фигуры и даже по предмету на ее голове — напоминает змеиную композицию первого и в особенности третьего из наших типов.

Змеиная композиция с человеческой головой в центре имеет следующие типы:

V. „Колесовидный сигматический“ тип, т.-е. такой, где змеиные туловища расположены вокруг человеческой головы в виде изогнутых латинскою сигмою (*sigma Romanum*) спиц получающегося таким образом колеса; головы змей обращены в одну сторону, спицы как-бы бегут одна за другой. Версий несколько. 1) Вокруг широколобой лысой головы девять насеченных поперек, широких

змеиных туловищ, прикрепленных к центральной человеческой голове не прямо, а по касательной: получается вид туловищ, как бы заходящих основаниями друг за друга. Обращенные влево головы у них—драконовые, ушастые, бородатые. Представляет эту версию змеевик в экземплярах Толстого № 11 (фототип. табл. XVII, № 1) и Уварова № 371 (рис. 91, на стр. 104), на лицевой стороне которого—„Умиление“. 2) Вокруг волосатой человеческой головы семь тонких змеиных туловищ, с половины длины раздвоенных и оканчивающихся 14-ю драконо- или грифовидными головами, которые обращены в правую сторону. Представители: золотой змеевик Казанского университета, т.-е. Толстого № 2, и подражания ему—А. А. Бобринского („Несколько неизд. змеевиков“, стр. 6, фиг. 3 и 4) и Толстого № 6 (на лицевой стороне изображен арх. Михаил с лабаром). 3) Вокруг кругловатой человеческой головы с прической шесть тонких змеиных туловищ с узкими драконовидными головами, которые обращены влево. Между этими туловищами около половины их длины стоит по звездочке, подобно тому, как на змеевике Казанского университета тут стоит по букве семибуквенного имени: **ЄФРОСҀН**. Змеевик с 6-ю змеями и звездочками между ними известен в двух экземплярах: один—яшмовый, круглый и выпуклый, несомненно подлинный XII—XIII в., принадлежит Историческому Музею, № 19726, Толстого № 22 (на лиц. стороне—семь спящих отроков Ефесских); другой—из темного камня, прямоугольный, с буквами между 6-ю змеями, подделка на основании яшмового змеевика И. М.,—принадлежал А. А. Бобринскому, который купил его в Москве у Сухаревой башни (гр. А. А. Бобринский, „Несколько неизданных змеевиков“, стр. 3, фиг. 1)¹. 4) Смешанная, упадочная, производная композиция, вероятно, стоящая в зависимости от „колесовидной сигматической“: змей здесь, кажется, 12, исходят они из чего-то круговидного в центре, направление их не выдержано—часть обращена направо, часть налево, и, сверх того, внизу смутно изображена опрокинутая человеческая голова; на лицевой стороне—богородица с младенцем на левой руке. Змеевик этот представлен экземплярами Толстого № 29, Уварова № 349.

„Колесовидный сигматический“ тип на змеевиках, найденных

¹ Оставляем пока в стороне змеевик Государственного Эрмитажа из Сирии с 7-ю змеями-сигмами, обращенными вправо, вокруг большой человеческой головы. Между изгибами змей по букве: ANMAMI. На другой стороне змеевика неясные изображения и греческая надпись. А. Спицын, Археологич. альбом, Зап. отд. рус. и слав. арх. И. Рус. Археол. Общества, т. XI, Пгр. 1915 г., стр. 242 и след., изобр. на стр. 245 (рис. № 43 и 44). Подобий этому змеевику в И. М. нет.

в России, имеет следующие греческие параллели, зарубежные провенансу:

1. У Толстого под № 26 описан и изображен эллипсоидный „абраксас“, изданный Монфоконом (*L'antiquité expliquée*): на одной его стороне голова (в прическе), из которой колесовидно исходят семь змеиных туловищ, насеченных поперек, с ушастыми и бородатыми головами драконов-грифов, обращенными вправо. На обороте „абраксаса“ изображены не фигуры, а надпись—заклинание „истеры“.

2. В Эрмитаже хранится круглый свинцовый змеевик, приобретенный в Константинополе (№ 910/3). С одной стороны на нем изображено вокруг человеческой головы семь змеиных туловищ с головами, кажется, вправо. На другой стороне—заклинание „истеры“, расположенное строчками подобно „абраксасу“ Толстого № 26, с теми же особенностями в чтении. Сведениями о № 910/3 мы обязаны О. Н. Бубновой.

3. На стр. 49 и 50 Толстым описан и изображен по Фрëнеру круглый змеевик, вырезанный на зеленой яшме, хранящийся в Мэстрихтском соборе под названием печати св. Серватия (по Шлюмберже—*sous le nom de sceau de Saint Servais de la cathédrale de Maestricht*). На одной стороне его, вокруг человеческой головы, 7 насеченных поперек змеиных туловищ, с ушастыми и бородатыми драконовыми головами, обращенными вправо; на другой стороне—бюст византийского святого с крестом в левой руке (т.е., должно быть, мученика)¹, с заклинанием „истеры“ в круговой легенде.

4. На стр. 50 и 51 Толстой повторяет Кинга² в изображении только одной стороны крупного круглого змеевика, с христианским молитвословием кругом змеиной композиции. Из центральной человеческой головы с прической выходят девять насеченных поперек змей с драконовыми ушастыми головами и с жалами. Туловища змей не выгнуты римской сигмой, а согнуты округло. Из человеческой головы они выходят как бы тройками. Эта тро-

¹ Толстой здесь следует Фрëнеру (*M. Fraener, „Kritische Analekten“, Philologus, Supplement-Band V, Heft I, 1884, S. 42, § 46*), который в свою очередь пользуется Кингом (*„The gnosticks and their remains, ancient and mediaeval“, London, 1864, 119—и „Handbook of engraved gems, 112*). Фрëнера же пересказывает G. Schlumberger в статье *„Amulettes Byzantins anciens“*.

² *„The gnostics...“*. 1864, 67. В книге *Antique Gems and Rings by C. W. King, Vol. II, London, 1872*, на таблице IX № 3 изображен тот же змеевик, а на стр. 47 дано такое его описание:

„The Gnostic Gorgon, usually explained as taken for the type of Achamoth, Mother of the Demiurgos. The legend much corrupted, is meant for Ἅγιος, ἁγιος, κύριος Σαβαώθ ὡσαννὰ τοῖς ὑφίστοις εὐλογημένος“.

ичность девяти змей чувствуется и на богородичном змеевике № 11 (фототип. таблица XVII, № 1). Только на змеевике Кинга туловища согнуты и головы обращены не в одну для всех сторону. Над человеческой головой и под нею каждая тройка их скомпанована так: две крайние змеи обращены одна к другой, а средняя, покорооче их—влево. По сторонам человеческой головы каждая тройка змей обращена вниз. В виду серпообразия змей, обращения их навстречу—вверху и внизу и ниспадения вниз—по сторонам, считаю их композицию на змеевике Кинга смешанной из двух—колесовидной и серповидной. И еще вопрос—в каком отношении стоит она именно к колесовидной „сигматической“ композиции.

5. Еще более трудным для классификации является круглый свинцовый змеевик с ушком, приобретенный Шлюмберже в Константинополе. На одной его стороне человеческая голова (с прической), из которой выходят шесть ушастых змей с начерченными поперек туловищами. Головы двух верхних змей обращены влево, по сторонам же и внизу человеческой головы каждая из соответствующих взаимно змей смотрит в противоположную сторону, т.-е. две справа и обращены вправо, а две левые—влево, вроде того, как на змеевике Кинга (Толстого, стр. 50—51). На другой стороне изображен конный воин, колющий копьем гада. Шлюмберже считает его Соломоном. Круговую легенду Шлюмберже прочесть отказывается, но на стороне змеиной композиции она, по всей видимости, является обычным заклинанием „истеры“, да и на другой стороне, должно быть, помещена вторая половина этого заклинательного текста. В самом описании змеиной композиции Шлюмберже не совсем точен. Он напрасно называет правое и левое от человеческой головы змеиное туловище руками этой головы (*sur les côtés, deux bras également terminés par des têtes d'animaux*) и говорит, что она лежит на идущей лошади. Это не лошадь с головой и хвостом, а две змеи с двумя ушастыми головами, обращенными в противоположные стороны, только одна из голов деформирована (*G. Schlumberger, Amulettes byzantins anciens, p. 79*). Этот, исполненный схематично и крайне примитивно, змеевик тоже не дает чистого типа композиции. Все же она колесовидна, только, в виду короткости змеиных тел, трудно заключать об их изгибе.

VI. „Серповидный встречный“ тип, т.-е. такой, где змеиные туловища расположены вокруг человеческой головы парами, в которых драконовы головы обращены навстречу одна другой. 1-й, ярко выраженной версией считаем следующее мощное изображение:

из центральной человеческой головы выходят шесть слабо изогнутых, скорее слегка скругленных, коротких и широких змеиных туловищ, увенчанных крупными ушастыми звериными мордами, которые смотрят попарно одна на другую. Под мордами на туловищах поперечные перехваты из змей с птицевидными головками. Каждое туловище избороздено вдоль, а некоторые со спины насечены и поперек. Представителем служит змеевик Толстого № 3, Уварова № 378 (рис. 96 на стр. 106), на лицевой стороне которого изображен архангел Михаил с лабаром.

И. И. Толстой сближает змеиную композицию этого змеевика с очень похожим по симметрии изображением на золотой бляхе, украшавшей узду коня, из скифо-сарматского Александропольского кургана. На бляхе изображены семь бычьих голов, обращенных мордами в центр, которым является человеческая голова. Изображение это, по Толстому, имеет значение филактерия, характер его—восточный, подвергнувшийся классическому влиянию (Дестунис и И. Т. „Еще о змеевиках“. Зап. Русск. Археолог. Общества, т. IV, в. 2, нов. серия, СПб. 1889 г., стр. 114—115; изображение бляхи см.: в „Древностях Геродотовой Скифии“, Атлас, в. I, 1866 г., табл. XIII, рис. 3; в упомянутой заметке И. Т., стр. 115, в „Русских Древностях“, изд. Н. П. Кондаковым и И. И. Толстым, вып. II, стр. 99, рис. 87). На первый взгляд, сходство как будто разительное, но, может быть, это зрительный обман, получающийся от совпадения в симметрии и в мощности несомненно русского змеевика № 3 Толстого и скифской Александропольской бляхи. Возможность такого зрительного обмана подтвердим примером. Среди резанных по дереву икон собрания Уварова есть круглая панагия (№ 108) с двумя встречными всадниками—змееборцами. Медный прорезной ее оклад (рис. 23) скомпанован из круглого, кольцевидного центра, от которого выходят 4 пары обращенных по направлению к центру извивов, с бутонами внутри каждого получающегося таким образом гнезда. При некотором предрасположении к змеевикам, можно и эту самостоятельную геометрически-травную композицию сближать со змеиной, ставить даже в зависимость от последней тем более, что, например, на богородичном змеевике Уварова № 348 (рис. 79) вместо центральной человеческой головы мы видим кольцо.

2-й версией, точнее сказать, грубым повторением обеих сторон медали Уварова № 378, Толстого № 3, но с опущением круговых надписей и с уменьшением в размере, считаем змеевик Уварова № 373 (рис. 92 и 93 на стр. 104), очень сглаженный временем.

VII. „Серповидный пересекающийся“ тип встречается, как строго симметрическая композиция, в соединении с „сигматическим“. Представителем его 1-й, ярко выраженной версии является круглый змеевик с Федором Стратилатом на лицевой стороне—Толстого № 19 и фототип. таблица XVI, № 3. В центре змеиного гнезда здесь—человеческая голова в круге, покрытом геометрическим узором завитков; она как-бы на блюде, или в нимбе, сплошь заполненном узором. Из окружности этого нимба выходят змеиные туловища, чешуя которых воспроизведена пересечением линий. Головы у змей—драконовые. Всех змей 12. В четырех парах они серповидно изогнуты, при чем пересекаются в каждой паре однажды, у самых голов, которые по размеру умеренны. Внутри каждого овала, получившегося от пересечения, стоит по букве: **Д** (над чел. гол.), **Ъ** (справа от чел. гол.), **И** (слева от чел. гол.), **А** (под чел. гол.). Между парами змей идут от окружности нимба изогнутые латинской сигмой 4 змеи, с преувеличенными головами и сильно загнутыми ушами или рогами. Головы правой и левой стороны повернуты кверху, благодаря чему стороны композиции обращены так сказать навстречу одна другой.

2-й версией считаем грубое повторение обеих сторон этого змеевика в восьмиугольном и уменьшенном виде—Толстого № 20.

3-ей версией предлагаем считать змеевик Уварова № 374, где симметрия описанной композиции уже нарушена. Сколько можно видеть по экземпляру, сглаженному временем, серповидное пересечение сохранено художником лишь внизу и (едва ли, впрочем) вверху; слева три сигматически изогнутые змеи, но две из них обращены головами в разные стороны, при чем все же две верхних смотрят вверх; справа можно разобрать две неясно изогнутые змеи, головы которых обращены вверх. В длинноте и изогнутости некоторых из этих голов ясно видна близость их к преувеличенным головам змеевика с „дъной“. В центре Уваровского экземпляра (№ 374) виднеется не одна человеческая голова, точнее сказать—не одна, оставшаяся от лика выпуклость, но еще круг, кольцо около нее. И это также заставляет нас вспомнить „нимб“ змеевика с „дъной“. Уваровский № 374 интересен и по доколенному изображению арх. Михаила на лицевой стороне, которое иконописец Брягин, вопреки Уварову (XV в.), относит к XIII веку.

Весьма интересным, по отношению к нашим VI и VII типам, является односторонний эллипсовидный амулет из камня, хранящийся в Готе—Толстого № 28. Вокруг человеческой головы здесь 6 змей; справа и слева от нее они пересекаются у шеи, сверху и снизу—лишь сходятся. Слева они чисто серповидны, сверху и

снизу — серповидно-изогнутые туловища, каждое еще свернуто в кольцо; справа—даже нет серповидности: от нее осталось лишь пересечение у шеи двух голов, которые обе как-бы выходят из одного общего туловища, свитого в кольцо.

VIII. „Серповидный сложно пересекающийся“ тип, композиция которого характеризуется взаимной зависимостью всех серпов, тогда как в типах VI и VII серповидные пары независимы между собою, не имеют между собою контакта. Наибольшей симметричности и сложности этот VIII тип достигает у змеевиков—„киотцев“, т.-е. у змеевиков, которые представляют собою средний створ троечастных складней. На лицевой стороне таких змеевиков-киотцев изображается или богородица с младенцем на той или другой руке, или Никита впереди здания, бьющий веревкою беса, полусобаку-получеловека, стоящего на одном колене. На оборотной стороне, то вверху, то внизу киотца (у змеевиков с Никитой постоянно внизу), изображается в круге гнездо змей с жалкими, точно птичьими головами, а под кругом или над ним Федор Тирон, втыкающий копье в открытую пасть кольчатой змеи. Эти киотовидные змеевики мы обобщим в одну, 1-ю версию VIII типа, так как варианты этой версии лишь частично изменяют общую композицию. Змеиное гнездо в этой 1-й версии разлагается на центральную, немиловидную человеческую голову и на 6 пар серпов-змей, исходящих из нее. Боковые две пары пересекаются каждая один раз, но состоят каждая из двух змей, относящихся к соседним парам. Верхняя и нижняя пары пересекаются каждая еще двумя змеями, тоже принадлежащими к соседним парам. Варианты 1-й версии изображены у Толстого, на стр. 30 и 31, и у Уварова, на стр. 101—103 ¹. 2-ю версию образуют змеевики, описанные у Уварова № 352—354, с „Умилением“ на лицевой стороне (рис. 84 и 85 на 102 стр.): здесь, внутри боковых серпов линейно изображены исходящие от центральной человеческой головы руки, симметрично распростерты, а внутрь нижней окружности из змеиных серпов свешены от той же головы линейные ноги. Федор Тирон со своим змеем отсутствует, вероятно вследствие длинной надписи под кругом змеиного гнезда ².

Вне нашей классификации стоит восьмиугольная медаль Толстого

¹ К этой версии относится и замечательный трапецевидный змеевик XIV в. Тр.-Сергиевой Лавры (из серпентина), на обороте которого вырезан „Вседержитель“.

² Н. Петров так разбирает эту подпись, читаемую от правой руки к левой: „Б(ич)ъ яро(с)т(н)ѣшимъ и цѣлитель всѣмъ болящимъ Хъ Богъ н(ашъ)“. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках в. 3 и 4, К. 1891, стр. 5 и 19, фотитип. табл. 5, № 41.

№ 33 (очень поздняя), на которой Никита изображен на фоне здания и бьет беса, не стоящего на одном колене, а идущего прочь. Всю обратную сторону медали занимает змеиное гнездо без круга и без Федора Тирона и его змея. Внутри верхней и нижней пары серпов туловища змей пересекаются еще лишний раз. Этому варианту подобий пока неизвестно. К 3-й версии условно отнесем змеевики с „невыдержанной“ симметрией в змеиной композиции VIII типа. Это, во-первых, круглый змеевик Исторического Музея № 42873, с оригинально облаченной богородицей—„орантой“ на лицевой стороне. В змеиной композиции, занимающей всю обратную сторону медали, от человеческой головы идут линейные руки и ноги, но парная система 10 серповидных и сигматических змей не выдержана. К сожалению, поверхность этой стороны очень стерта. Во-вторых, в 3-ю версию включим змеевики с разно приурочиваемой женской поясной фигурой (на лицевой стороне), которая имеет на груди крест. Эта фигура понимается у описателя поступлений в Исторический Музей за 1906 г. (см. „Отчет“ Музея за 1906 г., стр. 23), как „Параскева, млада, со крестом“, прочесть же ее имя, по состоянию данного экземпляра (№ 43649), оказалось невозможным. Другой экземпляр такого же змеевика, находящийся в витрине Византийского отдела, также не дает ясного чтения. Третий экземпляр, изображенный у Ханенка (в. II, № 325), имеет по сторонам того же изображения монограмму богородицы. По экземплярам Исторического Музея трудно судить о форме их змеиного гнезда. Но кажется, что их змеиную композицию следует отнести к VIII типу, именно к той его версии, которая характеризуется нарушением симметрии парных серпов. К этой 3-ей версии относится также змеевик собрания П. И. Щукина № 3030, с изображением „Варвары“ в той же почти позе, что на экземплярах Исторического Музея № 43649, его Византийского отдела и Ханенка № 325. На обратной стороне змеиная композиция серповидная невыдержанная, напоминающая несимметрическую композицию каменного эллипсовидного змеевика, хранящегося в Готе и описанного у Толстого под № 27. Этот греческий змеевик, с возванием к богородице и с заклинанием „истеры“, иконного изображения не имеет. Во всяком случае, весь материал 3-й версии, упомянутый нами, до сих пор еще требует детального исследования. 4-ю версию представляет поздний змеевик, на лицевой стороне которого изображена богородица с прямым младенцем на левой руке. На обратной стороне этой медали над человеческой головой 2 змеи перекрещиваются, под головой—две развилыстые змеиные пары, одна под другой. Сквозь верхнюю перекрещивающуюся пару змей

горизонтально пропущено копье, которое Федор Тирон (слева от головы) втыкает в раскрытую пасть особого извитого, но не кольчатого змея, находящегося справа от человеческой головы. Несмотря на то, что этот змеевик может быть отнесен ко времени не ранее конца XVIII в., все же видим в нем не любительское подражание или подделку, а бытовую вещь амулетного значения, так как в дошедших до нас экземплярах есть разница и вид некоторых из них свидетельствует о практическом, а не коллекционном только употреблении.

К числу змеевиков, змеиную композицию которых мы затрудняемся включить в какой-либо из описанных типов, относятся:

Толстого № 16 и тождественный ему (даже по инвентарным признакам) Шукина № 3006. У этого змеевика на лицевой стороне „Распятие с предстоящими“, а на обратной—голова с вьющимися тонкими змеями, расположенными на четырех стержнях в виде развилистых пар, одна пара над другой. Условно назовем эту композицию типом IX.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ СТА ШЕСТНАДЦАТИ ЗМЕЕВИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

Змеиной композиции тип I, версия 1.

Подлинник—золотой круглый, диам. 7,2 см¹, хранится в Эрмитаже (Виз. отд., № 22/1), найден около Чернигова в 1821 году.

На лицевой стороне архангел Михаил в рост, впрямь, с лабаром в правой и с державой в левой руке. На оборотной стороне змееножная женская фигура, от которой идут четыре свитых в кольцо змеиных туловища с 8-ю драконовыми головами, и еще 2 головы драконов на месте рук женской фигуры. На каждой из сторон змеевика круговые легенды: одна на лицевой стороне—обрамленная орнаментом из чередующихся лилий и акантов, греческая (начало трисвятой песни); две—на оборотной стороне—наружная греческая (заклинание от „истеры“) и под нею русская: **† ГИ ПОМОЗН РА- БОУ СВОЮЕМЪ ВАСНЛНГЖ.** Устав XI—XII века (последние два знака русской надписи обозначают „юс большой“ йотированный).

В Историческом Музее имеется девять копий этой „Черниговской гривны“, отлитых в XIX веке:

1. Медная, вызолоченная, переданная в И. М. в 1888 г. из Кабинета Изящных Искусств Московского Университета (№ III передаточной описи, по отделу „икон и крестов“). Отмечена в „Указателе“ Исторического Музея, 2-е изд., 1893 г., по зале № 7, под № 1.

2. Медная, переданная в И. М. в 1888 г., оттуда же (№ II передаточной описи, по отделу „икон и крестов“). Отмечена в „Указателе“ И. М. по зале № 7, под № 2.

3. Серебряная, переданная в 1888 г. оттуда же (№ IV передаточной описи, по отделу „икон и крестов“, где названа серебряной).

¹ В настоящем описании ушки и оглавия змеевиков в обмер не входят.

4. Желтомедная, из собрания А. С. Уварова, в каталоге которого (отдел — „Наузы“) числится под № 375.

5. Желтомедная с красниной, плохого литья; куплена на торгу в 1891 г.; инвентарь И. М. № 21561.

6. Оловянная, инвентарь И. М. № 41470, приобретена в 1903 г.

7. Желтомедная, пожертвованная в б. М. П. и Румянцевский Музей в 1870 г. Н. В. Закревским (выдается за старую копию, найденную в Межигорье). Значится под № 1386 в книге: „М. П. и Румянцевский Музей. Каталог отделения Древностей. б) Древности русские. М., 1905 г.“.

8. Красномедная, из собрания П. В. Зубова (копия неточная, без ушков).

9. Желтомедная, подделка из собрания П. И. Щукина, по инвентарю этого собрания № 2996 (против подлинника диаметр меньше на 2 мм.).

Змеиной композиции тип I, версия 2.

Подлинники, круглые, диаметром 5,2, 5,3, 5,5 см.

На лицевой стороне — два симметричных монаха в нимбах, в рост, впрямь, между ними вверху мечевидный знак, круговая легенда греческая (начало трисвятой песни); на оборотной стороне — змееножная женская фигура со змеями композиции, подобной „Черниговской гривне“.

Вариант 1. У святых-монахов лики широколобые. Представитель: красномедный змеевик Уварова № 384, диаметром 5,5 см. Под выпуклым мечевидным знаком прочерчен 4-конечный крест на ступенчатой Голгофе; по сторонам креста, над перекрестьем прочерчено: $\overline{\text{IC}} \overline{\text{XC}}$, под перекрестьем: $\overline{\text{NI}} \overline{\text{VA}}$ (sic), почерк этих букв не старше XVI в., но фигуры старше. По внешним сторонам святых неясные колончатые надписи их имен. В змеиной композиции туловища оставлены не растушованными. Уварова № 384 представляет собою точное повторение серебряного змеевика Эрмитажа № 52/9, Толстого № 24, изображенного у Толстого на фототип. таблице XVII, № 3. Может быть, разница только в 2-х миллиметрах диаметра (Эрмитажный, судя по фототипии, диам. 5,3 см.).

Вариант 2. Святые-монахи узколикие. Представители этого варианта все диаметром 5,2 см. В Историческом Музее их 5 экземпляров:

И. М. № 8427 — красномедный; под мечевидным выпуклым знаком нарезан шестиконечный крест на ступенчатой Голгофе. Надписи колончатые по внешним сторонам фигур — неразбираемы. Буквы круговой греческой легенды проборождены. Туловища змей со следами растушовки. Дар в И. М. московского цехового Вик-

тора Тимофеевича Тимофеева, найден близ Нового Иерусалима при обработке огорода. И. М. № 8427 описан в „Указателе“ И. М., изд. 2-е, 1893 г., в 7-й зале, под № 9.

И. М. № 43650—зеленомедный, под мечевидным знаком шести-конечный крест без Голгофы. Буквы круговой греческой легенды проборождены. Упомянут в „Отчете“ И. М. за 1906 г., стр. 23. По мнению описателя „Отчета“, змеевик этот—XIV в. Приобретен И. М. покупкою у крестьянина Фролова, найден в окрестностях Канева.

Уварова № 383—зеленомедный, следы колончатых надписей (и креста с Голгофой?) стерлись. Изображение лицевой стороны см. в каталоге Уварова, стр. 107, рис. 98. При описании № 383, на стр. 106 дано такое примечание: „Такой же науз найден на Куликовском поле“ (Труды Общ. Ист. и Др., ч. VIII, стр. 177, прим. 10).

Археологического Кабинета I Московского Государственного Университета, по приемочной описи Исторического Музея № 55097 (1924 г.)—красномедный, со следами креста на ступенчатой Голгофе под мечевидным знаком, колончатые надписи не разбираемы.

Щукина № 2999—бронзовый (?); под мечевидным знаком крест на ступенчатой Голгофе; на месте вертикальных колончатых надписей, по пути их, нарезано боком: **КОУЗЪМА ДАМНАНЪ** (веке в XV). Те же имена читаются на серебряном, вызолоченном змеевике Рязанской Архивной Комиссии, с двумя святыми-монахами, названными в колончатых надписях Кузьмой и Дамианом, и с русской легендой вместо греческой. Этот змеевик, не находящий себе подобия в собраниях Исторического Музея, изображен дважды: В. Н. Щепкин, „Серебряный змеевик, найденный в Рязанской губ.“ (близ дер. Песцова, Ряз. уезда, при полевых работах), Археол. Известия и Заметки, изд. М. Арх. Общ., 1898 г., стр. 132, рис. с увелич. фотографии; А. А. Бобринский, „Несколько неизданных змеевиков“, X т. Зап. Русского Археологического Общ., Труды Отд. слав. и русской археологии, 1898, отд. оттиска стр. 7, фиг. 5 и 6.

Вариант 2-й же, но с изображением на лицевой стороне одного святого под мечевидным знаком. Представитель единственный—круглый серебряный змеевик Тверского Музея, № 2225, диаметром 5 см. Изображен дважды: А. К. Жизневский, „Описание Тверского Музея“ (из „Древностей“ Моск. Арх. Общ., т. X, 1885 г.), стр. 115, у Толстого № 23. Зависимость этого змеевика от змеевиков с 2-мя святыми-монахами сказывается не только в змеиной композиции, но и в форме медали: конец отломанного ушка, заходящий на самую медаль Тверского Музея, имеет тот же вид

прочерченного защипа, какой характерен именно для змеевиков с двумя монахами. У Тверского змеевика на лицевой стороне изображена поясная фигура с бородой и в нимбе, слева от которой как будто л в кружке. Поясная фигура обрамлена кругом, и этот круг находится в нижней части змеевика; над святым в круге изображен мечевидный знак той же формы, что на змеевиках с двумя монахами-святыми. Острие знака воткнуто в круг со святым. Круговая легенда лицевой стороны—греческая (начало „трисвятой“ песни). Исторический Музей имеет крашеную под красную медь цинковую, гальванопластическую копию каждой из двух сторон Тверского змеевика № 2225. Эта копия поступила из собрания Уварова, в каталоге которого значится под № 391—392.

Вариант 3 описан и изображен у Толстого, № 4 (стр. 17), по снимку с Эрмитажного (sic) экземпляра, согласно указанию такого именно места хранения в статье Прозоровского: „О древних медальонах, называемых змеевиками“ (Христ. Древности, изд. Прохоровым, Спб., 1878 г.). Сам Толстой в Эрмитаже этого экземпляра не нашел; по нашему предположению, он находится в Тверском Музее. С экземпляра Толстого № 4 имеются в Историческом Музее две отличных копии: Уварова № 377 и из коллекции П. В. Зубова, поступившей в И. М. в 1922—23 гг. И. И. Толстой так описывает этот змеевик: „№ 4. Лиц. ст.: изображение архистратига Михаила впрямь и попирающего змия; круговая надпись: **СТЕ МНХАНДЄ ІЄЛНКН ОНН** (вм. РХ) **ІСТ...** Об. ст. Женская голова с исходящими из нее десятью змеями; круговая надпись: **ПОМОЗН РАБЄ СВОІЄ...** Д. И. Прозоровский читает надписи следующим образом: лиц. ст. „Святой Михаиле ангеле великий супостаты ничь сокр...ые ратуй“; об. ст.: „Господи, помози рабѣ своей Варварѣ, нареченнѣй в крещеніи. Многа лѣта“. Эти чтения кажутся мне произвольными; не смею предложить своего, не имевши оригинала в руках. Пользуясь отличными копиями Толстого № 4, предлагаем следующее дополнение к описанию Толстого: на лицевой стороне арх. Михаил в рост, в нимбе, с длинными опущенными крыльями, в правой руке лабарум, опущенный концом древка в пасть змея, простертого под ногами архангела, в левой руке—сфера (держава). В круговой надписи лицевой стороны можно прочесть: + **СТЫ МНХАНДЄ ВЄЛНК ПОМОЗ...** На оборотной стороне змеиная нерастушованная композиция типа Черниговской гривны. Круговая надпись: + **ГІ ПОМОЗН РАБЄ СВОЄІ ВАРВАРЄ... УЄНЄІ... МНГА ЛЄТА.** В „Михаиле“ **ЛН** (т.-е л, н) лигатура; лигатура **МН** (или **НО?**) в слове „многа“.

Уварова № 377 не описан в каталоге и не изображен, но

лишь упомянут: „№ 375—378. Медные снимки...“ Это экземпляр красномедный, с отломленным ушком, как у Толстого № 4; диаметр 5,9 см.

П. В. Зубова, с отломленным также ушком, отлит из металлического белого сплава, с проступающим желтомедным оттенком; диаметр 6 см.

Зменной композиции тип I, версия 3.

Версия 3 представлена в Историческом Музее отличной металлической золоченой копией с золотого Смоленского змеевика Археологической Комиссии, выпавшего в 1886 г. близ дер. Ковшич, Краснинского уезда, Смоленской губ. Судя по изображению этого змеевика, у Толстого № 13, фототип. табл. XVI, № 2, а также по золоченой копии Истор. Музея, полученной им в дар от Археологической Комиссии, этот круглый змеевик, диам. 4,6 см., имеет на лицевой стороне изображение, буквы и орнамент, исполненные чертами внутрь, а не выпуклые, тогда как содержимое обратной стороны исполнено рельефом. По линейной манере и по композиции обеих сторон Смоленского змеевика, Толстой считает его „грубым подражанием“ золотого же змеевика, найденного в Белгородке, Киевской губ.: Толстого № 12 и фототип. табл. XVI, № 1. Копия И. М. со Смоленского змеевика отмечена в „Указателе“ И. М., изд. 2-е, М., 1893, по зале 7, под № 4¹. На лицевой стороне Смоленского змеевика изображена богородица с младенцем на правой руке, типа „Умиление“; это изображение обрамляют две круговые греческие легенды. „Внешняя совершенно искажена—вместо букв, повидимому, во многих случаях выгравированы произвольные черты“ (Толстой, стр. 20). Если эта надпись подражает соответствующей на Белгородском змеевике (воззвание богородице), то и там она исполнена в своеобразном сокращении слов, которые и толкуются по разному Г. Дестунисом (Толстой стр. 39) и В. К. Эрнштедтом („Еще о змеевиках“, 1889 г., стр. 111—112). Внутренняя круговая надпись на лицевой стороне Смоленского

¹ В „Русских Древностях...“, изд. И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым“, вып. V, 1897 г., стр. 162, об этих змеевиках сказано следующее: „Что подобные медали (т.-е. змеевики) не только изготовлялись в России, но были и предметом ввоза из Византии, доказывается... золотым экземпляром с иконою богородицы чистогреческой работы и с греческими надписями..., найденным в 1877 году в Белгородке, Киевской губ. Любопытно, что точная, но грубая, очевидно, русская копия с такого медальона, с перепутанными греческими надписями, найдена в 1887 году в Смоленской губернии... Оба медальона относятся к тому же времени, как и первый (т.-е. „Черниговская гривна“ XI—XII в.) или несколько старше его“.

змеевика представляет собою греческое заклинание „истеры“, в объеме, точно соответствующем краткому заклинанию Белгородского змеевика. Только на Смоленском змеевике средняя часть заклинания „заменена черточками“ (Толстой, стр. 20). На обратной стороне Смоленского змеевика кругом змеиной композиции читается по-гречески начало „трисвятой“ песни на две последние буквы короче, чем на Белгородском змеевике“. Змеиная композиция в общем тождественна на том и другом змеевике, но все же нельзя сказать, что в Смоленском змеевике не было и еще стороннего влияния.

Змеиной композиции тип I, версия 4.

Версия 4 имеет два, по крайней мере, варианта:

Вариант 1 представлен в Историческом Музее двумя круглыми змеевиками:

1) Красномедным, из коллекции П. В. Зубова (поступившей в И. М. в 1922—23 г.), диаметром 4,1 см. Этот экземпляр совершенно тождествен с медным экземпляром собрания Ю. Б. Иверсена, описанным у Толстого под № 5 и изображенным на фототип. табл. XV, № 2: та же самая трещина на медали и те же четыре выбоины на фигуре архангела. Описание Толстого таково: „№ 5. Лиц. ст. Изображение Архангела Михаила впрямь, держащего в правой руке жезл с наконечником в виде трилистника, а в левой державу и попирающего змия. Круговая надпись: + **СТЬ СТЬ СТЬ ГЬ САВАОӨ НСПОЛНЬ НЕБО Н ЗЕМЛЖ СЛАВ ТВО.** Об. ст. Женская голова с исходящими от нее десятью змеиными главами. Круговая надпись: **ГН ПОМОЗН РАБОУ СВОЕМОУ ПЕТРОВИ Н...ЛЖ**“. На экземпляре Зубова читаем иначе: **ЗЕМЛА, СВОЕМОУ**, после **Н—П** и **МА** вместо **ЛЖ; П**, очевидно, осталось от „помилуй“.

2) Бронзовым круглым змеевиком Исторического Музея № 44054, диаметром 3 см. Змеевик этот приобретен И. М. в 1907 году покупкою; по словам продавца, найден в Киеве или в Киевской губ., описан и изображен в „Отчете“ И. М. за 1907 г., стр. 18, рис. 4. Круговых легенд не имеет. На лицевой стороне изображена безбородая поясная фигура с копьем, повидимому, нахоть в правой руке, в левой руке или складка одежды, или держава (верхняя часть). Фигура большеголовая, короткая. Буквы по сторонам изображения чтению не поддаются. Мы условно считаем эту фигуру за арх. Михаила. На оборотной стороне плохо сохранившаяся змеиная композиция, близкая к той, которая находится на змеевике Толстого № 5 (фототип. таблица XV, № 2) в несколько

большем размере (миллим. на 2). Кроме величины, отличия этих змеевиков друг от друга состоят в том, что на Толстого № 5 арх. Михаил изображен в рост с лабаром, опущенным в пасть дракона, и с державой; затем на № 5 Толстого имеется две русских круговых легенды. № 44054 описатель „Отчета“ И. М. за 1907 г. считает „змеевиком византийского дела XI века“.

Вариант 2 представлен в Историческом Музее тремя, частью неизвестными в литературе, круглыми змеевиками почти одного диаметра, с изображением кн. Бориса и Глеба. Фигуры князей изображены в рост, в полуоборота, но с лицами впрямь, несколько откинутыми, каждая из них держится одной рукой за середину длинного, поставленного между ними креста.

И. М. № 7251 — зеленомедный серебрёный змеевик, диаметром 3,7 см. На лицевой стороне неясное изображение двух святых в нимбах, с 10-конечным крестом в рост между ними. По внешним сторонам фигур колончатые русские надписи, неполне поддающиеся чтению (буквы XIII—XIV в.):

Б
Р Б
С

По узкому борту лицевой стороны (с 2 фигурами) и оборотной (с змеиной композицией) идут круговые легенды, недоступные чтению. № 7251 куплен у В. Е. Румянцева. Помянут в „Указателе“ И. М., изд. 2, 1893 г., по зале 7, под № 10.

И. М. № 41938 — серебряный змеевик, диаметром 3,6 см. Крест между 2 святыми — в их рост — 8-конечный. По внешним сторонам фигур колончатые русские надписи, неполне поддающиеся чтению (буквы XIII—XIV в.):

Д
В А
Д

Очевидно, эти буквы обозначают христианские имена Бориса и Глеба: „Давид“ и „Роман“. На обратной стороне змеиную композицию обрамляет круговая русская легенда. В наиболее разбираемом месте (верх медали) читаются в ней буквы: **НІА ДЪНА**. Если **ДЪНА** — целое слово и обозначает греческую „истеру“, то возможно, что мы здесь в круговой легенде имеем славянский перевод греческого заклинания „истеры“, известного по другим змеевикам. Итак, легенда № 41938 совершенно единственная. № 41938 куплен И. М. в 1904 г.; по словам продавца, найден в Киевской губ.

И. М. № 55214 — из серого металлического сплава, диаметром 3,5 см. Разломан пополам вдоль. Фигуры двух святых как бы коронованы. Крест между ними 8-конечный. По внешним сторонам фигур колончатые русские надписи XIII—XIV в.:

Б Г
Р Л
С Б

Выпуклая неразборчивая круговая легенда лицевой стороны начинается так: + **ГН ПОМОЖН...** На оборотной стороне вокруг змеиной композиции узкая врезанная надпись с подобием букв, не дающим смысла. Змеевик № 55214 подарен И. М. Е. К. Кудиновым в 1924 г.; найден во Владимирской губ.

Змеиной композиции тип II.

К типу II относится 11 круглых змеевиков Исторического Музея, диаметром в 7 см. (лишь один—6,7 см.), с изображением „Умиления“ на лицевой стороне. Варианты этих медалей определяются чтением круговых легенд, выпукло изображенных греческим унциалом X—XII в.¹ Всего в Историческом Музее три варианта. Экземпляры И. М. все, должно быть, отлиты позднее XII века; сверх них есть еще три подделки.

Вариант 1. Круговые легенды: лицевая сторона: + **ΘΕΟΤΩΚΕ
ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΒΟΝΘΝ ΤΩΝ ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΑΜΝ**; оборотная сторона:
+ **ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΣ ΘΣ ΣΑΒΛΘΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΖΡΑΝΟΣ**. Вариант 1 представлен 6 следующими экземплярами Исторического Музея: 1) красномедный — из Кабинета Изящных Искусств Московского Университета (передаточной описи 1888 г. № 1, по отделу „икон икрестов“); отмечен в „Указателе“ И. М., 2 изд., по зале 7-й, под № 8; 2) красномедный — Исторического Музея № 7250; 3) зеленомедный — из собрания П. И. Щукина № 2991; 4) желтомедный — из собрания Уварова № 350 (изображение в каталоге Уварова, рис. 80 и 81 на стр. 100); 5) бронзовый (?) — с искаженными формами букв — из собрания П. И. Щукина № 2995. Соответственный этим 5 экземплярам вариант показан у Толстого под № 9. 6) Сюда же, повидимому, следует отнести красномедный змеевик, диаметром 6,7 см., Исторического Музея № 39965, подаренный в 1902 г. А. А. Ширинским-Шихматовым.

¹ По условиям печати, воспроизводим буквы греческих легенд в большинстве случаев нормально, не давая fac-simile их рисунка (получавшегося, напр., от небрежного литья), чтобы избежать гравировки уродливых или своеобразных знаков, не имеющих ни в греческой, ни в славянской уставных азбуках.

Вариант 2. Круговая легенда лицевой стороны та же, что в варианте 1, только „амин“ изображен так: **ΔΙΥ**; круговая легенда оборотной стороны: **+ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΥ ΙΡΟΥ ΣΑΚΛΑΘ ΠΛΗΡΗΣ ΞΡΑΝΟΣ.** Вариант 2 представлен следующими 4 экземплярами Исторического Музея: 1) желтомедный—из М. П. и Румянцевского Музеев № 1385, куда куплен в 1864 г.; описан в книге „М. П. и Румянц. Музеи. Каталог отделения древностей. б) Древности русские“. М. 1905, под № 1385; 2) бронзовый (?)—из собрания П. И. Щукина № 3005; 3) зеленомедный—Исторического Музея № 17131, приобретенный в коллекции И. М. Зайцевского в 1888 году (—но: **ΟΞΡΑΝΟΣ**); отмечен в „Указателе“ И. М., изд. 2, по зале 7, под № 7; 4) красномедный—с непонятным номером на мочке (344..., или 44...); этот, может быть, экземпляр отмечен в „Указателе“ И. М., изд. 2, по зале 7, под № 6; автор „Указателя“ сравнивает его с № 7 Толстого и замечает, на основании слов Толстого (стр. 19), что подобного вида змеевик найден на Куликовом поле; изображение у Толстого № 7 не вполне точно, но, повидимому, все же № 7 Толстого следует отнести к нашему варианту 2-му.

Вариант 3 представлен в И. М. змеевиком собрания П. И. Щукина № 2994; он—бронзовый (?), имеет следующие греческие круговые легенды: лицевая сторона: **+ ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΚΟΝΘΗ ΤΩΜΕΛΩΝΤΑ ΣΕ ΔΜΗ**; оборотная сторона: **+ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΚΣ ΘΣ ΣΑΚΛΑΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΞΡΑΝΟΣ.**

В Историческом Музее есть еще две подделки, воспроизводящие варианты, не имеющиеся в Музее в подлинниках:

Собрания П. В. Зубова (поступило в И. М. в 1922—23 г.) желтомедная подделка, повторяющая не совсем точно № 10 Толстого (см. фототип. табл. XV, № 3).

Собрания А. С. Уварова, № 370 каталога, красномедный круглый змеевик, литой, но сильно прочеканенный, диаметром 6,5 см. На неподвижной тяжелой мочке спереди монограмма **ΜΡ ΘΥ**, в виде необычной лигатуры, сзади непонятное **ΡΔ**. На лицевой стороне (с „Умилением“), круговая безграмотная легенда: **ΠΘΘΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΩΙΟΝΕΝ ΤΩΝ ΘΧΩΝΤΑ ΣΘ ΔΜΗ**. На оборотной стороне—змеиная композиция типа II, совершенно не растушованная, в которой центральная человеческая голова заменена цветочным бутонем (верхом вниз). Круговая легенда оборотной стороны: **+ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΚΣ ΘΣ ΣΑΚΛΑΘ Σ ΠΛΗΡΗΣ ΞΡΑΝΟΣ.**

Есть и еще в Историческом Музее подделка, полученная в 1923 г. в коллекции Е. Е. Егорова (по описи Отдела религиозного быта И. М. № 656; общая для коллекции приемочная опись

И. М. № 54625/54626). Это—литой, прочеканенный, медный, густо посеребренный, круглый змеевик, диаметром 7 см., на лицевой стороне которого изображение богородицы „оранты“ с младенцем на лоне, а на оборотной—змеиная композиция II типа, как на 7-см. змеевиках с „Умилением“. Круговые легенды несвязны: лицевая сторона: + **ГСКНӨЛТӨННІГОСТІОНӨӨКСІ**; оборотная сторона: + **АГІОС АГІОС ӨНТКСНАӨНСОГОАТӨӨННІОА**.

Вариантом 4-м можно счесть принадлежащий Историческому Музею змеевик Уварова № 348, д. б. XVIII века. № 348 круглый, медный, золоченый, диаметром 4,9 см. На лицевой стороне изображение богородицы с младенцем на правой руке. На обороте змеиная композиция, изменяющая тип Черниговской гривны: человеческая голова в центре — бородатая, змей 8, змеиных хвостов по бокам нет. На лицевой стороне и на оборотной русская легенда песнопения, начатого на лицевой и продолженного на оборотной стороне; лицевая: + **ДОСТОННО ЕСТЬ ІАКО ВОИСТІНОУ БЛАЖІТІ ТА БЦЕ ПРНСОБЛАЖЕНН ПРЕНЕПОРЧ**, оборотная: **ЧТНЬНШӨ ХЕРӨВНМЪ Н СЛАВННӨШӨЮ ВЪИСТІННӨ СЕРАФМЪ БЕЗО ИСТАЪНН**

Змеиной композиции тип III, версия 1.

Версия 1 представлена круглыми грубой отливки змеевиками, диаметром в 6—6,1 см. На лицевой стороне, в круговом обрамлении из неясно выраженных бусин, изображена богородица с младенцем на левой руке. Вокруг широкий ободок с симуляцией буквенной легенды. На оборотной стороне мощная змееножная фигура, держащая змей. На голове фигуры прямоугольный предмет, ниже ног — орнамент. Изображения почти совсем неотделаны. У Толстого эта версия изображена по Эрмитажному медному экземпляру, см. № 15 и фототип. таблицу XVII, № 2. В Историческом Музее имеется два таких же экземпляра:

И. М. № 43647, красномедный, диаметром 6 см., совершенно также обломанный с ушка и с правого края, как у Толстого № 15 (sic). Приобретен И. М. покупкою, найден в Вышегороде Киевском (!). Отмечен в „Отчете“ И. М. за 1906 г., стр. 23. По мнению составителя „Отчета“, это змеевик XI—XII в.

Уварова № 347, красномедный, диаметром 6,1 см., совершенно целый; изображен в каталоге Уварова, стр. 98, рис. 76 и 77.

Змеиной композиции тип III, версия 2.

Версия 2 представлена с обратной стороны змеиной композицией, изображенной у Толстого под № 17 и 18 на стр. 22. Это, собственно, облегченная и лишенная пластики композиция 1 версии.

На лицевой стороне изображается „Крещение“, или реже „Распятие“ (то и другое — с двумя предстоящими). „Крещение“ имеет два варианта — руки Христа распростерты книзу, или одна рука прижата к бедру. В Историческом Музее версия 2 представлена 6 круглыми змеевиками:

Отмеченный в „Указателе“ И. М., изд. 2, 1893 г., по зале 7, под № 5 медный посеребрённый змеевик, диаметром 4,4 см. На лицевой стороне, в двухлинейном круге, грубое изображение „Крещения“ из трех фигур: посредине Христос (правая рука согнута и прижата к бедру, левая простерта книзу, колени ног обращены вправо), над Христом две круглых выпуклости (солнце и луна?); по сторонам Христа — Предтеча и слева ангел с платом. Фон растушеван в нижней половине медали прямыми чертами (т.-е. — струи реки Иордана). У змееножной фигуры лицо с кругловатой нижней челюстью. Ср. № 18 Толстого.

Щукина № 2992, красномедный, диаметром 4,3 см. Обеими сторонами подобен змеевику „Указателя“ И. М., 2 изд., зала 7, № 5.

И. М. № 43648, желтомедный, диаметром 4,2 см. На лицевой стороне — грубое изображение Крещения: посредине Христос с выпуклой большой головой, с распростертыми книзу руками и с коленями, обращенными влево; ступни Христа — в струях реки; между Христом, Предтечей и ангелом с платом (направо) — два шестиконечных креста, высотой до разделения ног центральной фигуры. Ср. Толстого № 17. Лицо змееножной фигуры широколобое, подбородок узкий. Отмечен в „Отчете“ И. М. за 1906 г., стр. 23. По мнению составителя „Отчета“, относится к XII—XIII в. Приобретен И. М. покупкою, найден в селе Староселье, Остерского уезда, Черниговской губ., против Вышгорода.

Щукина № 4150, зеленомедный, диаметром 4 см. Обеими сторонами подобен № 43648 И. М.

И. М. № 1227. Стершийся, тонкий красномедный змеевик, 3,5 см. в диаметре. На лицевой стороне — изображение Распятия с двумя предстоящими (поколенные фигуры) по сторонам креста. Крест четырехконечный, широкий; на верхнем его конце внутри изображен еще четырехконечный крестик; по сторонам этого верхнего конца — два кружка с выпуклой точкой посредине левого (солнце и луна?). На оборотной стороне очень неясно видится змееножная женская фигура, т.-е. композиция, подобная № 17 и 18 Толстого. Змеевик поступил в И. М. из Московского Университета, а сюда — из курганных раскопок Г. О. Шмидта 1883 г. в Петербургской губ., Гдовского уезда, на берегах Чудского озера, при р. Плюсе (см. Указатель выставки при VII Археологическом

съезде в Ярославле, стр. 55, №№ 1361—1396). Описан в „Указателе“ И. М., изд. 2, М. 1893 г., по зале 4, под инвентарным № 1227. В. А. Городцов пояснил нам, что змеевик найден среди курганных русских предметов XII и XIII в., вернее — среди предметов второй половины XIII в.; о том же времени, по его мнению, свидетельствуют и изгибы тела распятого Христа. Составитель „Указателя“ И. М. сближает (очевидно, по изображению Распятия) этот змеевик с № 16 Толстого.

Уварова № 386 описан в каталоге Уварова так: „386. Медный снимок с науза в виде круглой подвески (диам. $1\frac{1}{8}$ верш.), с грубым и неумелым изображением „Крещения“ Господня на одной стороне и человеческой фигурой с оконечностями, разветвляющимися в тринадцать змеиных голов“. Этот экземпляр мы не видали, но полагаем, что он представляет собою копию Эрмитажного змеевика Толстого № 18.

Змеиной композиции тип III, версия 3.

Круглый змеевик, диаметром 4,1 см. На лицевой стороне поясное изображение¹⁾ богородицы с поднятыми руками („оранта“), с младенцем на лоне. На оборотной стороне разорванная змеиная фигура (голова — вроде Толстого № 18), касающаяся руками змеиных туловищ; она опущена очень низко, так что змеиное продолжение ног оторвано от промежности и помещено около бедер; змеи вьются в беспорядке, скучены, главным образом, над головой человеческой фигуры. Кругом изображений обеих сторон медали идут совершенно бессмысленные надписи, которые состоят из славянских букв, подражающих уставному почерку. Экземпляр Толстого № 14 Эрмитажный, изображенный у него на стр. 21, имеет над левым плечом богородицы сквозное отверстие. Красномедный экземпляр совершенно такого же змеевика, с таким же отверстием, имеется в принадлежащей Историческому Музею коллекции Уварова и описан в Уваровском каталоге под № 372, где назван „медным снимком... с науза древнего происхождения“ (стр. 104).

Змеиной композиции тип IV.

Представлен круглым змеевиком, диаметром (в известных экземплярах) от 5,6 до 6 см. На лицевой стороне изображение двух рядом скачущих вправо всадников. Наружный всадник, видимый

целиком,— курчавый, безбородый воин, в нимбе, с развевающимся сзади плащом, с копьем в правой руке. Из-за этой конной фигуры видна голова всадника простоволосого же, но не столь кудрявого, с бородой на худощавом лице, которое повернуто к всаднику-юноше; так же повернута и голова его лошади. У этого пожилого всадника нет никакого оружия. На оборотной стороне, вверху, безобразная, безволосая, кругловатая человеческая голова, окруженная по всей стороне медали—7-ю тонкими змеиными туловищами, проборожденными вдоль, с 12 тощими драконовидными головами, имеющими перехват у шеи. Каждое змеиное туловище не растет от головы, но все они своим вензелевидным плетеньем образуют очертание человеческой фигуры, с руками и ногами. Для поддержания иллюзии человеческой фигуры, промежутки между извитием змей на месте груди заполнены выпуклостью. Большая часть змеиных туловищ имеет на каждом конце по драконовой голове. В одном случае (справа) туловище разделяется на два. Одно туловище имеет на одном из своих концов развилку, помещенную на месте живота человеческой фигуры. Туловища изгибаются, пересекаются между собою и свиты в кольца на месте бедер этой фигуры. Изображение этого змеевика имеется у Толстого под № 21, стр. 24, и в каталоге Уварова № 385, стр. 107, рис. 99 и 100. В Историческом Музее имеется три таких змеевика:

И. М. № 44673, красномедный, диаметром 6 см. Этот подрывленный и стертый экземпляр подарен И. М. в 1908 году Московским Археологическим Обществом. Отмечен в „Отчете“ И. М. за 1908 г., стр. 10.

Уварова № 385 („медный снимок науза“— по словам каталога Уварова), красномедный, диаметром 5,6 см.

И. М. № 55639, переданный в И. М. из Ильинского имения, бывш. в. к. Дмитрия Павловича, в 1924 г.

Змеиной композиции тип V, версия 1.

Версия 1 представлена в Историческом Музее экземпляром из коллекции Уварова № 371, названным в каталоге Уварова „медным снимком“ с более древнего богородичного науза. Уварова № 371— круглый, красномедный змеевик, диаметром в 6 см. На лицевой стороне— изображение богородицы с младенцем на правой руке („Умиление“). На поднятом поле между двух выпуклых ободков круговая легенда: + **ΘΕΟΤΟΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΚΟΝΗΝ ΤΩΝ ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΛΜΝ (ΜΝ** связаны в лигатуру). На оборотной

стороне широколобая лысая голова, из которой исходит девять насеченных поперек, широких змеиных туловищ с драконовыми, ушастыми и бородатыми головами. Змеиные туловища расположены вокруг человеческой головы колесообразно, в виде изогнутых латинскою сигмою спиц. Драконовые головы обращены влево. На поднятом поле, между двух выпуклых ободков, круговая легенда: + **ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΟΥ ΣΑΒΛΑΘ Ο ΠΑΤΡΙΣ ΖΩΝΟΣ ΠΡΩΟΣ**. Совершенон такой же экземпляр описан у Толстого № 11 (из собрания Эрмитажа) и изображен на фототип. таблице XVII № 1; не с этого ли Эрмитажного экземпляра сделан Уваровский „медный снимок“ № 371, изображенный в каталоге Уварова на стр. 104, рис. 91?

К версии 1 следует, повидимому, отнести амулет, описанный в каталоге Уварова следующим образом:

„№ 387—390. Две пары снимков (из гутаперчи и цинка) с древней византийской филактерии с изображением св. Георгия и семи змей, расположенных, как на № 371, колесом вокруг человеческой головы“ (стр. 108). Не есть ли это снимок круглого змеевика, диаметром 6,7 см, хранящегося в Эрмитаже под № 914/6 и относимого к XII в.? На лицевой стороне его — конный воин колет копьем лежащего гада. Круговая греческая надпись — на обеих сторонах. Тонкая эта медаль покороблена, потерта и внизу имеет трещину. Сведения об Эрмитажном змеевике сообщены мне О. Н. Бубновой.

Змеиной композиции тип V, версия 2.

Представлен в Историческом Музее шестью коллекционерскими копиями золотого змеевика, диаметром около 6 см., находившегося в Казанском Университете уже с 1836 г. На лицевой стороне подлинника изображен архангел Михаил впрямь, с вариантом лабара (верх, как Ж) в правой руке и с извиением вместо левой руки, державшей державу. Круговая легенда греческая — начало трисвятой песни (кончая **ΔΟΞΙΣ**). На обороте змеиная композиция: в центре — волосатая человеческая голова, от которой исходят кругом семь тонких, изогнутых сигмой змеиных туловищ, с половины длины раздвоенных и оканчивающихся 14-ю грифовидными головами с перехватом у шеи (7 крупных и 7 поменьше — на раздвоениях), которые обращены вправо. У оснований главных 7 туловищ, между каждым из них, по одной букве семибуквенного имени: **ΕΦΡΟΣΙΝΙ**. Круговая легенда греческая — заклинание от „истеры“. Подлинный змеевик описан и схематически изображен

по гальванопластическим копиям у Толстого № 2, стр. 15. Копии Исторического Музея:

1. Желтомедная, подкрашенная красным, литая; отмечена в „Указателе“ И. М., изд. 2, 1893 г., по зале 7, № 3.

2. Уварова, красномедная, литая, покрытая черным лаком, отмеченная в каталоге Уварова под № 375.

3. Румянцевского Музея № 1387, желтомедная, серебряная, литая.

4—6. П. В. Зубова три гальванопластических экземпляра: красный, зеленый, желтый.

Змеиной композиции тип V, версия 3.

Версия 3-я колесовидного сигматического типа представлена замечательным каменным змеевиком Исторического Музея:

№ 19726. Круглый каменный змеевик диаметром 5,9 см, выпуклый к середине, сильнее к лицевой своей стороне (наибольшая толщина около 7 мм, край—около 1 мм), обколот слева. Серебряная обойма—поздняя. Материал из породы твердого кварца, — темнозеленая яшма с красными пятнами, сгустками, иначе называемая „гелиотроп“ (ср. термин Babelon'a: *Jaspe sanguin, taches rouges et vert foncé*, *Catalogue des camées*, 1907, p. XIV, 179 и след.). Способ исполнения—резьба внутрь (*διαγλυφτή*) на камне (*intaglio*), буквы и черты резаны линейно, собственно изображения глубоко и округло скульптурно вынуты резцом, так сказать, выточены до мельчайших деталей. Художник-резчик (*λιθογλύφος*)—несомненно, весьма умелый миниатюрист. Круговые легенды состоят из славянских букв XII—XIII в., слова при изображениях—из славянских и греческих. На лицевой стороне изображены семь спящих отроков Ефесских в полусидячем положении, каждая фигура высотой около 1,2 см. Все в нимбах; у пяти (правых) к щеке прижата левая рука, у двух (левых) прижата правая. Прочие руки фигур лежат на соответственном колене согнутых ног. Туловища, ноги и руки имеют вид голых, лишь на шеях—полоска или точка (ожерелье, амулет, образок?). Около нижней части каждой фигуры вырезано по кружку, прикрепленному двумя черточками к горизонтальной черте (посох с узелком одежды или с тыквенным сосудом для воды?). Круглая поверхность, занятая фигурами отроков, имеет в диаметре 4,1 см. Фигуры расположены по кругу, то есть—одна в центре и 6 вокруг. По обеим сторонам каждой фигуры именная надпись: у верхней—строчная, у остальных—колончатые:

А] ЕЗАКУС ТЪЛНАН

		А]	Л		
А]	Т	М]	Ї	М]	А]
А	О	А	А	В	Н
Н	Н	З	Н	Л	А
	Н	Ї		Н	
	Н	М		Х	
	О	Н			
А]	Р	А]	У	А	А]
М	Т	Д	С	Н	Ї
А		Ї	Н	Ъ	Ѡ
	Н	О	О		
	О	Н	С		
	С				

Вокруг поля с отроками обрамленные чертами (всех 3) две славянские легенды: внешняя: + **ГН НСОУСЪ КРЬСТЬ ДАВЪЕ СЪНЪ : З : ОТРОКЪ ВЪ СѢБЪСЬСКЪЕ ГЪРЬ ДАЖЪ Н** (сколото) **МА РАБЪМА СВОНМА**; внутренняя: + **ГЪОРГНЕО ХРЪСТНИЪ СЪНЪ ЖИВОЪТЪНЪ — Є МНРЪНЪ — Є НОУГАСН СИЛОУ** (сколото) **ЪНЬНОУЕО АМННЪ**. На оборотной стороне змеиная композиция: в центре полное безбородое человеческое лицо, в прическе с прямым пробором, от лица исходят кругом шесть сигматических змей, с узкими ушастыми головами, обращенными влево; туловища у них со спины растушованы чертами вкось. На половине высоты туловищ, между каждым из них, вырезано по восьмиконечной звездочке. Поле с этой змеиной композицией имеет в диаметре 4 см. Вокруг этого поля, между чертами (всех 3), две славянские круговые легенды: внешняя: + **ГН ПЪМЪЗН РА** (много сколото) **ОНМА НАРЪЧЪНЪМА ВЪ СВАТМЪЪ ХРЪЩЪННН МАРНН**; внутренняя: + **Н ХРЪСТНИЪ ВЪ МНРЪ** (сколото) **Ъ МНОСЛАВНЕ СЪ СТАРЪНШЪСО ДЪЧЪРНСО АМННЪ**. Змеевик этот ранее находился в Суздальском Рождественском соборе, привезен кн. Н. С. Щербатовым в И. М. в 1890 г. вместе с другими вещами, которые все, по терминологии И. Е. Забелина, были „обменены“ Музеем за 200 рублей. В инвентарной книге поступлений змеевик значится под № 19726, как „панагия“. В первый раз змеевик № 19726 изображен в статье Г. Ф(илимонова) „Змеевик Суздальского Ро-

жественского собора" в Вестнике Общ. др.-русс. искусства, отд. IV, стр. 73—75. Это изображение повторено у Толстого № 22, стр. 25. Лучшее исследование (с указанием предш. литературы) принадлежит М. Н. Сперанскому „О змеевике с семью отроками“, Арх. Изв. и Зам. Моск. Археол. Общества, М. 1893 г., № 2. В „Указателе“ Исторического Музея, изд. 2-е, М. 1893 г., змеевик описан по зале 11.

Змеиной композиции тип V, версия 4.

Эта версия представлена прямоугольным в нижней своей части змеевиком (прямоугольная часть имеет $\frac{3}{4}$ всей высоты змеевика), который покрыт аркой, волнообразной—в пять изгибов; средний изгиб (под ушком) имеет $\frac{3}{5}$ ширины всего змеевика. Высота змеевика 5,1 см, ширина 3,9 см. На лицевой стороне поясное изображение богородицы с младенцем на левой руке. На обороте змеиная композиция: змей здесь, кажется, 12; исходят они из чего-то круговидного в центре, располагаясь вокруг этого центра колесовидно, левые с склонением налево, правые—направо; под круговидным центром смутно виднеется человеческая голова, повернутая подбородком кверху; размер ее — больше $\frac{1}{4}$ высоты змеевика. Плохое изображение этого змеевика у Толстого № 29, хорошее в каталоге Уварова № 349, рис. 78 и 79, на 99 стр. Историческому Музею принадлежит желтомедный экземпляр Уварова № 349.

Змеиной композиции тип VI, версия 1.

Версия 1-я представлена одним круглым змеевиком, 7,2 см в диаметре, известным в 2-х экземплярах: Толстого № 3 (повторено ксилографическое изображение Собрания Русских медалей, изд. Археографической Комиссией; Толстого, стр. 16, лицо и оборот) и Уварова № 378 (автотип. изображение оборота на стр. 106, рис. 96). Историческому Музею принадлежит Уварова № 378, который в каталоге назван „снимком“. Это тяжелый красномедный экземпляр, толщиной в 3 миллиметра. На лицевой его стороне грубо отлитый арх. Михаил в рост, впрямь, стоящий на круглом (ковре?), с лабаром в правой и с державой в левой руке. Кругом русская легенда: + **ГН ПОМОЗН РАБЪ СВОЕИ ЄВДОТНІЄ АМННЬ** ∴. На оборотной стороне змеиная композиция: в центре—круглая человеческая голова, из которой кругом выходят шесть, попарно расположенных змеиных туловищ, слабо изогнутых, скорее—слегка

скругленных со спины. Туловища увенчаны крупными ушастыми звериными мордами, которые попарно обращены одна к другой. Под этими мордами поперечные перехваты из змей, с птицевидными головками. Каждое из 6 главных туловищ изборождено вдоль, а некоторые со спины насечены вкось. Кругом русская легенда: **† ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ АНДРЪЮВН АМННЪ.** В именах обеих легенд Уваров (стр. 105) видит имена кн. Андрея Александровича, внука Невского, и жены его Евдокии—„следовательно XIV в.“. Уставной почерк XIV веку не противоречит.

Змеиной композиции тип VI, версия 2.

Уварова № 373—круглый змеевик из белого сплава, вертикальный диаметр 3,6, горизонтальный 3,4 см. На лицевой стороне—архангел (Михаил), с лабаром в правой и державой в левой руке. На обороте крайне стертая змеиная композиция. И иконное изображение и змеиная композиция этого змеевика представляют собою грубое, уменьшенное повторение крупного змеевика Толстого № 3—Уварова № 378, только без круговых русских легенд. Змеевик № 373 изображен в каталоге Уварова на стр. 104, рис. 92 и 93.

Змеиной композиции тип VII, версия 1.

Версию 1-ю представляет составной круглый змеевик, состоящий из двух, соединяющихся верхним и нижним ушками сторон, полых сзади. На лицевой стороне снаружи изображен впрямь, в рост, пожилой бородатый воин, с нимбом вокруг головы, в плаще, откинута с правой руки, которая держит копье, и с гнутым щитом в опущенной левой руке. По сторонам этого воина колончатые надписи уставом:

А	Ө
Г	Є
Н	Д
А	Ъ
С	Р
Ъ	Ъ

На оборотной стороне (т.-е. на задней стороне другой медали) изображена в центре курчавая, полноватая и безбородая, миловидная голова в широком круге, покрытом геометрическим узором завитков. Из окружности этого „нимба“ выходят 12 змеиных ту-

ловищ, чешуя которых воспроизведена пересечением косых линий. Головы у змей—мощные, драконовые, с загнутыми ушами. Змеи расположены вокруг, четырьмя парами (накрест), между которыми помещено еще по змее. В четырех парах они серповидно изогнуты, при чем пересекаются в каждой паре однажды, у самых голов, которые по размеру умеренны. Внутри каждого овала, образованного пересечением, стоит по уставной букве:

Д (над челов. головой), **Ъ** (справа от челов. головы), **И** (слева от челов. головы) **Л** (под челов. головой). М. И. Соколов видит здесь одно слово и читает его: **ДЪИЛ**. („Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками“, отд. отт. Трудов Славянск. Ком., вып. 1, стр. 42—43).

Между парами змей идут от окружности „нимба“ изогнутые 4 змеи, с преувеличенными головами драконов, которые повернуты кверху.

Этот змеевик описан и изображен у Толстого № 19 (на стр. 23, обе стороны—по литогр. от руки в статье Даля о медных гривнах XII в.—и фототип. табл. XVI, № 3). В Историческом Музее имеются, должно быть, не только коллекционерские копии этого змеевика:

Щукина № 2997, обе половины, литые, бронзовые (?), диаметром 5,3 см. Копия производит впечатление старой.

Неизвестного нам собрания, золоченая копия собственно змеиной композиции; обратная сторона этой пластинки не поляя, как следовало бы, покрыта черным лаком; ушко не отделано. Хранится в Византийском отделе Исторического Музея.

Лицевая часть составного змеевика, совершенно подобная Толстого № 19, Щукина № 2997, есть в коллекции Уварова. В каталоге Уварова она определена, как „часть энколпиона“, почему описана и изображена не в отделе „назов“, а в отделе „икон литых“ под № 159, рис. 55, на стр. 76. Часть со змеиной композицией к Уварову не поступала.

Змеиной композиции тип VII, версия 2.

Версия вторая представляет собою грубое повторение 1-ой в уменьшенном виде. У Толстого представителем 2-й версии является восьмиугольный медный змеевик № 20, изображение которого взято Толстым из статьи Д. И. Прозоровского „О древних медальонах, называемых „змеевиками“ (Христ. древности, изд. Прохоровым, СПб. 1878 г.). Змеевик Толстого № 20 в деталях, очевидно, повторяет обе стороны крупного круглого складного змее-

вика Толстого № 19, Шукина № 2997, отнесенного нами к 1-й версии типа VII. Остается неизвестным, является ли Толстого № 20 складным или сплошным, так как на слепом и плохом изображении Толстого—Прозоровского ушков не изображено, и змеевик назван у Толстого просто „медным медальоном“ (стр. 24). Характерное изображение его лицевой стороны не оставляет сомнения, что колончатые надписи по сторонам изображения надо читать, как „стратилать Ѡедоръ“, или „агиось Ѡедоръ“ (орфография по снимку неустановима). На обороте же также, повидимому, читаются в серповидных сплетениях змей четыре буквы слова „дъна“. В собрании Исторического Музея, именно в коллекции Уварова, по отделу Уваровского каталога „иконы литые“ № 158, хранится, очевидно, лицевая половина складного змеевика, подобного Толстого № 20. Уварова № 158; изображенный на стр. 76 каталога (рис. 54), собственно тоже восьмиуголен, только нижняя сторона восьмиугольника продолжена заострением, вследствие чего наружное очертание медали семиугольно. Высота Толстого № 20—3,5 см, высота Уварова № 158 3,6 см. Надпись Уварова № 158 неразборчивая, колончатая, но лежащая; такое положение она может иметь и у Толстого № 20. Другой стороны медальона № 158, который каталог именует „частью энколпиона“, в собрании Уварова не имеется.

Змеиной композиции тип VII, версия 3.

Версия 3-я представлена в Историческом Музее змеевиком Уварова № 374. Это желтомедный круглый змеевик, диаметром в 5 см. На лицевой стороне поколенное изображение архангела (Михаила?), с копьем или лабаром в правой, согнутой на груди руке и с державой в левой руке. Фигура дана в повороте направо, а не прямо, как на других змеевиках; мощные крылья все же вмещаются на поле. Нимб вокруг головы—двухлинейный, с бу-синками между линиями. На обратной стороне змеиная композиция, почти стертая временем. Вокруг центральной человеческой головы можно насчитать девять змеиных голов, туловища которых выходят не из человеческой головы, а из какого-то кольца вокруг нее; под головой две змеи ясно пересекаются, при чем головы их после пересечения обращены внутрь, навстречу одна другой; слева от человеческой головы три сигматически изогнутые змеи, нижняя обращена головой вниз, остальные две вверх; то же, должно быть, и направо от человеческой головы. Что касается верха медали, то здесь, из-за плохого литья, плетение нельзя осмыслить. Автотип. изображение змеевика см. в каталоге Уварова, стр. 105, рис. 94 и 95.

Змеиной композиции тип VIII, версия 1.

1. Вариант с богородицей и младенцем на левой руке (лицевая сторона) и с Федором Тироном над кругом со змеями (оборотная сторона).

Средние киотцы трехстворных складней, имеющиеся в Историческом Музее в количестве 14 экземпляров (боковые створки сохранились у 4 экземпляров): два из этих киотцев впаяны в арковидные толстые пластины, с особыми иконными изображениями на лицевой стороне. Киотцы имеют 2 главных размера: во-первых, 4,2 или 4,1 см в высоту, при 3,8 см в ширину; во-вторых, 4,6 или 4,5 и 4,4 см в высоту, при 4 или 3,9 см в ширину. На всех самостоятельных, невпаянных киотцах изображено: лицевая сторона—богородица с младенцем на левой руке, в монограмме при ней М соединено в лигатуре с Р. На оборотной стороне внизу круг, в который включена змеиная композиция; над этим кругом, со змеиным гнездом—Федор Тирон (ниже колен чаще всего), с усилием двумя руками поражающий в пасть змея, свитого в два кольца, одно из которых (ближе к голове) пересекается внизу, другое—вверху. Справа от головы Ф. Тирона надпись: **ФЕДОРЪ**. Экземпляры Исторического Музея следующие:

И. М. № 37808, зеленомедный трехстворный складень; средний створ—киотец, выс. 4,1 см, шир. 3,8 см; надпись справа от Федора Тирона неразборчива. Куплен И. М. в 1892 г. Отмечен в „Указателе“ И. М., изд. 2, М. 1893, по зале 7, под № 13. Автор „Указателя“ видит в своем № 13 сходство с киотцем Толстого № 31.

И. М. № 44194, красномедный трехстворный складень, средний створ—киотец, выс. 4,2 см, шир. 3,8 см, надпись справа от Федора Тирона (**ФЕДОРЪ**) неразборчива. На каждой из двух боковых створок, спереди и сзади, по 3 святых, 1 вверху (поясное изобр.) и 2 внизу (поколенное изобр.), с неясными надписаниями. Куплен в И. М. в 1907 г.

И. М. № 27445, красномедный киотец, выс. 4,4 см, шириной 3,9 см. Монограммы при богородице с младенцем и надпись справа от Федора Тирона (**ФЕДОР**) отлиты плохо и безграмотны. Куплен И. М. у И. Я. Рота в 1893 г.

И. М. (предположительно № 25217, купленный у И. Г. Бажанова?), желтомедный киотец; Федор Тирон изображен во весь рост, справа от него крупная надпись: **ФЕДОРЪ**.

Далее, 3 арковидных крупных иконки, с впаянным на их обороте киотцем (с змеиной композицией наружу), размером и видом

стоящие близко к описанным выше киотцам И. М. № 37808 и № 44194:

И. М. № 571/Д и Уварова № 351: зеленомедная аркообразная пластина, высотой и шириной больше 6 см. На лицевой стороне посредине, в арковидном же обрамлении, изображена богородица с прямым младенцем на левой руке. Кругом этой арковидной рамки, в 9 гнездах, разделенных одно от другого прямой чертой, 9 поясных изображений: вверху—посредине—Христос-вседержитель, по сторонам его богородица и Иоанн Богослов (так называемый „деисус“); с боков — посредине — архангелы Гавриил и Михаил; внизу—ряд—ап. Петр, свв. Николай и Сергей, ап. Павел. На обороте пластины впаян киотец (выс. 4,3 см, шир. 3,8 см), змеиным гнездом кнаружи. Надпись справа от Федора Тирона совсем неразборчива. Экземпляр И. М. № 571/Д, высотой 6,7 см, шириною 6,6 см, подарен И. М. Владимирским Статистическим Комитетом. В „Указателе“ И. М., изд. 2, описан под № 19, по зале 7. Экземпляр Уварова № 351, высотой и шириною 6,8 см, описан в каталоге Уварова на стр. 100 и изображен на стр. 101, рис. 82 и 83.

И. М. № 572/Д: зеленомедная аркообразная пластина, высотой 6,5 см., шириною 5,9 см. На лицевой стороне—изображение „Лона Авраамова“: под сенью стилизованных тонкоствольных растений (виноградные лозы?), образующих три отделения, сидят три праотца—Исаак, Авраам и Иаков, каждый с маленькой фигуркой (праведная душа) на коленях. На верхних крайних ветвях клюют ягоды две, симметрично посаженные птицы, справа—вверху часть сферы (облако, или сияние). По арке пластины вверху нарезаны имена праотцев полууставом XV в.: **ИСАКЪ, АВРАМЪ, ЯКОВ.** Ясно прочесть можно лишь: **...МЪ ЯКОВ.** На обороте пластины впаян киотец, змеиным гнездом кнаружи. Федор Тирон, со змеей и надписью, почти сглажен временем. № 572/Д подарен И. М. Владимирским Статистическим Комитетом, описан в „Указателе“ И. М., изд. 2, по зале 7-й под № 18 (иконная композиция названа здесь не „Лоном Авраамовым“, а „Раем“).

Перейдем к богородичным киотцам с Федором Тироном (справа надпись: **ФЕДОРЪ**), над кругом со змеиной композицией, более крупного размера, чем описанные выше И. М. № 37808 и 44194.

Коллекции Е. Е. Егорова—полный красномедный складень, киотец которого высотой 4,4 см, шириною 4 см.

Уварова № 357, остаток желтомедного золоченого складня, состоящий из среднего киотца, выс. 4,5 см, шир. 4 см, и правой створки. Изображен в каталоге Уварова на стр. 102, рис. 87 и 88.

Уварова № 358, желтомедный киотец, выс. 4,5 см, шир. 4 см; матрица отличается от № 357 Уварова. Изображен в каталоге Уварова на стр. 103, рис. 89.

И. М. № 34696, зеленомедный киотец, выс. 4,5 см, шир. 3,9 см. Приобретен И. М. в 1897 г.

П. И. Щукина № 2944, красномедный киотец, выс. 4,5 см, шир. 4 см.

И. М. № 25218, красномедный киотец, выс. 4,6 см, шир. 4 см. Приобретен И. М. в 1892 г. у И. Г. Бажанова.

И. М. № 26708, красномедный киотец, того же размера, приобретен И. М. в 1892 г. на торгу, происходит из села Дубно, Тверской губернии.

2. Вариант с богородицей и младенцем на правой руке (лицевая сторона) и с Федором Тироном под кругом со змеями (оборотная сторона).

Средние „киотцы“ трехстворных складней, имеющиеся в Историческом Музее в количестве 6 экземпляров (лишь один сохранил и правую створку). Высота 4,6 или 4,5, ширина 4 или 4,2 см. На лицевой стороне киотцев — изображение богородицы с прямым младенцем на правой руке. В написании монограмм по бокам этого изображения **М** слито в лигатуре с **Р**. На оборотной стороне змеинная композиция в круге помещается вверху, под этим кругом поколенный Федор Тирон одной правой рукою поражает копьем змея в пасть. Справа от Федора Тирона заплывшая в литье надпись, повидимому, та же, что на змеевиках с Никитой (наше видоизменение 3-е). Экземпляры Исторического Музея следующие:

Уварова № 355, желтомедный, киотец и левая створка, на обеих сторонах которой по 3 свв.: 1 вверху, 2 внизу (лицевая сторона — верх: **ГАРН**, низ: **НЛЪА** и **ЮА**; оборотная сторона — верх: **НЗОСН**, низ: **КОМА** и **ДЕМІА**).

Уварова № 356, желтомедный, золоченый киотец. Изображен в каталоге Уварова на стр. 102, рис. 86.

Щукина № 21250, желтомедный киотец.

Ист. Музея № 7254, зеленомедный киотец, приобретен в 1881 г. у нижегородца через В. Е. Румянцева. Отмечен в „Указателе“ И. М., изд. 2, 1893 г., по зале 7, под № 11. Автор „Указателя“ сближает с № 30 Толстого.

Ист. Музея № 17718, зеленомедный киотец, приобретен в 1888 г. в коллекции И. М. Зайцевского. Отмечен в „Указателе“ И. М., изд. 2, по зале 7, под № 12 и сближен там с Толстого № 30.

Ист. Музея № 32913, киотец, куплен в 1896 г. на торгу.

3. Вариант с Никитой и бесом (лицевая сторона) и с Федором Тироном под кругом со змеями (оборотная сторона).

Змеевик с Никитой, бьющим беса (на лицевой стороне), имеется в Историческом Музее 11 экземпляров. Это все средние киото-видные части трехстворных складней, боковые части которых сохранились лишь на одном экземпляре. Змеиная композиция, на киотцах с Никитой, всегда вверху; под кругом с этой композицией помещается Федор Тирон, втыкающий одной правой рукой копьё в пасть змея. Змеевики с Никитой имеют четыре видоизменения, отличающихся между собою размерами киотца и расположением, а также чтением надписей обеих сторон. На лицевой стороне, по бокам средней башни здания, на фоне которого изображен Никита, стоят буквы **МН НТ**, или **МН КНТ**, или **ННК НТ**; справа от Федора Тирона всегда **ФЕДАР**, и еще: **МНТИ ФЕДОРА ТИРОНА**. Последняя фраза делится на три строки, на каждом видоизменении 1-го варианта по разному. Буквы этих надписей все поздние, XVII—XVIII в., по крайней мере.

Видоизменение 1. П. И. Щукина № 3035, красномедный киотец. По сторонам башни: **МН(?) НТ**. Справа от Федора Тирона надпись:

**ФЕДАР   МНТИ ФЕ
ДОРА ТИРО
НА**

Сюда же следует отнести киотец Уварова № 379, желтомедный, выс. 5,6 см, шир. 4,2 см. По сторонам башни: **МН(?) НТ**. Справа от Федора Тирона:

**ФЕДАР   МНТИФЕД
ОРАТИРО
НА**

Видоизменение 2. П. И. Щукина № 9330, красномедный киотец, пошире и пониже Щукина № 3035, выс. 5,1 см, шир. 4,6 см. По сторонам башни: **МН КНТ**. Справа от Федора Тирона надпись, подобная № 3035, но буквы в литье заплыли. Ход двух-кольцового извития змея, которого поражает Тирон, проще, чем на № 3035. Сюда же следует отнести два киотца Уварова № 381 (желтомедный) и № 382 (красномедный). Один из них изображен в каталоге Уварова на стр. 107, рис. 97 (лицевая сторона).

Видоизменение 3. Зеленомедный киотец, переданный в И. М. в 1888 г. от Кабинета Изящных Искусств Московского университета (передаточной ведомости № VI по отделу „икон и крестов“);

отмечен составителем „Указателя“ И. М., изд. 2, по зале 7, под № 15¹. По сторонам башни: **МН КНТ**; справа от Федора Тирона:

**ФЕДОР МНТН
ФЕДОРА ТН
РОНА**

Сюда же относятся 2 красномедные трехстворные складни Е. Е. Егорова и Уварова № 380 (плохого литья); от последнего сохранился средний киотец (выс. 4,8 см, шир. 4,3 см)—змеевик и правая створа, на обеих сторонах которой изображено по 3 святых (1 вверху, 2 внизу) с надписями имен (разобрать можно только два: лиц. нижн. лев. — „Василій“, оборот. верхн. — „Петръ“). На киотце Уварова № 380, по сторонам башни: **МН КНТ**; справа от Федора Тирона:

**ФЕДОР МНТН
ФЕДОРАТН
РОНА.**

Видоизменение 4. Зеленомедный киотец Истор. Музея № 17119, выс. 5,4 см., шир. 4,3 см. По сторонам башни: **МНК НТ**; справа от Федора Тирона:

**ФЕДАР МТН ФЕД
ОРА ТИРО
НА.**

Вероятно, № 17119 отмечен составителем „Указателя“ И. М., изд. 2, под № 14, по зале 7.—Желтомедный золоченый киотец М. П. и Румянцевского Музея № 1733, выс. 5,5 см., шир. 4,3 см. По сторонам башни: **МНК НТ**; справа от Федора Тирона:

**ФЕДАР МТН ФЕД
ОРА ТИРО
НА**

Змеевик этот Севастьяновского собрания, описан в книге: „М. Пуб. и Рум. Музеи. Каталог отделения древностей. б) Древности русские“, М. 1905, под № 1733. — Красномедный киотец Исторического Музея № 25250, приобретенный в 1892 г.².

¹ Составитель „Указателя“ видит в № 15 сходство с № 32 Толстого.

² М. И. Соколов сближает „мити“ змеевиков с греческими „митир“, или предлагает читать „мити“, как „мати“, и думает, что вся „такая надпись внушена тем, что традиционное изображение ...демона в виде женской головы, окруженной змеями, понятно было, под влиянием сказаний о чуде Федора (Тирона), как изображение его матери, окруженной двенадцатью змеенышами“ („Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками“, Ж. М. Н. Пр. 1889 г., июнь, стр. 362).

Змеиной композиции тип VIII, версия 2.

Средние „киотцы“ трехстворных складней, имеющих в Историческом Музее в количестве 9 экземпляров, у которых боковые створы потеряны. Выс. около 5,5 см, ширина 4,5 см. Есть и побольше — на 1 — 2 миллиметра. На лицевой стороне этих киотцев, верхняя арка которых подперта боковыми столбиками, изображена богородица, с младенцем на правой руке. Обрамление киотца, нимбы, кайма одежды усажены рядами выпуклых бусин. На оборотной стороне вверху, в круге с теми же бусинами, — змеиная композиция; внутри змеиных пересечений распростерты от человек. головы линейные руки и такие же, свисшие от нее ноги. Под кругом со змеями все поле заполнено надписью перевернутыми буквами XVI — XVII в., которая содержит неразборчивое молитвенное изречение (расшифровку Н. Петрова см. выше). Экземпляры Исторического Музея:

Три киотца собрания Уварова № 352 — 354, желтомедные; один из них изображен в каталоге Уварова, стр. 102, рис. 84 и 85. Надпись у Уварова разобрана и прочтена спорно.

Один киотец желтомедный, переданный И. М. в 1923 г. из б. Румянцевского Музея, описан в книге: „М. Пуб. и Рум. Музеи. Каталог отделения древностей. б) Древности русские“. М. 1905, под № 1732 (собрания кн. Вяземского). Содержание надписи объяснено спорно.

Два зеленомедных киотца И. М.: № 17118, поступивший в И. М. с коллекцией И. М. Зайцевского в 1888 г.; № 25217 (?), купленный в 1892 г. у И. Г. Бажанова. Эти, вероятно, экземпляры отмечены в „Указателе“ И. М., изд. 2, М. 1893 г., по зале 7, под № 16 и 17.

Один красномедный киотец И. М. № 43873, купленный И. М. в 1906 г. на торгу; происходит, по словам продавца, из с. Белгородки, Киевского уезда.

Один киотец И. М. № 33922, купленный И. М. в 1896 г. у А. А. Львова.

Один красномедный киотец И. М. № 52650, купленный И. М. в 1921 г. у П. И. Юкина.

Змеиной композиции тип VIII, версия 3.

И. М. № 42873. Бронзовый круглый змеевик, 5 см. в диаметре. На лицевой стороне более, чем поясное, изображение богородицы, с поднятыми руками („оранта“). Богородица с плеч до

низа фигуры обрамлена полоской, внутри которой находятся перекрещивающиеся полосы (в виде „андреевского креста“). Вся эта „цата“ состоит, таким образом, из плоских полосок, лежащих прямо на изогнутых складках одежды. По сторонам двухлинейного головного нимба буквы: **М** **Ф**. На оборотной стороне человеческая голова, из которой исходят две линейных распростертых руки с раскрытыми дланями и 10 змей. Руки разделяют змеиную композицию на две части — верхнюю и нижнюю. В верхней части 5 пересекающихся серповидных змей (у нижней правой нет пары); в нижней части — 5 пересекающихся сигматических змей, пары нет у правой верхней. Встречное положение их драконовидных голов не вполне выдержано (встречны лишь три пары — одна над руками и две под ними). И. М. № 42873 отмечен в „Отчете“ И. М. за 1905 г., стр. 19. По мнению описателя „Отчета“, этот змеевик — „русское дело XII—XIII в.“ Куплен он в 1905 г., место находки неизвестно.

Два следующих змеевика почти тождественны между собою:

И. М. № 43649. Светлокрасномедный круглый змеевик, диаметром 4 см (был больше, но обтерся). На лицевой стороне изображена, повидимому, женская поясная фигура, с головою в трехлинейном нимбе, с согнутыми в локтях руками и воздетыми на груди дланями; между открытыми кнаружи ладонями видна не то вертикальная складка одежды, не то непонятый крест. На оборотной стороне почти совершенно стертая змеиная композиция, но все-же тождественная следующему ниже змеевику. Буквы по сторонам фигуры в нимбе разобрать трудно, но, по нашему мнению, и теперь еще видно справа **М**, а слева — нижнюю часть **О** или **Ф**. Змеевик куплен И. М. в 1906 г., найден у с. Грымченца, Каневского уезда, Киевской губ. Описан в „Отчете“ И. М. за 1906 г. и изображен там на стр. 23. По мнению описателя „Отчета“ (по нашему — спорному), лицевое изображение № 43649 представляет: „Параскеву младу, со крестом“; описатель относит змеевик к XI—XII веку.

Красномедный змеевик, диаметром 4,2 см, находится на выставке в Византийском отделе Исторического Музея. На лицевой стороне изображение совершенно такое же, что на № 43649, только нимб двухлинейный, насеченный прерывисто; с правой стороны поясной фигуры можно прочесть **Ф**. На оборотной стороне следующая змеиная композиция: в центре человеческая голова со спускающейся на уши прической. Из головы идут кверху два змеиных туловища, которые сплетены так, что образуют серпы, пересекающиеся между собою и (ближе к голове) два кольца.

Драконовидные головы змей смотрят в разные стороны, и над самой человеческой головой одна драконовидная обращена к ней. С левого бока человеческой головы видится голова дракона, идущая от левого из упомянутых колец и обращенная к центру. С правого бока — одна, почти не гнутая змея с головой дракона, обращенной кверху. Плетенье под человеческой головой не соответствует, кажется, плетению над нею. Тут слева виднеется змеиное кольцо, внизу же и справа несимметрические пересечения змей. Всего можно разобрать 9 драконовых голов с туловищами, которые имеют продольную борозду. В этой композиции как будто слита композиция Черниговской гривны и серповидная, сложно пересекающаяся.

С этими двумя змеевиками находится в известной близости по лицевому изображению следующий:

Щукина № 3030. Змеевик бронзовый (?—сильно позеленевший), грушевидной формы, высотой 4 см, наибольшей шириной 3,6 см. На лицевой стороне поясное изображение женской фигуры в нимбе, с согнутыми в локтях на груди руками, из которых правая держит крест, а ладонь левой раскрыта кнаружи и обращена кверху. По сторонам изображения нарезная колончатая надпись: **ВАР ВАР(А)**. На оборотной стороне в заплывшем центре, вероятно, человеческая голова, от которой исходят девять змей: две кверху, две книзу, две прикреплены к человеческой голове справа, но заходят налево, пересекаясь здесь между собою и, на своем пути, пересекая все (?) змеиные туловища, расположенные вокруг головы (в том числе и три правых туловища). Змеиные головы слева от человеческой головы обращены влево, справа от нее — вправо. Расположение змеиных туловищ несколько напоминает № 27 Толстого (резной эллипсовидный камень с заклинанием „истеры“ и с воззванием к богородице, хранящийся в Готе).

Змеиной композиции тип VIII, версия 4.

Круглый змеевик, диаметром 5,6 см. На лицевой стороне, в двухлинейной кайме, с веревочным плетением между линиями, изображение богородицы (почти до колен), с прямым младенцем (en face) на левой руке. По сторонам и сверху изображения надпись: **MP** **Θ̅̅̅** **IC XC**. На оборотной стороне в мелконасеченной кайме — человеческая голова со стоячими волосами, над которой две змеи перекрещиваются и под которой две развилыстые змеиные пары, одна под другой. Сквозь верхнюю, перекрещивающуюся

над головой пару змей горизонтально пропущено длинное копьё, которое стоящий в рост, слева от человеческой головы, Федор Тирон двумя руками втыкает в раскрытую пасть особого, извитого, но не кольчатого змея, находящегося справа от человеческой головы. Под Федором безграмотная подпись буквами XVIII—XIX в.: **ФЕОЛОР**. Змеи насечены подобно кайме. Версия эта Толстому неизвестна. Экземпляров в Историческом музее три:

И. М. № 44199 куплен в 1907 г. у П. С. Кузнецова, желтомедный.

И. М. № 47452, поступивший в 1911 г. в дар от М. Н. Сперанского, зеленомедный.

П. И. Шукина № 2998, бронзовый (?).

Змеиной композиции тип IX.

П. И. Шукина № 3006, круглый змеевик, диаметром 3,5 см, красномедный. В двухлинейном круге, с бусинками между линиями, изображено на лицевой стороне „Распятие“, с двумя поколенными фигурами предстоящих. Крест — семиконечный, с двумя перекрестьями, над головой Христа и в ногах; верхний конец креста внутри перекрещен линейно. На оборотной стороне сбитая, стертая человеческая голова, от подбородка которой идут вправо и влево (книзу) два коротких отростка (головы змей?). От человеческой головы накрест идут 4 стержня, разгибающихся каждый на пару змей; боковые стержни у основания, сверх того, имеют еще по разгибающейся паре змей. Всего змей 12 (не считая отростков от подбородка человеческой головы). Змеиные головы, у каждой пары повернутые симметрично в разные стороны, имеют вид утиных. Вся змеиная композиция включена в двухлинейный круг с бусинками. Шукина № 3006 имеет совершенно такую же сквозную дырочку над верхним углом креста, как плохо изображенный у Толстого № 16, т. е. это, должно быть, один и тот же экземпляр. Толстой взял это изображение из статьи Л. В. Даля „Заметка о медных гривнах XII века“, в „Древностях“ Москов. Арх. Общ., т. IV, стр. 74, 1874 г.

А. Орлов.

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ.

Следует читать:

Стр. 39 строка	6	снизу	1888 года.
" 52 "	18—20	сверху	и акварельный портрет Нат. Серг. Уваровой, в замужестве Балабиной. Как работы Молинали интересны.
" 54 "	17	сверху	княжеству Кашинскому.
" 89 "	8	снизу	д-ру Б. Дину.
" 96 "	14	"	сознавалась.
" 113 "	13	"	первоначально не было: таковой получен Библиотекой в феврале 1925 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакционно-издательской комиссии	Стр. 5
--	-----------

Отчет Государственного Исторического Музея за 1916—1920 гг.

Обзор важнейших поступлений—9. По Отделу древностей первобытных и курганных—9. По Отделению древностей греко-римских и византийских—12. По Отделу исторического быта—12. По Отделению религиозных древностей—15. По Отделению памятников народного творчества—16. По Отделению монет, медалей и печатей—16. По Отделу иконографии—16. По Отделу рукописей и книг старой печати—18. По Отделу архива бытовых и историко-литературных материалов—20. По Отделению войны и революции—23.	
Обзор ученой деятельности	24
Обзор пользования коллекциями Музея сторонними лицами	34

Отчет Государственного Исторического Музея за 1921—1925 гг. . . . .

Обзор важнейших поступлений—44. I. Разряд археологический—44. II. Разряд исторический общий—47. 1. Отдел византийских памятников—47. 2. Отдел крестьянского быта—48. III. Разряд исторический специальный—49. 1. Отдел архитектуры и мебели—49. 2. Отдел тканей, одежды и личных украшений—49. 3. Отдел иконографии—51. 4. Отдел государственного быта—53. 5. Отдел домашнего быта—55. 6. Отдел религиозного быта—64. 7. Военно-Исторический Музей—65. IV. Разряд исторических источников—66. 1. Отдел рукописей и книг старой печати—66. 2. Отдел архива—67.	37
Обзор ученой деятельности Государственного Исторического Музея—69. I. Разряд археологический—69. 1. По Отделу доисторической археологии—69. 2. По Отделу ранне-исторической археологии—70. 3. По Отделу славяно-финской археологии—70. II. Разряд исторический общий—72. 1. Отделы по истории России—72. 2. Отдел истории быта XVIII века—75. 3. Отдел истории быта XIX века—75. 4. Отдел северной и средней Руси—76. 5. Отдел византийских памятников—78.	

6. Отдел крестьянского быта—80. 7. Музей 40-х годов—82. III. Специально-исторический Разряд—83. 1. Отдел архитект.—84. 2. Отдел одежды, тканей и личных украшений—84. 3. Отдел памятников домашнего обихода—84. 4. Отдел государственного быта—85. 5. Отдел религиозного быта—85. 6. Отдел иконографии—85. 7. Военно-Исторический Музей—86. 8. Отдел «Старая Москва»—87. IV. Разряд исторических источников—88. 1. Отдел рукописей—89. 2. Отдел архива исторических источников—91. 3. Отдел исторической географии и картографии—92. 4. Отдел истории книги в России—93. 5. Эпиграфическая комиссия—95. V. Разряд функциональный—96. 1. Отдел теоретического музееведения—96. VI. Библиотека Государственного Исторического Музея—109. 1. Штаты библиотеки—110. 2. Структура библиотеки—110. 3. Комплектование библиотеки—113. 4. Обменный фонд—114. 5. Научно-исследовательская работа—114. 6. Командировки—115. 7. Выставки—116. 8. Музей памяти Достоевского—117. 9. Комиссия по изданию материалов Музея памяти Достоевского—118. VII. Популяризация музейных собраний—119. VIII. Реставрационная мастерская—131.

Некрологи—133. В. Н. Щепкин—135. А. И. Станкевич—137. Н. И. Кононов—139. М. А. Голубцова—141. Л. М. Бирюкова—142.

Приложение I. Сводка материалов Комиссии по реорганизации Российского Исторического Музея.—Г. Л. Малицкого.

Приложение II. Собрание рукописей И. Е. Забелина.—М. Н. Сперанского.

Приложение III. Серебряная чашка из Микулина-городища.—А. В. Орешникова.

Приложение IV. Орнамента чашки из Микулина-городища.—Д. Н. Протасова.

Приложение V. Амулеты «змеевики» Исторического Музея.—А. С. Орлова.

Издания Государственного Исторического Музея

- Отчеты Исторического Музея за 1905 — 1911 гг.
Приложение к Отчету 1911 г.
Отчеты Исторического Музея за 1912 — 1915 гг.
Юбилейный Отчет Музея за XXV лет.
Карточные каталоги Российского Исторического Музея.
Российский Исторический Музей. Описание памятников.
Вып. I. Русские монеты до 1547 г.
Российский Исторический Музей. Описание памятников.
Вып. II. Житие св. Нифонта, лицевое XVI века.
Российский Исторический Музей. Описание памятников.
Вып. III. Рукопись комедии А. С. Грибоедова „Горе от ума“.
Каталог книг библиотеки А. П. Бахрушина, I, II и III вып. — русские книги; IV вып. — иностранные книги.
Отдел Византийских памятников (краткий очерк).
Краткий путеводитель по Музею, 3-е издание.
Путеводитель „Бытовой Музей 40-х гг.“ Б. В. Шапошников. 2-е издание. Цена 30 коп.
„Дом 40-х годов“. Путеводитель по выставке intégrier'ов. Цена 80 коп.
„Музей и Школа“. Н. С. Воскресенская. Цена 20 коп.
„Резная кость“ Текст и описание. Л. И. Свионтковская-Воронова. Цена 5 руб.
Труды Государственного Исторического Музея. Вып. I. Разряд Археологический. Цена 3 руб. 75 коп.
Труды Государственного Исторического Музея. Выпуск II. Разряд Исторических Источников. (Неизданные письма М. Н. Волконской). Цена 2 руб.
Труды Государственного Исторического Музея. Вып. III. Разряд Обще-Исторический. Цена 2 руб.
Путеводитель по выставке „Москва в старинных изображениях“. Цена 30 коп. (Распрод.)
Путеводитель по „Выставке памятников древне-русской иконописи“. А. И. Анисимов. Цена 45 коп.
Путеводитель по выставке „Из эпохи крепостного хозяйства“. Цена 1 руб. 30 коп.

Цена **4 р. 25 к.**